

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
ЗОЛОТАЯ КОЛ
ФАНТАСТ

УИЛЬЯМ
МОРРИС

СКАЗАНИЕ
О ДОМЕ
ВОЛЬФИНГОВ

Золотая коллекция фантастики

Уильям Моррис

**Сказание о Доме
Вольфингов (сборник)**

«ЭКСМО»

1889, 1890

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Моррис У.

Сказание о Доме Вольфингов (сборник) / У. Моррис —
«Эксмо», 1889, 1890 — (Золотая коллекция фантастики)

ISBN 978-5-699-84198-1

Уильям Моррис (1834–1896) – английский поэт, писатель, переводчик, художник, дизайнер, издатель, изобретатель и общественный деятель, поистине выдающийся ум и во многом культовая личность Викторианской эпохи. На Западе его помнят в первую очередь как писателя, создавшего жанр фэнтези из искрящейся смеси рыцарского романа и волшебной сказки; писателя, чьё знамя позже подхватят Дж. Р. Р. Толкин и К. С. Льюис. Эта книга включает в себя три ранних романа Морриса, открывающих новую страницу в истории фантастической прозы.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-84198-1

© Моррис У., 1889, 1890
© Эксмо, 1889, 1890

Содержание

Уильям Моррис – бард Средневековья	6
Сказание о Доме Вольфингов и всех родах Марки, изложенное в стихах и прозе	21
Глава I. Поселения Средней Марки	22
Глава II. Стрела Войны	26
Глава III. Тиодольф разговаривает с Солнцем Леса	30
Глава IV. Вольфинги отправляются на войну	40
Глава V. О Солнце Крова	45
Глава VI. Разговоры на пути к тингу	55
Глава VII. Воины сходятся на тинг	60
Глава VIII. Народное собрание жителей Марки	65
Глава IX. Старец из рода Дейлингов	75
Глава X. В бражный зал Вольфингов приходит старушка	77
Глава XI. О том, что поведала Солнце Крова	79
Глава XII. Новости о сражении в Браниборе	82
Глава XIII. Солнце Крова снова пророчит	86
Глава XIV. Солнце Крова выставляет дозор на лесные тропы	89
Глава XV. Вести о Сражении на Холме	92
Глава XVI. О том, как гномью кольчугу унесли из бражного зала Дейлингов	98
Глава XVII. Солнце Леса разговаривает с Тиодольфом	100
Глава XVIII. В вагенбург приносят вести	107
Глава XIX. К Тиодольфу приходит гонец	110
Глава XX. Оттер с отрядом приходит в Среднюю Марку	116
Глава XXI. Сражение у брода	121
Глава XXII. Оттер атакует против своей воли	124
Глава XXIII. Тиодольф сражается с римлянами на лугу Вольфингов	128
Глава XXIV. Готы разбиты римлянами	131
Глава XXV. Войско Марки укрывается в диком лесу	134
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Уильям Моррис

Сказание о Доме Вольфингов (сборник)

© Аристов А. Ю., перевод на русский язык, комментарии, 2016

© Лихачёва С. Б., перевод на русский язык, вступительная статья, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Уильям Моррис – бард Средневековья

William Morris
Уильям Моррис (1834–1896)

Уильям Моррис (1834–1896) в России долгое время был известен скорее как художник-оформитель и пропагандист социалистических идей, нежели как поэт-медиевист, автор многочисленных псевдосредневековых романов и поэм. Образ писателя-социалиста, прочно закрепившийся за У. Моррисом в советском литературоведении, нашёл отражение и в том, сколь однобоко было представлено его творчество в русскоязычных изданиях. Начиная с 1906 года, много раз издавались и переиздавались переводы социалистической утопии «Вести ниоткуда, или Эпоха счастья», «Сон про Джона Болла», «Урок короля»; широко цитировался «Марш рабочих». Характерно, что именно эти произведения упомянуты в Большой советской энциклопедии в разделе, посвящённом Моррису. Переводились избранные статьи, лекции, речи и письма – те, что подкрепляли образ Морриса-социалиста, вдохновителя английского рабочего движения, члена Демократической федерации и одного из основателей Социалистической лиги. Примерно та же подборка представлена в сборнике издательства «Иностранная литература» за 1959 год на английском языке: цикл «Песни для социалистов», прозаические произведения «Сон про Джона Болла» и публицистика («Искусство и социализм», «Фабрика такой, какой она могла бы быть», «Как я стал социалистом»). Однако, вопреки прочно утвердившейся репутации борца за права рабочего класса, социалистические писания занимают в творческом наследии Морриса место если не самое скромное, то уж никак не основное. Восторженный апологет Средневековья, по отзывам литературного критика Лафкадио Хирна, Моррис – «самая значительная фигура среди романтиков, вдохновитель кружка прерафаэлитов, самый плодовитый поэт своего века, по таланту и интенсивности чувства не уступающий Вальтеру Скотту»¹. Говоря о поэзии Морриса, Хирн уверяет: стихотворное наследие такого масштаба встречается только у поэтов Средних веков, столь Моррисом любимых, – у поэтов, создававших романы и эпосы по тридцать-сорок тысяч строк. Речь идёт, разумеется, не о широко цитируемом «Марше рабочих».

Переводчик и музыкант, художник и архитектор, поэт, дизайнер и скульптор, всегда и во всём Моррис в первую очередь был и остаётся пламенным апологетом Средневековья, идёт ли речь о прикладном искусстве, архитектуре или литературном творчестве. Для кружка прерафаэлитов, поэтов и художников (в число которых, помимо Морриса, входили Чарльз Эджертон Суинберн, Эдвард Бёрн-Джонс и Данте Габриэль Россетти), идеализация прошлого весьма типична. Решительно отвергая образ жизни, основанный на отношениях меркантильной расчётливости, прерафаэлиты обращаются к Средневековью с его традициями рыцарства и ремесла, основанного на индивидуальном творчестве, переосмысливая историю в соответствии с собственными эстетическими взглядами. Страстная любовь к идеализированному прошлому и ностальгическая тоска по утраченному «золотому веку» находят отражение во всём, за что берётся Моррис (а человека более разносторонних интересов и, что замечательнее, более разносторонних талантов, не знает век): в графике и в живописи, в дизайне мебели, в поэзии и прозе. Не следует забывать, что именно на викторианский период приходится так называемое «Артуровское Возрождение»: массовое обращение литераторов к тематике легендарного короля Артура и рыцарей Круглого стола. Моррис «возрождает» Средневековье буквально: не только в литературе, но и в реальной жизни. Деятельность кустарных мастерских Морриса, производящих мебель, ткани, обои, металлические изделия, витражи, шпалеры, вышивки и декоративную роспись, во многом способствовала возрождению английского декоративно-прикладного искусства. Забегая вперёд, отметим, что эта увлечённость Морриса напрямую перекликается с его же литературным творчеством. Порою создаётся впечатление, что событийная канва романов менее важна, нежели «декоративный» аспект. Моррис «в слове» воссоздаёт прерафаэлитскую эстетику живописи: осязаемую «предметность», придирчивое внимание к изысканным, тщательно

¹ Hearn L. William Morris. In: *Appreciation of Poetry*. Ed. John Erskine. NY: Dodd, Mead, 1916. PP. 239–279.

выписанным, исполненным символизма деталям, что так завораживают зрителя на полотнах Д. Г. Россетти, Д. Э. Милле и Э. Бёрн-Джонса; к элементам одежды, интерьера и предметов быта. Так, героиня романа «Воды Дивных Островов» – искусная вышивальщица: «Платье украсила искусница розами и лилиями; от кромки юбки в самой середине полотнища поднималось высокое дерево, а по обе его стороны мордочками друг к другу застыли лани. Сорочку же на груди и вдоль края изящно расшила она веточками да бутонами». Не будет преувеличением сказать, что в каком-то смысле персонажи моррисовских романов и сами гармонично вливаются в движение «arts and crafts» – «Движение искусств и ремёсел».

В 1877 году Моррис основывает Общество защиты старинных зданий, а в 1890–1891 – Кельмскоттское издательство, выпускающее книги по образцам «инкунабул» – первопечатных книг, изготовлявшихся с наборных форм до 1501 года и напоминавших внешним видом рукописные. Непревзойдённым образцом книгоиздательского искусства следует считать Кельмскоттское издание трудов Джеффри Чосера, опубликованное в 1896 году, за несколько месяцев до смерти Морриса: дань Морриса и Бёрн-Джонса великому английскому поэту и высшее достижение сотрудничества друзей, длившегося всю жизнь. Впоследствии Бёрн-Джонс признавался: «Если бы такая вот книга вышла в ту пору, когда мы с Моррисом были мальчишками в Оксфорде, мы бы просто с ума сошли, а теперь вот, на закате дней наших, мы создали ту самую вещь, которую сотворили бы тогда, кабы могли»².

При жизни У. Моррис снискал широкую известность как стихотворец: критики восхищались его поэмами «Земной рай», «История Сигурда Вэльсунга» и «Падение Нибелунгов». В наши дни, вместе с возрождением интереса к фантастическому и волшебному, возрождается интерес к поэтическим произведениям и поздним романам Морриса, в переводах на русский язык ранее не представленным.

Издание романа «Воды Дивных Островов» в 1996 году явилось первой попыткой заполнить эту брешь. Это произведение, с одной стороны, вобрало в себя то типическое, что отличает прозаическое творчество Морриса-медиевиста, а с другой стороны, является одним из наиболее любопытных образчиков изобретённого Моррисом жанра.

Прозаические романы Морриса, составляющие около двух третей художественного наследия писателя, в англоговорящих странах более импонируют читающей публике, нежели обсуждаются критиками; может быть, потому, что на момент их появления произведения эти было настолько трудно судить с точки зрения какой бы то ни было общепринятой литературной теории: теория явственно отставала от практики. Когда в 1888 году вышел из печати первый из романов, «Сказание о Доме Вольфингов», обозреватель «Атенеума» в растерянности признал: Моррис изобрёл форму искусства настолько новую, что к ней могут быть применимы только заново сформулированные нормы литературной критики. Не то чтобы Викторианская эпоха впервые столкнулась с такого рода образчиком: Джордж Макдональд, к примеру, к тому времени уже написал «Фантастес». Но «Фантастес» и «Лилит» – явление единичное; в случае художественной прозы Морриса мы имеем дело с наследием таких масштабов, что вправе говорить ни много ни мало как о создании нового жанра в рамках викторианской литературы, жанра самодостаточного и многообещающего. Определение к нему подобрать затруднительно, а вот развитие проследить просто: жанр этот, зародившийся в виде рыцарского средневекового романа, ныне существует в виде героической фэнтези. Показательно то, что все прозаические романы Морриса написаны в поздние годы жизни писателя и, следовательно, являются результатом уже сформировавшегося, зрелого мировоззрения и эстетики, а отнюдь не литературного эксперимента увлекающейся юности. Имя Уильяма Морриса, «марксистского мечтателя», вместе с Джорджем Макдональдом и Лордом Дансейни часто упоминается в одном ряду с К. С. Льюисом и Дж. Р. Р. Толкином,

² Burne-Jones G. Memorials of Edward Burne-Jones. In 2 vols. London: Macmillan and Co., 1904. Vol. 2, p. 248.

создателями авторского мифа. Не случайно, что и Толкин, и Льюис включали Морриса в число своих любимых писателей.

Интерес Уильяма Морриса к Средним векам был отнюдь не только любительским, но во многих отношениях профессиональным: знаток рыцарского романа, Моррис собрал в личной библиотеке такие памятники средневековой литературы, как «История Святого Грааля», «Пальмерин Английский», «Тристрам из земли Лионесс», а в 1893 году перевёл и опубликовал ряд старофранцузских романов. В ответ на вопрос, какие книги ему более всего запомнились, Моррис называл «Англосаксонскую хронику», «*De Gestis Regum Anglorum*» – труд Уильяма Мальмсберийского, «Круг земной» – «Хеймскрингла». В творчестве Морриса отчётливо прослеживаются несколько влияний: так, в «Защите Гвиневеры» Моррис переосмысливает материал «Смерти Артура» Томаса Мэлори, а поэма «Земной Рай» представляет собою попытку возродить повествовательное искусство Джеффри Чосера. Нередко Моррис заимствует образы из живописи Россетти, сочетает великолепие Средневековья с ужасами готического романа.

Для Викторианской эпохи в целом характерно резкое повышение интереса к Средним векам. Идиллическое прошлое воспевается писателями и художниками девятнадцатого века: прерафаэлиты в живописи, А. Теннисоном в поэзии. Согласно Полю Мейеру, «романтический пыл викторианцев превратил Средние века в золотой век. Увлечение Средневековьем порою сводилось к чисто эстетическому эскапизму, порою становилось орудием критики, а порою принимало форму скрупулезного исторического исследования»³. Уильям Моррис прошёл все эти фазы, правда, с некоторыми оговорками.

В январе 1853 года юный Моррис поступает в Эксетер-колледж Оксфордского университета, намереваясь стать священником англиканской католической церкви. Средневековый характер старейшего университетского города Англии чувствовался во всём; более того, повсюду ощущалось влияние «готического возрождения» – резкого повышения интереса к готике, что пришлось на вторую половину восемнадцатого века. Смена эстетических ориентиров повлекла за собою и новые тенденции в развитии романа. Гораций Уолпол и его друзья Уильям Бекфорд и Томас Уортон возрождали «варварский» стиль в архитектуре, в том числе и перестраивая собственные усадьбы. Они же стали основоположниками жанра «готического романа». К тому времени, как Моррис оказался в Оксфорде, увлечение готикой уже сошло на нет, однако след остался – как в архитектурном ансамбле города, так и в системе эстетических концепций современного Моррису поколения. От «Мельмота Скитальца» Ч. Мэтьюрина (1820), итогового романа жанра, Морриса отделяет всего-то полтора десятка лет.

Встреча с Бёрн-Джонсом и труды Джона Рёскина пробудили в Моррисе интерес к готическому Возрождению в искусстве; а в литературе, как уже было сказано, торжествовало Возрождение «артуровское». Увлечению Средневековьем способствовал и круг чтения юного Морриса: к сочинениям отцов церкви добавлялись средневековые романы и хроники, а также и более близкие по времени поэты: Джон Китс, Роберт Браунинг, Альфред Теннисон. В университете царил культ средневекового рыцарства. А Моррис был человеком увлекающимся и восторженным: порою одной встречи оказывалось достаточно, чтобы он коренным образом изменил свою жизнь. Под влиянием учения Т. Карлейля и лекций Рёскина, Моррис и Бёрн-Джонс основали братство, покровителем которого почитался Галахад. Наверное, именно тогда «артуровское возрождение» обрело нового паладина...

Ю. Ф. Шведов, в своём предисловии к вышеупомянутому изданию произведений У. Морриса на английском языке, утверждает, что «Моррис любил не средневековье как таковое, с его общественно-политическими институтами, а людей докапиталистической эпохи,

³ Meier P. William Morris: the Marxist Dreamer. Trans. Frank Gubb. In 2 vols. New Jersey, 1978, vol. 1.

не испорченных современной поэту буржуазной цивилизацией»⁴. При более близком знакомстве с творчеством писателя это представляется в корне неверным. Моррис любил Средневековье именно как таковое, средневековые ценности и средневековые институты: вольности городов и гильдий, понятие вассальной преданности, лежащее в основе феодальной этики, искусство ремёсел и рыцарские идеалы служения даме. Страстное увлечение Морриса социализмом объясняется, в сущности, тем, что Моррис усмотрел в социалистическом учении возможность воплотить близкие ему идеалы Средневековья в современной действительности. Подтверждением чему, собственно, и служит роман-утопия «Вести из ниоткуда».

Несмотря на профессиональные познания Морриса, «историчность» его романов следует воспринимать с большой оговоркой. Невозможно согласиться, что средние века Морриса – и в самом деле «золотой век»; силы зла осаждают их ничуть не меньше, чем наше собственное время. Не стоит считать их и орудием критики против викторианской реальности, разве что в очень обобщённом смысле. «Иные миры» Морриса – это достаточно отстранённая и в значительной мере самодостаточная реальность, предназначенная не для того, чтобы критиковать или просвещать, но чтобы наслаждаться. Средневековье для Морриса – это удобный полигон для литературного эксперимента и живописные декорации для реализации его собственных эстетических концепций. Историческое прошлое не выступает объектом серьёзного научного исследования, но интерпретируется и меняется в соответствии с художественным замыслом автора. Именно так писатели-медиевисты Викторианской эпохи подходили к истории. Согласно К. С. Льюису, «увлечение Морриса средними веками случайно, подлинные интересы Средневековья – мистицизм христианства, философия Аристотеля, куртуазная любовь – для него ничего не значат. Столь же бессмысленно применять исторический подход к чосеровской Трое, или к Аркадии Сидни, или к пьесам Дансейни»⁵. Моррис построил свой воображаемый мир на основе тех смутных представлений о средних веках, что доминировали в сознании его современников в общем и его круга в частности, – и в результате допустил немало исторических ошибок. «Но как поэт он прав – просто потому, что лжеконцепция Средних веков существовала всегда. В некотором смысле она – часть нашей мифологии»⁶. Средневековье Морриса не есть средневековье истинное, но Средневековье в представлении викторианца.

К слову сказать, У. Моррис всю жизнь зачитывался произведениями Дюма-отца, а великий французский романист, как известно, с историческим прошлым обращался достаточно вольно: для него история всегда оставалась тем самым гвоздём, на который автор вешает свою картину. В воспоминаниях Мэй Моррис, дочери писателя, мы читаем: «В семейном кругу отец частенько жаловался: “Ну почему у Дюма не осталось ни одного славного, длинного романа, которого бы я еще не читал?” Домашние обычно отвечали на это: “Так напиши сам”». В результате был создан бесконечный «Источник на Краю Мира». Интересно, что примерно та же история впоследствии повторится с К. С. Льюисом, большим поклонником Морриса: Льюис охотно признавался, что писал именно такие книги, которые хотел бы прочесть сам.

Помимо средневекового рыцарского романа, значительное влияние на писателя оказал мир саги. В этой области Моррис был признанным экспертом: он хорошо знал язык и литературу Исландии, не раз бывал в стране и в сотрудничестве с Эриком Магнуссоном переводил немало текстов, в том числе «Сагу о Вёльсунгах» и «Греттира Сильного». Отличные качества исландской литературы явно пришлись по душе «языческому пророку». Э. Магнуссон вспоминал впоследствии, что был потрясён интуицией своего соавтора: Моррис

⁴ См.: *Morris U. Избранное*. На английском языке. М.: «Иностранная литература», 1959. С. 12.

⁵ Lewis C. S. William Morris. In: *Selected Literary Essays*. Ed. W. Cooper, Cambridge, 1969.

⁶ Там же.

«постигал дух исландских саг не со снисходительностью поглощенного иными мыслями иностранца, но с интуицией необычайно прозорливого уроженца страны». Мэй Моррис описывает «дух» исландских и ирландских источников, оказавших столь сильное влияние на её отца, в следующих словах: «Герои Ирландии, в силу магических своих свойств, совершают деяния настолько исполинские, что сами как бы отступают за пределы человеческой симпатии и уводят нас в собственную волшебную страну – не ту уютную и незамысловатую волшебную страну, где свинопас женится на принцессе, но в края неясных красот и неясных ужасов, где можно затеряться в туманах в погоне за болотными огнями и так и не добраться до обещанной Земли Юности... Но боги и герои, легенды о которых знатные семьи Норвегии привезли из родного дома в Исландию, хотя в деяниях своих и поступках и достигают порою исполинского размаха, однако же наделены чисто человеческими свойствами; и даже современный читатель с лёгкостью представит их рядом... Порою боги эти удалены за пределы досягаемости, в небеса: оттуда они управляют людскими жизнями и толкают смертных навстречу гибели; но чаще они принадлежат земле, и даже самые грандиозные их деяния не вовсе противоречат здравому смыслу»⁷.

В своих романах Моррису удалось слить воедино кельтскую «фантастичность», исландскую «практичную прямооту» и куртуазные элементы французского эпоса. Явственно прослеживается и влияние готического романа. Этот жанр, оформившийся в Англии в 1764 году (дата публикации «Замка Отранто»), оказал сильное воздействие на всю последующую литературу. Отголоски готики слышатся в романах Диккенса, Бронте, Мелвилла. Но если в случае многочисленных последователей речь идёт о косвенном влиянии, в случае Морриса уместно говорить о намеренном подражании. И это не удивительно. Недаром романы Морриса определяются не привычным понятием «*novel*», но словом «*gotance*»: именно этот термин используется применительно к готическому роману, в противовес роману реалистическому, и восходит к средневековому рыцарскому роману с его сказочно-фантастическим сюжетом. Обращение к средневековым канонам указывает на смещение эстетических ориентиров, движение от рассудочной упорядоченности классицизма восемнадцатого века к воображению и чувству. Элементы готики заметны во многих произведениях Морриса, однако именно в «Водах Дивных Островов» готический роман воспроизведён в наиболее приближённом виде, несмотря на то что «фантазии» викторианца-прерафаэлиты находятся за пределами жанра и во временном, и отчасти в содержательном отношении. «Воды Дивных Островов» можно было бы назвать романом «постготическим»: в нём, с небольшими оговорками, соблюдены все условности жанра. Налицо – средневековый фон и «готический» антураж: рыцарские замки, непроходимые леса, бескрайняя водная стихия. Налицо – эффект ожидания, напряжённость, предчувствие ужасного (в этом смысле часть вторая – путешествие по Дивным Островам – наиболее «готическая» часть романа). Налицо – присутствие фантастического и сверхъестественного. Многие сцены вполне могли бы войти в любой из подлинных романов жанра: описания подземелий ведьмы и орудий пыток, зловещий кровавый ритуал, связанный с Посыльной Ладьей; жуткие образы островов-гробниц. Картины гниения и распада на Острове Непрошенного Изобилия сделали бы честь М. Г. Льюису, автору «Монаха», а мрачные ольховые заросли, «гнездо» Посыльной Ладьи, могли бы послужить пейзажем для «Романа в лесу» Анны Рэдклифф. Чувствительные герой и героиня, а также и демонические злодеи, по сути своей повторяют клишированные амплуа готического романа, хотя и отличаются куда большей психологической глубиной. Явственное присутствие чувственного начала – тоже дань Ч. Мэтьюрину и М. Г. Льюису.

Начало длинной череде «средневековых романов» положило «Сказание о Доме Вольфингов и всех родах Марки». «Исторический фон» воссоздан в романе настолько убедительно,

⁷ Morris M. William Morris: Artist Writer Socialist. In 2 vols. NY, 1966. Vol. 1. P. 511.

тельно, что однажды Моррис был подробно допрошен видным профессором касательно подробностей жизни родов Марки: профессор принял рассказ за чистую монету. Из всех романов именно этот наиболее локализован в пространстве-времени: местом действия, Моррисом прямо не названным, служат леса к северу от Дуная, населённые готами во времена Римской империи. В повествовании отчётливо слышен голос историка-викторианца: Моррис намеренно не пользуется приёмом «потерянного манускрипта». Время действия отнесено, скорее всего, к эпохе заката римской империи: «Сказание не повествует о том, нападали ли римляне на Марку вновь, но около этого времени они приостановили расширение своих владений и даже стали сокращать свои границы».

В романе рассказывается о небольшом готском племени, о народе Марки, что с успехом даёт отпор воинству римлян-поработителей; причём Моррис открыто симпатизирует свободолюбивым германцам. Подобный подход к истории в Англии прецедентов не имел: автор впервые явил викторианскому читателю, с гордостью прослеживающему своё происхождение от респектабельных троянцев, его германское прошлое, изобразив народ, во времена Морриса называемый не иначе как варварами, в весьма благоприятном свете. В отличие от корыстных честолюбцев-римлян, люди Марки демократичны, самоотверженны, смелы и великодушны к побеждённым. Сыны Волка, защищающие древние обычаи и образ жизни, безусловно, идеализированы, однако не за счёт искажения исторической правды. Рассказывая о людях Марки, Моррис с беспристрастностью историка упоминает, например, о том, как «на рассвете в жертву были принесены двенадцать вождей чужаков, взятых в плен, а с ними и девушка одного из родов Верхней Марки, дочь предводителя, которая должна была привести этот могучий отряд к дому богов и добровольно согласилась на это». Автор не видит варварства в том, что освящено обычаем. И в этом тоже новаторство Морриса-историка: едва ли не одним из первых, он отказался подходить к духовным ценностям иной культуры с мерками современной ему морали.

Моррис смотрит на происходящее глазами собственных героев, людей Марки, сознание которых мифологично: потому в пересказе автора историческое органически сливается с фантастическим. Сверхъестественное воспринимается как само собою разумеющееся, как один из аспектов объективной реальности. Как и в скандинавских сагах, боги племени пребывают на земле ничуть не меньше, чем на небе, охотно являются людям и вступают в общение с избранными. Сыны Волка, в свою очередь, к богам относятся скорее с дружеской фамильярностью, нежели с благоговейным подобострастием. Как сказано про одного из всеми любимых воинов, человека общительного и веселого: «Чудом казалось, что Один ещё не призвал его к себе. Говорили, что Отец Павших благоволит к дому Вольфингов, раз так долго отказывает этому воину в гибели».

Но и историческое, и фантастическое служат одной цели: преподать наглядный урок. В «Сказании о Доме Вольфингов» ставится проблема личного героизма, столь типичная для германской поэзии. Исход сражения зависит от обладания волшебным предметом – и персонального выбора героя. Вождь Тиодольф, сильнейший и мудрейший из воинов, что с равной лёгкостью находит общий язык и со своими соплеменниками, и с миром сверхъестественного, поставлен перед решающим выбором. Его возлюбленная, бессмертная «дочь богов» по имени Солнце Леса вручает избраннику волшебный доспех, на котором лежит заклятие: доспех сохраняет жизнь владельца, но одновременно приносит его союзникам поражение в битве. Так Тиодольф может стать великим героем и погибнуть со славой – или отречься от героической судьбы и жить бесславно. Доспех, символ и воплощение этой дилеммы, отчётливо напоминает тот самый пояс, что к стыду своему надел сэр Гавейн перед поединком с Зелёным Рыцарем. Выбор Тиодольфа соответствует менталитету северного мужества, запечатлённому в «Речах Высокого»:

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава⁸.

Жажда славы с одной стороны и стоическое принятие судьбы с другой – вот высшие ценности героя-германца, к которым у персонажа Морриса добавляется ещё и ответственность за будущность племени, причастность к жребию своего народа. Постыдная жизнь для воина – невозможна, а попытка отвлечь судьбу при помощи магии оборачивается роковыми последствиями. Принимая волшебный доспех, Тиодольф тем самым утрачивает истинную свою суть и радость жизни; он не может отречься от племени и племенных ценностей и остаться при этом самим собой. Возвращаясь к народу и к его заветам, Тиодольф возвращается к жизни, пусть и ценой физической смерти. «Если сегодня я умру, разве после того удара, что свалит меня, не будет мгновения, в которое я узнаю, что победа за нами, и увижу, как враг бежит? И тогда мне опять будет казаться, что я никогда не умру, что бы ни случилось после... Разве не увижу я тогда, разве не пойму, что наша любовь не имеет конца?» – говорит Тиодольф возлюбленной.

Основы нового жанра, заложенные в «Сказании о Доме Вольфингов», были успешно использованы и развиты в целом ряде романов. Так, к «Дому Вольфингов» очень близка по тематике, антуражу и героическому тону «Повесть о Сверкающей Равнине». Место и время действия этого романа ещё более абстрагированы: Кливленд-у-Моря, где обитают племена Ворона и Розы, остров Выкупа с его пиратствующими викингами, Орлами Моря, не соотносятся с географией реального мира. Сверкающая Равнина или Земля Живущих соответствует бессмертным землям Запада, благословенным островам ирландских имрамов. В центре романа – уже не военный конфликт, но личная драма. Невеста героя похищена Орлами Моря, и герой отправляется на поиски любимой, в соответствии со средневековой традицией, согласно которой жизнь может рассматриваться как квест о любви. Классическое путешествие за «трудной» невестой сливается с аллегорическим поиском бессмертия; от начала и до конца путь героя параллелен пути других, тех, кто надеются уйти от Смерти, отыскав землю, где «дням счёт неведом, и так их много, что тот, кто разучился смеяться, снова постигнет сие искусство и позабудет о днях Скорби».

Лейтмотив: «Это ли земля? Это ли земля?» сопровождает героя на протяжении всего пути. Моррис подвергает скрупулёзному анализу извечное человеческое желание вырваться за пределы, налагаемые возрастом и смертью, отыскать земной рай, где золотой век до сих пор существует (мотив этот особенно явственен в «Язоне»). Такого рода эскапизм недвусмысленно осуждается в пользу его противоположности: деятельной жизни в мире людей. Как уже было показано в «Сказании о Доме Вольфингов», жизнь состоит из скорбей и радостей, и, отвергая одно, человек неизбежно утрачивает и другое; стремясь избежать смерти путём противоестественных средств, он отрекается тем самым и от жизни.

Поиски невесты уводят героя от пасторального мира Кливленда через страну смерти (путешествие на Остров Выкупа соответствует традиционному нисхождению в подземный мир) к земле бессмертия, и снова домой. Сверкающая Равнина, венец поисков тех, кто отчаянно цепляется за жизнь, утратившую всякую радость и смысл, оказывается «землёй лжи», краем миражей и забвения. Герой должен одержать победу над силами, что по сути своей

⁸ Старшая Эдда. Пер. А. Корсуна. Цит. по кн.: Беовульф. Старшая Эдда. Песня о Нибелунгах. М.: «Художественная литература», 1975. С. 196.

противоречат жизни и естественному плодородию, хотя на первый взгляд кажутся соблазнительными заменителями, – над иллюзиями и искушениями «земли лжи». Сверкающая Равнина и в самом деле предлагает бессмертие – но бессмертие это не имеет цены в застывшем мире неизменной чувственной красоты. Для того чтобы принять законы Земли Живущих, герой должен отречься от любимой, а значит, и от духовных ценностей своего народа: мужам народа Ворона подобает жениться на девах племени Розы, а не на дочери короля Сверкающей Равнины. Личные ценности героя тоже поставлены под угрозу: бездушная чувственная красота обитательниц острова не сулит юноше «любви-дружбы», истинного союза души и тела. И, наконец, земля лжи угрожает самой сути героя, его внутренней цельности, предлагая дешёвый суррогат тому, для кого «существует одна женщина на земле, и только одна». Сонному блаженству острова герой противопоставляет идеал активной, творческой и непредсказуемой в своей изменчивости жизни:

«О Орел Моря, вот ты и обрёл снова молодость: но что станешь ты с нею делать? Разве не затоскуешь ты по осиянному луною морю, по гулу волн и по пенным брызгам, и по собратьям твоим, одежды коих искрятся солью?.. Разве позабудешь ты чёрный борт корабля и мерный плеск вёсел?.. Разве выпало из руки твоей копьё, и разве похоронил ты меч своих отцов в могиле, от которой спас своё тело? Что ты такое, о воин, в земле чужих, во владениях Короля? Кто тебя услышит, кто расскажет повесть о твоей доблести, которую перечеркнул ты рукою ветреной женщины, а ведь женщины этой родня твоя не знает?»

Эти убедительные, яркие образы наследственных, племенных ценностей в устах героя отражают ту самую радость, что дарит смертным именно преходящий характер жизни. Полнокровная, деятельная жизнь и славная гибель, в противовес бездеятельному бессмертию, – таков идеал Морриса, находящий подтверждение в каждом из романов. Так, в «Источнике на Краю Мира» посланники невинного народа говорят: «Боги на то и даровали нам смерть, чтобы жизнь не была нам в тягость».

В отличие от «Сказания о Доме Вольфингов» и «Повести о Сверкающей Равнине», приближённой к жанру саги, роман «Воды Дивных Островов» построен по образцу средневекового рыцарского романа, с одним существенным отличием: героиня его – женщина. Приключения героини, Заряночки, можно рассматривать как символическое изображение процесса становления, развития и взросления женской психики: тема эта впоследствии была подхвачена и развита современными авторами жанра фэнтези – Мэрион Зиммер Брэдли и Урсулой Ле Гуин. Злобная ведьма похищает человеческое дитя и воспитывает его «на погибель мужскому роду». Но затея колдуньи не имеет успеха: подросшая девушка бежит от ненавистной похитительницы и странствует по свету в поисках знания, любви и мудрости. Заряночка, в оригинале – Одинокая Птичка (Birdalone), чьё имя указывает на её обособленность и «духовность», стремится не только к свободе, но и к самопознанию. Жизненный путь героини воспроизводит традиционную формулу мономифа: вызов, брошенный приключению, опасное путешествие, испытание и очищение и, наконец, воссоединение с любимым и возвращение к людям.

Героиня свободно общается как с миром природы, так и с волшебным миром, причём оба мира в романе представлены как два аспекта одной и той же реальности, отнюдь не взаимоисключающие друг друга. Заряночка воспитана в зловещем лесу Эвилшо, про который ходят самые недобрые слухи: «Одни говорили, что там бродят самые что ни на есть жуткие мертвецы; другие уверяли, будто языческие богини обрели в лесу приют; а кто-то полагал, что там, вероятнее всего, обитель эльфов, – тех, что коварны и злобны». Самое важное место в жизни Заряночки, помимо её смертного возлюбленного, занимает существо «не из рода Адамова», волшебная хозяйка леса, что является зеркальным отображением самой девушки. Как дух природы, это благожелательное лесное божество наставляет Заряночку земной мудрости; как её второе «я», помогает девушке разобраться в себе самой. Три жен-

щины романа – Заряночка, ведьма и лесная матушка – соотносятся с тремя инкарнациями трёхликой богини: дева, жена, старуха. Чтобы обрести внутреннюю цельность и войти впоследствии в мир людей, Заряночка должна постичь мудрость и той, и другой, вобрать в себя недостающие аспекты многогранной личности.

С помощью волшебной Посыльной Ладьи Заряночка бежит от ведьмы и по озеру отправляется в мир людей, минуя по пути «дивные острова». Острова озера – это земли, где процесс естественного развития остановлен вовсе или искажён; все они представляют собою застывшие фазы становления личности. Остров Юных и Старых лишён каких бы то ни было форм зрелости; единственные его обитатели – двое вечно юных детей и впавший в маразм старик. Острова-двойники Королей и Королев – это бесплодные царства-гробницы чувственности и насилия. В итоге Заряночка должна бросить вызов самой Смерти, символически представленной «Островом, где Царит Ничто», затерянным в непроглядном тумане⁹. Плавание, обряд очищения и конечное свидетельство возрождения – последний шаг к духовной зрелости. Благополучно пройдя испытания, Заряночка и её возлюбленный счастливо воссоединяются и возвращаются в общество себе подобных. После того, как уничтожены обе ведьмы, на «дивных островах» естественный ход вещей отчасти восстанавливается.

Интересно наблюдать, как Моррис манипулирует клише и условностями рыцарского романа, намеренно их нарушая. Так, три девы-пленницы на острове Непрошенного Изобилия традиционно помолвлены с тремя рыцарями, что носят цвета своих избранниц¹⁰. Но, вопреки законам рыцарского романа, счастливо соединяется только одна пара: второй из паладинов гибнет в бою, а третий отрекается от своей дамы, пленившись Заряночкой.

Любовь в романах Морриса К. С. Льюис определяет формулой Хавелока Эллиса¹¹: «lust plus friendship», «вожделение плюс дружба», «если только мрачное и мертвящее слово “вожделение” применимо к чувству столь радостному, и юному, и животворному...»¹². И в этом тоже заметно влияние готического романа с его «любопытством к анатомии соблазна... замороженностью целомудренными и отнюдь не целомудренными прелестями прекрасных женщин» (В. Скороденко о романе М. Г. Льюиса «Монах») ¹³. Моррис откровенно и вызывающе чувственен – при этом не следует забывать, что писал он в Викторианскую эпоху, когда у рояля принято было стыдливо завешивать ножки. Влюблённые видят друг в друге «спутника ложа и любезного собеседника» («bedfellow and speechfriend»): обе характеристики в равной степени важны во взаимоотношениях молодых пар. Именно такое чувство связывает героя и героиню «Сверкающей Равнины», по контрасту с самодостаточной чувственностью красавиц Земли Живущих. Подобные равновесие и гармония чувственного и духовного начала достигались разве что в куртуазной поэзии трубадуров.

В статье, посвящённой творчеству Морриса, К. С. Льюис отмечает и то, что Моррис отнюдь не сторонник безоговорочной «верности до гроба». Герои редко настолько увлечены одной дамой, чтобы закрывать глаза на красоту прочих. Восхищение женской красотой не вменяется герою в вину; это – свидетельство гармонии с окружающим миром, избыток радостной жизненной силы. Зелёный Рыцарь, один из самых привлекательных персонажей романа, находясь в разлуке с собственной дамой, «непрестанно твердил Заряночке, как она

⁹ К слову сказать, образ одетого непроглядным туманом острова использован К. С. Льюисом в одной из сказок Нарнии, в «Покорителе Зари», что повторяет сюжетную канву романа: путешествие по «дивным островам». Любовь К. С. Льюиса к средневековым романам Морриса была, судя по всему, не вовсе бескорыстной.

¹⁰ Критики усматривают здесь определённый цветовой символизм: золото означает изобилие и зрелость, зелёный цвет – счастье, чёрный – разлуку и горе.

¹¹ Хавелок Эллис – английский эссеист и психолог XIX века; посвятил ряд работ взаимоотношению полов, бросая вызов викторианским табу.

¹² Lewis C. S. William Morris. In: *Selected Literary Essays*. Ed. W. Cooper. Cambridge, 1969. P. 222.

¹³ Скороденко В. Монах Льюис и его роман. Цит. по кн.: М.Г. Льюис. Монах. М.: «Ладомир», 1993. С. 11.

прекрасна, и, судя по всему, глаз не мог отвести от девушки, и порою надоедал ей ласками да поцелуями; однако же был он весёлым и шаловливым юношей, и когда упрекала его гостя за чрезмерную привязчивость, что проделывала то и дело, сам Хью хохотал над собою заодно с нею; и воистину почитала Заряночка, что в сердце его нет разлада, и всей душою верен он Виридис». Куртуазное служение даме – не обязательно возлюбленной, а именно прекрасной даме, – бескорыстное, самоотрёченное служение красоте и добродетели доведено в романе до апофеоза. Заряночке присягают на верность все: случайные спутники, молодые юноши, для которых угождение деве становится своеобразным обрядом инициации; старик Джерард, следующий за беглянкой по свету и уверяющий, что красота лица её и тела «любого заставят последовать за ней, в ком осталась хоть капля мужества, даже если придётся ему для этого покинуть дом свой и всё своё достояние». Рыцари Замка Обета безропотно склоняются перед её волей, а всё тот же Зелёный Рыцарь, супруг Виридис, готов покинуть насиженные места и отправиться вслед за той, что «и не возлюбленная ему, и не родня по крови». Куртуазные добродетели героя, готовность к служению даме и восприимчивость к женской красоте – первое и самое убедительное свидетельство его достоинств.

Что до настоящих измен, то и они часты: «любовный треугольник» играет важную роль в «Водах Дивных Островов», в «Корнях Гор», в «Лесу за Гранью Мира». Однако подход к нарушению такого рода клятв иной, нежели, скажем, в творчестве поэтов-романтиков: это подсказанная судьбою необходимость, необходимость, безусловно, досадная, но ни в коем случае не смертный грех. Согласно К. С. Льюису, «измены, разумеется, прискорбны, как любое другое предательство, потому что они подрывают здоровье общества и нарушают царящую в племени гармонию; но они не воспринимаются как вероотступничество»¹⁴. И в этом Моррис – неисправимый язычник. Измены, как правило, не оборачиваются непоправимой трагедией: покинутая легко утешается с новым избранником. В этом отношении Атра, героиня «Вод Дивных Островов», – привлекательное исключение.

Создавая свой «псевдосредневековый роман», Моррис экспериментирует с разными жанрами. Если в «Водах Дивных Островов» автор подражает средневековому рыцарскому роману, то «Лес за Гранью Мира» следует образцам средневековых аллегорий, таких как «Роман о Розе». Это наиболее «фрейдистский» из романов Морриса и наиболее абстрактный. В основу сюжета лёг поиск «трудной» невесты: используя фантастический фон, автор анализирует конструктивное и деструктивное начало эротической страсти. Характеры сведены к основным характеристикам и к юнгианским архетипам. Золотой Вальтер – если не считать Отто – единственный персонаж, носящий христианское имя. В именах прочих отразились как главные их качества, так и исполняемые функции: Девушка, воплощение непорочности, состоит в услужении; имя Госпожи указывает на её роль богини, колдуньи и повелительницы леса за Гранью Мира. Сын короля (он же Отто) – царственный, пусть и временный, избранник Госпожи. Похожий на Калибана Карла – сосредоточие примитивных, демонических сил мира. Старик, что старается отговорить Вальтера от опасного пути, выполняет функции жреца Неми. Критики полагают, что каждая из женщин, встречающаяся на пути Вальтера, отображает определённый аспект его внутреннего «я»: Госпожа воплощает в себе тёмные стороны личности Вальтера, Девушка – анима в чистом её виде. Но, согласно канонам средневекового романа, те же женские образы выступают в традиционных амплуа: Госпожа – колдунья, которую следует победить, Девушка – прекрасная дама, которую следует спасти и взять в жёны. Идеальная чувственная любовь помогает сформировать идеальный мир. Ускользнув из-под власти подсознательного (лес за Гранью Мира), обновлённые Вальтер и Девушка становятся королём и королевой в земле людей: Вальтер, что в

¹⁴ Lewis C. S. William Morris. In: *Selected Literary Essays*. Ed. W. Cooper. Cambridge, 1969. P. 222.

начале романа был неспособен решить проблемы собственного дома, воссоединившись со своей анимой, оказывается идеальным правителем.

Создавая новый жанр, Уильям Моррис одновременно создаёт и особый язык, причудливый и живописный, изобилующий архаизмами: как устаревшими грамматическими конструкциями, так и историзмами, обозначающими понятия, давно вышедшие из употребления. В переводе мы попытались по возможности сохранить эту особенность, однако нужно признать, что, несмотря на тщательную стилизацию, русский текст более «читаем», нежели английский оригинал: многие из архаизмов Морриса оказываются непонятны современному англоязычному читателю. Во времена Морриса этот архаизированный искусственный язык подвергался безжалостным нападкам критики. Многие современники писателя, одобрявшие сами романы, возражали против использованных языковых средств, жалуясь, что «хорошая вещь безнадежно испорчена». Так, по выходе «Сказания о Доме Вольфингов», «Сэтердей ревью» вынес оценку роману в форме пародии. «Ибо воистину подобает и следует, – писал критик, передразнивая автора, – чтобы всяк говорил на собственном своём наречии, а не на чуждом ему, как, впрочем, и всякому другому».

К. С. Льюис, напротив, считает глоссопические изобретения Морриса достижением ничуть не меньшим, чем мифологическое содержание романов: «Совершенно справедливо, что Моррис изобрёл для своих поэм и усовершенствовал в своих прозаических романах язык, на котором в Англии никогда не говорили; однако полагаю, что наиболее просвещённые мои современники знают: то, что мы называем “обычным” языком английской прозы... – тоже искусственное наречие... язык литературный или гипотетический, основанный на французском представлении об элегантности и в высшей степени нефилологическом представлении о “правильности”»¹⁵. Для Льюиса важно не то, в самом ли деле язык Морриса искусственен, а то, насколько он хорош и насколько отвечает художественному замыслу автора, – и Льюис абсолютно прав. Перед Моррисом стояла та же дилемма, что стоит перед любым переводчиком и автором исторической прозы: как передать суть культуры, отличной от нашей, при помощи языковых средств, доступных современному читателю. Моррис находит остроумное и удачное решение: изобретает собственный «псевдосредневековый» стиль, что, оставаясь понятным для восприятия, звучит непривычно для викторианского слуха. Архаические формы, в изобилии использованные автором, создают впечатление «отстранённости» далёкого прошлого.

С другой стороны, как только читатель привыкает к архаизмам (а, согласно Льюису, с тех пор как вышел из печати Большой Оксфордский словарь английского языка, обратиться к словарю – одно удовольствие), он начинает замечать, что язык романов очень прост и лаконичен, почти лишён украшательства и риторического лоска; цветовая палитра ограничена основными цветами спектра. И это тоже – влияние исландских саг; согласно Мэй Моррис, «скудная скандинавская фраза, лишённая поэтических вычур, более пригодна для целей драматического повествования».

Экспериментируя с языком, Моррис одним из первых стал совмещать прозу и стих и с успехом использовал изобретённый приём в нескольких романах, в том числе в «Доме Вольфингов»: повествование ведётся в прозе, но в решающие моменты герои начинают говорить стихами.

Мир Морриса – это волшебный мир: присутствие магии ощущается на каждом шагу. Однако, в отличие от романа готического в чистом его виде, где сверхъестественное в итоге оказывается мнимым, в романе Морриса сверхъестественное воспринимается как естественное. Сама по себе магия не хороша и не плоха, но может быть обращена во зло или во благо. По большей части магия Морриса носит на редкость «приземлённый», приближён-

¹⁵ Lewis C. S. William Morris. In: *Selected Literary Essays*. Ed. W. Cooper. Cambridge, 1969. P. 220.

ный к обыденной жизни характер: ведьма, похитившая Заряночку, занимается изо дня в день самой обычной крестьянской работой в поле и по дому: доит коров, заготавливает сено, пашет землю; Красный Рыцарь, безусловно, чародей, но в первую очередь – тиранствующий феодал. Коварные сёстры-ведьмы романа «Воды Дивных Островов», Госпожа «Леса за Гранью Мира», что при помощи миражей завлекает мужчин в свои края, Красный Рыцарь, злобный колдун, наделённый гипнотической властью, народ фэери, духи леса, все они – неотъемлемая часть объективной реальности моррисовского мира, как те же мирные йомены или горожане-ремесленники. Мир Морриса анимистичен; силы природы, принимая видимое воплощение, покровительствуют человеку: героиня «Дома Вольфингов», девственная жрица, воспитана волчицей, тотемом рода; Заряночка, выросшая в лесах, способна общаться со зверями и птицами. Существа из рода фэери, полубоги, противопоставленные «сынам Адама», охотно вступают в сношения с людьми, то в роли учителей, как в случае Абундии и Заряночки, то возлюбленных, как в случае Солнца Леса и Тиодольфа.

Одним из проявлений магической силы становится способность перевоплощения: похитительница Заряночки является поочерёдно в образе женщины рыжеволосой и бледной, либо женщины тёмноволосой, «с изогнутым носом и яркими ястребиными глазами». Её противница Абундия тоже с лёгкостью меняет облик: обычно зеркальное отражение Заряночки, возлюбленному девушки она предстаёт в образе почтенной матроны. Солнце Леса, лесное божество людей Марки, умеет принимать любые облики, хотя мудрейшие в состоянии распознать обман. Но ведь способностью к перевоплощению, к адаптации, наделены и простые смертные: на протяжении романа Заряночка с завидной лёгкостью «перевоплощается» из неутомимой работницы-селянки в знатную даму Замка Обета или в искусную мастерицу-вышивальщицу города Пяти Ремёсел: в какое бы сословие ни забросила девушку судьба, Заряночка непринуждённо и естественно занимает назначенное ей место. Дар «метаморфозы» сам по себе говорит только в пользу персонажа.

Волшебные предметы мира Морриса, как правило, заключают в себе аллегорический смысл и, опять-таки, совсем не обязательно пагубны: даже сосредоточие злых чар возможно обратить во благо, как в случае с Посыльной Ладьёй. Проклятый доспех «Дома Вольфингов» сохраняет жизнь владельца в бою, но за счёт неблагоприятного исхода самой битвы; жизнь, спасённая такой ценой, становится невыносимой для Тиодольфа. Силы доспеха достаточно, чтобы заставить владельца потерять представление о времени; но ровно то же действие оказывает благая по своей сути любовь Тиодольфа к Солнцу Леса: она дарует забвение, видение героя затуманивается, он забывает о собственном предназначении и утрачивает способность следовать за ходом событий, теряет связь со своим народом. Дар лесной богини – не более чем аллегория «искусственного» бессмертия. Только отказываясь от проклятого доспеха и добровольно покоряясь судьбе, Тиодольф и воинство сынов Волка одерживают победу. Посыльная Ладья, принадлежащая ведьме, перевозит Заряночку через озеро и мимо заколдованных островов: героиня способна «оживить» ладью, исполнив магический обряд, но направлять ладью не в состоянии. Таков же и жизненный путь героини: отправляясь на «приключение», Заряночка вверяет себя судьбе, сама не зная, где в следующий момент окажется. Ладья живёт своей жизнью. Положительные герои могут временно ею воспользоваться, но укротить и приручить не могут: в решающий момент ладья предаёт девушку. Но встречаются и благие талисманы: волшебное золотое кольцо в форме змеи, подаренное Заряночке лесной матушкой и делающее героиню невидимой; серебряная свирелька Эльфхильд из «Разлучающего потока».

Уильяма Морриса относят к основоположникам жанра фэнтези вместе с Джорджем Макдональдом и Лордом Дансейни. Нетрудно заметить, что жанр фэнтези находится под сильным влиянием средневекового рыцарского романа во многих отношениях: начиная от присвоения средневековых ценностей и мотивов и кончая тривиальным заимствованием

имён и сюжетных ходов. Можно пойти ещё дальше, утверждая, что в определённом смысле фэнтези функционирует в качестве современной литературной интерпретации мономифа, отвечающего формуле: «уход-инициация-возвращение», сформулированной американским культурологом Дж. Кэмпбеллом в его классическом определении: «Герой покидает мир повседневности и вступает в пределы чудесного и сверхъестественного; там сталкивается с потусторонними силами и одерживает решающую победу; герой возвращается из своего таинственного похода, уже обладая способностью облагодетельствовать своих соотечественников»¹⁶.

Это ядро мономифа, применимое ко всем известным романам жанра фэнтези, и есть то, что сводит воедино на первый взгляд абсолютно несопоставимые литературные произведения, перечисленные в «Обзоре современной литературы фэнтези»¹⁷: от «Генриха фон Офтердингена» Новалиса и «Сказания о Старом Мореходе» С. Т. Кольриджа до трилогии «Дерини» К. Куртц и «Земноморья» Урсулы Ле Гуин. Та же формула, действующая в прозаических романах У. Морриса, присутствует в произведениях средневековой литературы и в ранних мифологических системах в своей первозданной, незамутнённой форме; именно отсюда её заимствуют писатели фэнтези наших дней. В этом смысле, самыми первыми фэнтези в их эмбриональной стадии, пожалуй, можно счесть рыцарские романы позднего Средневековья. Однако есть одно существенное отличие.

В своей статье, анализирующей природу фэнтези, С. Манлав, например, утверждает, что в ранних фантастических произведениях девятнадцатого века герой изолирован, ему не хватает эпического размаха¹⁸. На первый взгляд, квест героев Морриса – квест индивидуального значения; во всех его проявлениях это, в первую очередь, – поиск собственного «я», недостающей составляющей собственной личности; герой стремится к достижению индивидуального совершенства. «Эпический характер» современной фэнтези, напротив, диктует, чтобы супергерой спас ни много ни мало всю вселенную. Отсюда – разница в интерпретации зла. В большинстве дешёвых фэнтези, заполонивших книжные прилавки, мир осаждают силы «немотивированного» зла, и герой спасает человечество, восстанавливая «вселенское равновесие». У Морриса зло отнюдь не универсально, оно угрожает отдельно взятой общности или отдельному индивиду. В современных фэнтези глобальный характер катастрофы не позволяет повествованию сконцентрироваться на индивиду: в центре внимания автора и читателя – макрокосм, а не микрокосм. В большинстве случаев в жизнеописании героев процесс духовного роста подменяется действием ради действия. Современный супергерой контролирует судьбы мира, в то время как в ранних «фантазиях», в том числе и в моррисовских, герой, напротив, целиком и полностью во власти «судьбы»: внешние силы направляют героя на жизненном пути, меняют и формируют его личность, помогают познать себя самого и окружающий мир, обрести в нём единственно верное место. Но лишь благодаря этому мир удаётся спасти: через свой индивидуальный квест, меняясь и совершенствуясь сам, герой меняет и свою «вселенную» – тот маленький фрагмент мира, частью которого является сам. Так, в «Повести о Сверкающей Равнине», пройдя все испытания и воссоединившись с невестой, герой становится побратимом предводителя викингов: а это значит, что разбойники моря перестанут разорять побережье, и Кливленд-у-Моря обретёт покой.

На первый взгляд может показаться, что романы Морриса построены несколько хаотично. Комментируя прозаические произведения писателя, Рональд Фуллер пишет: «Персонажи [Морриса] – это фигуры из сна, с прекрасными, небывалыми именами, что стран-

¹⁶ Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. New Jersey, 1968. P. 30.

¹⁷ См. Frank N. Magill. Survey of Modern Fantasy Literature. In 5 vols. Englewood Cliffs, 1983.

¹⁸ Manlove C. N. On the Nature of Fantasy. In: The Aesthetics of Fantasy Literature and Art. Ed. Roger C. Schlobin. Notre Dame, 1982. PP. 17–35.

ствуют по цветным гобеленам небывалых событий. Сюжеты историй и в самом деле напоминают причудливую канву гобелена, развиваются от эпизода к эпизоду, пока читателю не начинает казаться, что конца сюжетам так и не предвидится»¹⁹. Блуждание в пространстве, игра оттенков, расплывчатость сюжета завораживают, словно бесконечный фантастический роман Кретьена или Ариосто. Зыбкость, ирреальность окружающего мира, столь характерные для готического романа, особенно заметны в «Водах Дивных Островов»: героиня непрестанно балансирует между сном и явью, не всегда в состоянии отличить одно от другого. Постоянная смена сна и бодрствования во второй части романа, посвящённой Дивным Островам, ещё более усиливает впечатление; недаром в ней так часто уточняется, что героиня «заснула/проснулась и увидела». Однако фоном для фантастического калейдоскопа чудес служит незыблемая и осязаемая английская сельская местность, столь любимая Моррисом, и события самые неправдоподобные происходят там, где в ветвях поют настоящие птицы²⁰.

По меткому наблюдению того же Фуллера, в романах Морриса важна не столько фабула, сколько отдельные сцены и образы. «Дочитать роман У. Морриса до конца – всё равно, что проснуться после спутанного, долгого сна: в памяти теснятся яркие, краткие, живые эпизоды». В сознании остаётся впечатление некоторой фрагментарности: романы словно бы составлены из красочных картинок: весёлых, сентиментальных, драматических или страшных. Вот дети Острова Юных и Старых смотрят на невиданную незнакомку, открыв рот; вот Заряночка ловит крольчат, вот замирает в ужасе перед грандиозными видениями смерти на островах Королей и Королев. Каждая глава романа могла бы послужить сюжетом для картины кисти художника-прерафаэлиты; однако если бы кто-нибудь вздумал пересказать роман, он бы подсознательно выпустил немало эпизодов, для развития действия вроде бы излишних.

Моррис писал прозаические романы вплоть до самой смерти. Последние строки «Разлучающего потока» он продиктовал в сентябре 1896 года, а уже 6 октября тело писателя было предано земле на церковном кладбище Лехлейда.

Современный критик, впервые прочитавший роман, не преминет обвинить Уильяма Морриса в эскапизме. На это можно возразить, что эскапизм романов Морриса, так же, как эскапизм фантастической литературы в целом, или скорее, основателей этого жанра, помогает читателю разобраться в собственном времени. Романы Морриса, Макдональда и их многочисленных продолжателей функционируют так же, как миф – на заре цивилизации, а, по Кэмпбеллу, одна из основных функций мифа – помочь индивиду обрести своё место в современном ему обществе. Однако сам Моррис вряд ли об этом задумывался, воплощая в бесконечной череде романов, повестей и поэм свою ностальгическую тоску по Средневековью – историческому раннему и идеализированному «артуровскому». «Героические фантазии» У. Морриса, как любые другие фэнтези, как ранние, так и современные, высвечивают и объясняют грани человеческого бытия, оставаясь при этом уникальными произведениями искусства, неиссякаемым источником эстетического наслаждения.

Настоящее издание вновь предоставляет русскоязычному читателю возможность вступить в волшебный мир Уильяма Морриса – и оставаться в нём сколь угодно долго. И, вернувшись в мир собственный, ещё не раз вспомнить о героях, что «жили, не зная стыда, и умерли, не зная страха».

Светлана Лихачёва

¹⁹ Fuller R. William Morris. Oxford, 1956. P. 172.

²⁰ Многое из настоящей Англии Моррис переносит в свои романы. Так, например, круг менгиров Эйвбери, замороживший автора в юности, Моррис использует в описании Долины Серых Овнов.

Сказание о Доме Вольфингов и всех родах Марки, изложенное в стихах и прозе

*Зимний полумрак, и только свечи
Ярко освещают окна дома,
Ты идёшь по улице, и вечер
Улицу окутывает сном:
Здесь так тихо, здесь так всё знакомо...
Ты сильнее ссутуливаешь плечи.
Год назад за этим же окном
Ты хозяином ходил по залу,
Ты был счастлив, а сейчас вперёд,
Мимо, мимо время нас несёт...
Мир людской, мне кажется, пронзало
Это чувство. На закате дня
Виделось мерцание былого —
Где-то там, куда дороги нет...
Только менестрель или поэт
Воплощали то виденье в слово.*

Глава I. Поселения Средней Марки

Сказывают, будто во времена давно прошедшие под сенью могучего леса стояло поселение. Ютилось оно на краю небольшой долины, похожей на остров среди лесного моря: человеку, вставшему посредине, куда бы он ни посмотрел, горизонт закрывали деревья. Землю долины нельзя было назвать холмистой, на ней вздымались лишь низкие бугры, напоминавшие волны на поверхности быстрой и глубокой реки.

Место это со всех сторон окружал лес. Деревья, кронами уходившие в голубое небо, прижатые тесно друг к другу, расступались лишь там, где протекала река, что разделяла долину и лес надвое. Ширины она была такой же, как Темза у Шина^{*21} во время прилива, а её быстрое, бурное течение, закручивавшееся в частых водоворотах, говорило о том, что начало своё она берёт в горах, близких, но скрытых лесом и не видимых из долины. Берега её, покрытые крупными и мелкими камнями, были невысоки, всего в несколько футов – именно до этого уровня во время зимнего половодья* доходила вода.

Возникло это безлесное пространство не случайно: оба берега спешащей вдаль реки прекрасно подходили для поселений и путешествий, потому-то люди и создали здесь, посреди лесного моря, остров.

Много поколений назад предки жившего в долине народа овладели искусствомковки железа, и не было у них недостатка в железных и стальных предметах, будь то ремесленные орудия или оружие, годное для охоты и ратных дел. Тогда-то они и спустились вдоль реки, нашли это место и вырубili там лес. Но преданий о том, из каких земель изначально они пришли, не сохранилось; скорее всего, их родиной были долины гор, видневшихся на горизонте, или даже места ещё более далёкие, а может быть, и вовсе чужеземные.

Как бы то ни было, предки местного народа спустились сюда по реке или вдоль её берегов – на плотах или на телегах, верхом на конях и быках или пешком. Так или иначе, но они решили остаться именно здесь, а оставшись, заселили оба берега реки, сражаясь с лесом и тварями, в нём обитавшими, и год за годом отвоёвывая новую землю для пахоты и пастбищ.

Поселенцы рубили деревья и сжигали пни, чтобы на земле могла расти трава, годная в корм коровам, овцам и коням. Сдерживая зимние половодья, они по всей равнине прорывали каналы, уводя их далеко в дикий лес. Для переправы через них рубили лодки, в которых сплавлялись и вниз по течению реки, если это требовалось; вверх же тянули лодки волоком. В воды реки закидывали сети и удочки и вылавливали всё, что приносило течение, – будь то дерево или ещё что-нибудь, пригодное в хозяйстве, а песок мелководья промывали в поисках золота. Так река стала доброй помощницей, люди полюбили её и дали ей имя. Она звалась Темноводной, Сверкающей или Рекой Бранибора* – имена менялись вместе с тем, как одно поколение людей уступало место другому.

Так и жили эти люди посреди леса, расчищая землю и из года в год – много лет подряд – увеличивая свои владения. Каждую весну они выгоняли скот на новые пастбища, и трава на этих пастбищах, согретая солнцем, напоённая водой разлившейся реки, становилась всё слаще. В тот год, с которого начинается наше сказание, остров посреди леса превратился в чудесную приветливую долину, и не было на земле места прекрасней.

Но ещё задолго до того жившие здесь люди изучили искусство обработки земли, и вокруг их домов заколосились рожь и пшеница. Они хорошо управлялись с лопатой, а вскоре придумали и плуг. Пахотные земли разрастались, и никто не испытывал недостатка в хлебе.

²¹ Здесь и далее объяснение слов, отмеченных «звездочками», см. в Комментариях.

Эта долина стала людям домом, и они, как могли (а труд их слишком долго описывать), налаживали свою жизнь. С самого начала это расчищенное место посреди леса называли Средней Маркой*. И следует знать, что, совершив путешествие длиною в полдня пути по берегу Реки Бранибора вверх по течению, можно было достичь долины, похожей на эту, — Верхней Марки, а вниз по течению — Нижней Марки. Все три долины населял один народ — люди Марки. Народ этот состоял из множества родов, или Домов, и члены каждого из них селились под одной крышей. В битву или на совет они приходили под своим знаменем, по которому их Дом отличали от других.

Домов таких в Средней Марке было много. Селились они и на западном, и на восточном берегах реки, текущей на север, но ближе к лесу, чтобы между их жилищами и рекой оставалось место для пахотных земель и пастбищ.

Сказание наше пойдёт об одном из таких Домов, чьи земли лежали на западном берегу реки, на пологом склоне холма, защищавшем от половодья. В сторону реки простиралась пашня, которую люди называли своей Кормилицей, как в то время всегда называли обработанную землю. За ней был прекрасный заливной луг, почти без кочек, спускавшийся уже до самых каменистых пляжей реки.

Люди, жившие там, принадлежали к Дому Вольфингов — с их знамён скалился волк, и волка же воины рисовали на груди, распознавая по нему павших в битве, с чьих тел мародёры успевали стащить одежду.

Бражный зал* Вольфингов Средней Марки стоял на вершине холма, того самого, о котором было сказано ранее. Позади него высился лес, впереди простиралось поле и текла река. В те дни все родичи жили под одной крышей, и у каждого было своё место, и каждому воздавали по заслугам. Не было тогда того деления на лучших и худших, что появилось позже, — все люди одной крови считались братьями, равными между собой. И всё же в домах их жили и невольники — пленённые в бою воины из чужого народа. Однако время от времени кого-нибудь из таких невольников люди Марки принимали в свой Дом, и тогда он становился их кровным братом.

Следует добавить также, что мужчины не могли жениться на женщинах своего Дома: для мужчин Вольфингов все женщины Дома Вольфингов были всё равно что сёстры. Женились же они на Гартингах и Элькингах, или на Берингах, или на женщинах из других Домов Марки, ведь те не были им так близки по крови, как сами Вольфинги. Это был закон, нарушить который не дерзал никто. Так жил этот народ, и таков был их вековой обычай.

Кровом Вольфингам служил просторный бражный зал, украшенный так, как было принято у людей Марки в те дни. Построен он был не из камня, скреплённого известью, — каркас его собирали из крепких древесных стволов, срубленных в лесу и обтёсанных, а пространство между брёвнами каркаса заполняли переплетённым тростником, обмазанным глиной. Дом этот был очень длинным. С одного торца располагались Врата Мужей. Они были довольно низкими: если воин стоял на пороге, то плюмаж его шлема как раз касался дверной перемычки, и по обычаю высокий воин должен был склониться, входя внутрь. Возможно, в традицию это вошло во времена древних войн, когда враг мог оказаться на пороге дома. Впрочем, в то время, о котором идёт речь, с врагами уже сражались, не прячась за стенами, с ними бились в открытом поле, а при приближении серьёзной опасности составляли вместе телеги*, продолжая сражение под их защитой. В любом случае, дверь сделали низкой никак не из-за скупости строителей. Стена примерно на три фута над дверной перемычкой была украшена разнообразными растительными орнаментами и изображениями драконов. У противоположного торца здания располагалась похожая дверь. Через неё входили женщины, и потому называлась она Вратами Жён.

Со всех сторон, кроме той, где подступал лес, у бражного зала стояли хижины и хлева. Были здесь и сараи, где хранились товары на продажу, и кузни, и ремесленные помещения

– для всего того, чем было не с руки заниматься в бражном зале. Кроме того, там же ютились невольники. Некоторые юноши, которых любили невольницы, подолгу оставались там, неохотно возвращаясь в бражный зал, – вместо того, чтобы проводить время под его крышей, они предпочитали вести более свободную жизнь. Холмы же между поселением Дома Вольфингов и диким лесом, обителью волков, поросли пышными кустами.

Внутри дома вдоль всего зала шло два ряда столбов, сделанных из самых крупных деревьев, какие только можно было найти. На каждом из них, на основании и на капители, были вырезаны венки, переплетённые ветви, сражающиеся воины и драконы. Этот дом напоминал церкви, что стали строить в более поздние времена: в нём были центральный и два боковых нефа с прорубленными окнами в крыше. В боковых проходах находились спальные места родичей, а в центральном проходе между столбами дымились три очага, и над каждым из них в крыше было вырезано окно – через него выходил дым от горящего в очагах огня. Зимой, при ярком солнце, взору являлась чудная картина: три столба дыма клубясь, стремились вверх, к невидимой с пола крыше, и солнечные лучи наискось перерезали один из них. Балки крыши и её каркас были такими большими и находились так высоко, что скажут, будто никто не мог увидеть их с пола иначе, кроме как подняв к ним горящий факел на длинном шесте – ведь у людей Марки не было недостатка в дереве.

Ближе к Вратам Мужей, на возвышении, стоял поперечный стол. Рядом находился самый большой и самый внушительный очаг из трёх (другой располагался посреди зала, третий же – на женской половине). Вокруг всего возвышения вдоль торцевой стены от столба к столбу были растянуты шпалеры*, изображавшие древние события, подвиги Вольфингов и дела богов той страны, откуда давным-давно прибыл народ Марки. Это было самое красивое место во всем доме, и его любили больше всего. Особенно дорого оно было старейшим и сильнейшим из мужчин, ибо здесь из уст в уста передавались сказания и пелись песни, а также, что особенно нравилось жителям Марки, обсуждались новости. Здесь же возвещал о бедах и радостях гонец, и здесь же старейшины решали дела Вольфингов, Средней Марки или всего народа.

Но не стоит думать, что тут проходили торжественные совещания и народные собрания, на которых решалось, как следует поступить и что следует воспретить. Такие советы, называемые тингом, Дома ли Вольфингов, Средней ли Марки, или всего народа, проводились на особом месте в лесу, вдали от полей и лугов, там, где их устраивали испокон веков. На такой тинг должны были прийти все люди Дома, Марки или народа – каждый мужчина. На месте тинга находилось Кольцо Судьбы, внутри которого те, кого избирали родичи (сейчас бы мы назвали их судьями), вершили судьбы людей. Но под крышей бражного зала судьбы не решались, и публичные речи не звучали ни здесь, ни на вспаханных полях, ни на пастбищах. Таков был обычай предков, идущий, как говорила народу память, ещё от тех дней, когда не было ни домов, ни полей, ни стад, но только земля и то, что росло на ней.

Над возвышением в бражном зале на потолочной балке висел на цепях изумительной красоты стеклянный светильник. Стекло, из которого был он сотворён, не походило на то, что делалось руками людей Марки, оно было более чистым, зелёного, как изумруд, цвета. Украшали светильник золотые изображения: здесь были и обычные орнаменты, и фигуры невиданных животных, и воин, убивающий дракона, и восходящее солнце. Никто не знал, откуда появился этот светильник, но все люди Марки почитали его как древний и священный предмет, и Вольфинги днём и ночью поддерживали в нём огонь. Для этого они выбирали из своего рода незамужнюю девушку, ведь все жёны, жившие в бражном зале, не принадлежали к Вольфингам, они были из тех родов, откуда Вольфинги их брали.

Вечно горевший светильник называли Солнцем Крова, и девушку, отвечавшую за него (а для этого избирали самую прекрасную из девушек Вольфингов), также принято было называть Солнцем Крова.

В другом конце дома находилась женская половина. Там стояли ткацкие станки и всё прочее, необходимое для чесания и прядения шерсти.

Таков был бражный зал Вольфингов. Остальные роды Средней Марки, а самыми большими и древними из них были Элькинги, Валлинги, Альфтинги, Биминги, Гальтинги и Бэринги, жили в подобных залах. На их знамёнах были изображены лось, сокол, лебедь, дерево, кабан и медведь. Но в Средней Марке были роды и поменьше, чем названные, отделившиеся лишь недавно. Гартинги же, о которых уже сказывалось, были из Верхней Марки.

Глава II. Стрела Войны

Сказывают, что случилось это, когда пшеница уже заколосилась, но ещё не пожелтела, когда молочных коров давно перевели из стад в хлева, а коней и овец пасли по ночам, и вечерами всадники по одному или по двое направлялись через пшеницу и рожь к лугу. Одним летним вечером вокруг невольничьих хижин собрались и мужчины, и женщины, как невольники, так и свободные. Одни переговаривались, другие слушали песню или сказание, кто-то сам пел, кто-то танцевал. От группы к группе перебегали дети, что-то выкрикивая пронзительными голосами, похожими на голоса молодых дроздов, ещё не научившихся петь. Здесь же были и дымчатые собаки с длинными лапами и острым носом, худые и высокие, не обращавшие внимания на детей, которые довольно бесцеремонно играли с ними. Собаки лежали или медленно, безо всякого дела бродили с места на место, словно уже позабыв, что такое охота в диком лесу.

В это прекрасное время года всем было весело: ожидали сбора урожая и радовались жизни. Оружия с собой не носили, разве что какой-нибудь пастух или пастушка, поздно возвращающиеся с луга, прихватят рогатину. Собравшиеся мужчины и женщины были высокого роста и почти все миловидны, со светлыми волосами и серыми глазами, немного высокими скулами и здоровой, обычно светлой, но теперь потемневшей от солнца и ветра кожей. Невольники же были несколько ниже и темнее своих хозяев, черноволосые и темноглазые, с тонкими руками и ногами, что придавало некоторым из них особую прелесть, но иногда ноги у них были кривыми, а руки узловатыми. Встречались и такие, что по виду ничем не отличались от свободных и, без сомнения, принадлежали к какому-нибудь племени готов, разбитому людьми Марки либо их отцами.

Более того, были и свободные, не походившие на своих родичей. Стройные, невысокие, черноволосые и сероглазые, иногда они даже превосходили красотой остальных Вольфингов.

Солнце закатилось, и начало смеркаться. Землю освещал тот тусклый вечерний свет, при котором не бывает теней. На лесной опушке беззаботно пели соловьи. Трава под деревьями, на которых они сидели, была короткой – здесь часто кормились кролики. Несмотря на пение птиц и людские голоса, доносившиеся от хижин, в этот вечер хорошо были слышны даже очень далёкие звуки – в такое время года они разносятся на большие расстояния.

И вот стоявшие поодаль от других, а также те, кто разговаривал не очень громко, начали прислушиваться. Тогда прислушалась и группа, собравшаяся около менестреля. Умолк и прислушался сам менестрель. Это заметили некоторые из танцующих и поющих. Они замерли на месте и тоже прислушались. И так постепенно все вокруг смолкли в ожидании новостей. К этому времени далёкий звук услышали и те, кто тогда был занят работой. Пастухи повернули домой, быстро гоня стадо между рядами высокой пшеницы, а табунщики уже даже скрылись из глаз, сразу же пустившись галопом к дому, – они торопились поставить кобылиц в конюшни, ибо звук, донёсшийся до жителей Средней Марки тем вечером, означал приближение войны.

Звук этот напоминал гудение шмеля, пролетающего близ уха спящего у реки человека, хотя был более резким. Он напоминал далёкое мычание коровы, пасущейся днём на лугу, когда приближается время доения, хотя был более гулким. Вечер стоял безветренный, и звук, меняясь, не прерывался ни на секунду. Он доносился издалека, но любой, кто его слышал, понимал, что это мощный, могучий звук, и никто не сомневался в том, что это такое. Все признали в нём рёв большого боевого рога Элькингов, чьё жилище стояло вверх по течению реки сразу же за землями Вольфингов.

Группы людей тотчас же распались, и свободные, а также доброе число невольников, и мужчины, и женщины, собрались у Врат Мужей бражного зала. Вошли они туда тихо, без лишнего слов, ибо знали, что услышат все вести в свой черёд.

Там, на возвышении, под Солнцем Крова, в окружении шпалер с вытканными на них сказаниями стародавних времён, восседали старейшины и самые славные воины. Там сидел и высокий сильный человек сорока зим с тёмной, слегка тронутой сединой бородой и большими серыми глазами. Пред ним на столе лежал огромный боевой рог Вольфингов, вырезанный из бивня чудища* Северных морей. С причудливыми узорами (в самом центре был изображён волк), с золотым мундштуком и ободком, украшенным изящным цветочным орнаментом, рог лежал, будто ожидая своего часа. А люди считали минуты до того мига, когда гонец разъяснит им, о чём трубил рог Элькингов.

Звали темноволосого вождя Тиодольф*, что означало «волк народа», и считался он мудрейшим из Вольфингов и искуснейшим из их воинов, и было у него самое храброе сердце. А рядом с ним сидела девушка по имени Солнце Крова, считавшаяся приёмной дочерью вождя, темноволосая и сероглазая, как и её приёмный отец. Ей едва исполнилось двадцать зим, и не было в мире никого прекраснее её.

С ними рядом сидели и воины, и старейшины, а вокруг молчаливо стояли родичи и невольники – все ожидали правдивых и точных вестей. Кто желал войти в зал – уже вошёл, и тогда установилась такая тишина, что казалось, будто соловьи на опушке леса поют слишком уж громко, и слышался писк летучих мышей, доносившийся сверху, от окон. Но вот эту тишину пререзал новый звук, и все взгляды обратились к двери – по высушенной летним солнцем земле к бражному залу бежал человек. Приблизившись к Вратам Мужей, топот стих, двери распахнулись, и толпа расступилась пред гостем, пропуская его вперёд. Он немедленно прошёл к середине стола, стоявшего на возвышении поперёк зала, и остановился, пытаясь отдышаться и протягивая какую-то вещь. В тусклом свете бражного зала, погружённого в вечерние сумерки, не все могли разглядеть её, но, впрочем, все знали, что это. На гонце, молодом, гибком и стройном, были лишь льняные штаны да кожаная обувь. Пока он стоял, пытаясь отдышаться, Тиодольф поднялся, налил в питьевой рог мёду и, протянув его гостю, размеренно и плавно молвил:

«Приветствую тебя, вечерний гость,
Да будет мир с тобой – ведь ты пришёл
К нам, Вольфингам! Так выпей же из рога
Во здравие своё – мёд лечит все печали!
Сдаётся мне, я узнаю тебя —
Ты из детей Оленя. Так ли, гость?»

Но гонец отодвинул рог в сторону. Никто не проронил ни слова, пока, наконец, отдышавшись, он не произнёс:

«Приветствую и я вас, дети
Лесных волков! Ваш рог не для меня —
В мои уста сегодня не прольётся
Ни капля мёда, ибо мне наказ
Был дан такой: “Ты, Эльфхере из Гартингов, не смей
Задерживаться ни в одном из залов.
Лишь вести передашь – и тотчас дальше
Беги, пока не кончится твой путь”.
О, дети Волка, вот и знак! Скажите,

Вы верите ему? Здесь с четырёх сторон
Расщепленная грозная стрела.
Концы её окрашены не охрой —
Кровью и середина прожжена огнём.
А с ней принёс я пламенное слово:
“О, Вольфинги из Средней Марки! Вы,
Увидев знак войны, то днём иль ночью
Случится, — бросьте всё, и в битву
Скорее снаряжайтесь, чтоб наутро
Покинуть дом свой и в три дня пути
С подводами, скотом, оружием и прочим,
Что пригодится воину, достигнуть
Пределов южных леса Бранибора.
Велик народ, что движется на Марку,
Жилища их в земле далёкой, тёмной,
Язык — чужой язык*, никто не может
Из нас понять слова, что произносят
Уста врагов. Колонны их стройны
И многочисленны. Не медлите с подмогой!”»

Произнеся это, гонец протянул вверх руку, показывая всем обгорелую и окровавленную Стрелу Войны. С минуту он стоял так под пристальными взглядами всех собравшихся в зале, а затем, продолжая держать в руке знак войны, развернулся и вышел, и никто не попытался его задержать. После его ухода некоторое время всем казалось, будто стрела ещё висит над головами живых и над вытканными на шпалерах воинами. Все знали, что сулил этот знак. И тогда Тиодольф вымолвил:

«Вперёд, о, дети Вольфингов! Вперёд!
Пусть будет слышен наш военный клич!
Пусть будет слышен рог морского зверя!
Пусть он зовёт нас в бой! Поторопитесь —
Готовьтесь к битве, собирайтесь в путь.
Оставьте и поля, и пашни — впредь
Заботой женщин станет урожай.
Они пусть гонят скот да нагружают
Телеги всем, что нужно будет нам!»

После этих слов бражный зал опустел, и только Солнце Крова осталась сидеть под светильником, чьё имя она носила. Вольфинги шли к самому высокому холму в округе, к кургану, который люди своими стараниями сделали ещё выше. На его вершине Тиодольф, повернувшись лицом по течению Реки Бранибора, остановился, взял рог и, поднеся его к губам, громко протрубил, затем ещё раз и ещё. Казалось, звуки наступавшей ночи стихли от рёва боевого рога Вольфингов, и род Бимингов, услышав его, собрался в своём бражном зале в ожидании вестей, которые должен был принести им гонец.

Когда же последний отзвук рога стих вдали, Тиодольф произнёс:

«Внимайте, дети Вольфингов! Стрела,
Окрашенная кровью с двух сторон,
Несёт нам вот что: мы на жизнь иль смерть,

В тяжёлый, славный путь пойдём – с быками,
С повозками и прочим – на войну,
И те из нас, кого она не скосит,
Вернутся. Здесь их будут верно ждать
И дом, и луг цветущий, и поля
С обильным урожаем – всё в свой час
Свершится, братья! Здесь же, в бражном зале,
В священном доме дедов и отцов,
Могучих Вольфингов, мы пировать победу
И радоваться будем! Солнце Крова
Дождётся возвращения живых!
Услышьте, Вольфинги, услышьте зов стрелы!
Война есть дело каждого мужчины.
Раб иль свободный, двадцати ли зим,
Шестидесяти – ты свой щит и меч
Возьми и защити свой род. Сбор войска
На месте Тинга, что близ Верхней Марки.
О, дети Вольфингов, ещё до полдня
Мы выступим в поход. Да будет так».

Молвив это, Тиодольф спустился с кургана и пошёл обратно, к бражному залу. Люди заволновались и зашумели. Некоторые из воинов уже были готовы выступить в поход, но большинство хотело осмотреть своё оружие и коней, и потому лишь некоторые вслед за Тиодольфом вернулись в бражный зал.

К этому времени уже наступила ночь и было темно, ведь луна только поднималась на небо. Многие из табунщиков закончили работу и теперь возвращались домой через ряды пшеницы, гоня перед собой кобылиц: те играли друг с другом, лягались, кусались и ржали, не обращая внимания на зерно по бокам от дороги. В невольничьих хижинах загорались огоньки, но самый яркий огонь пылал в кузницах. Оттуда доносились звуки молота, бившего по наковальне, – воины готовили своё оружие к бою.

В ожидании похода самые уважаемые мужи и жёны сидели в бражном зале. Мёд плескался в кувшинах, юные девы наполняли и разносили рога, а мужчины ели, пили и веселились. Время от времени какой-нибудь воин, закончив дела в кузнице, входил в зал и садился с теми, кто был ему больше всего по нраву и кому был по нраву он. Кто-то разговаривал, кто-то пел под арфу, и в окна светила взошедшая луна. Перед походом было много смеха, веселья и разговоров о бранных подвигах прежних дней. Но вскоре все пошли спать, и на зал опустилась тишина.

Глава III. Тиодольф разговаривает с Солнцем Леса

Не спал один Тиодольф. Он некоторое время сидел под Солнцем Крова, глубоко погружённый в свои думы, но вот он пошевелился, на поясе его зазвенел меч, и тогда Тиодольф поднял глаза, оглядывая бражный зал, и увидел, что всё вокруг замерло. Он встал, надел плащ и вышел, и казалось, что какое-то дело гонит его вперёд.

Лунный свет заливал траву. Стоял тот самый холодный ночной час, когда только что появившаяся роса источает вокруг себя сладковатый запах. Все спали, ни одно живое существо не издавало ни звука, только с далёкого луга доносилось мычание коровы, потерявшей телёнка, да ещё сова, пролетавшая над карнизом крыши бражного зала, вскрикнула, словно засмеявшись.

Тиодольф повернул в сторону букового леса и, пройдя уверенным шагом через редкие кусты орешника на опушке, вошёл под сень высоких деревьев, чьи гладкие серебристо-серые стволы росли очень близко друг к другу. Воин шёл всё дальше и дальше, как человек, хорошо знающий свой путь, хотя там, где он шёл, не было тропы. Наконец, он оказался в таком густом лесу, что лунный свет, запутавшись в листве деревьев, совсем исчез. Впрочем, и в темноте здесь кто угодно мог понять, что над ним вместо неба зелёная крыша. Мрак сгустился, но Тиодольф шёл всё дальше, пока не увидел впереди себя тусклый свет.

Свет этот становился всё ярче и ярче, и вот, наконец, воин вышел на небольшую поляну. Здесь росла трава, хотя и редкая из-за постоянной тени от деревьев, которые плотно стояли вокруг, заслоняя собой почти всё небо. Но и по тому клочку, что виден был над головой, казалось, что небо посветлело, и не только от луны. Хотя и нельзя было сказать наверняка, памятью ли о прошедшем дне или обещанием грядущего был этот свет.

Тиодольф, переступая с усыпанной сухой корой земли под буками на редкую траву полянки, не смотрел ни на небо над головой, ни на деревья вокруг – он смотрел прямо перед собой, на то, что находилось в центре поляны: там, на каменном престоле, восседала дивной красоты женщина. Одежды её сверкали, а ниспадавшие на серый камень волосы, как казалось при свете луны, были цвета ячменных колосьев августовской ночью, готовых склониться под серпом жнеца. Женщина сидела, словно ожидая кого-то. Тиодольф, не останавливаясь, подошёл к ней, обнял и расцеловал её губы и глаза. И она ответила поцелуем. Тогда воин сел рядом, а она, ласково глядя на него, произнесла: «Послушай, Тиодольф, ты дерзок, раз не боишься обнимать и целовать меня, словно девушку из рода Элькингов, встреченную на лугу, – меня, дочь богов твоего рода, Ту, что избирает Жертву! Да ещё и накануне сражения, ведь утром ты отправишься к полю брани!»

Воин ответил: «Солнце Леса, ты сокровище моей жизни, которое я обрёл, когда был молод, и ты любовь моей жизни, которую я держу в своих объятиях, когда моя борода уже начинает седеть. С чего же мне бояться тебя, Солнце Леса? Разве я испугался тебя, когда увидел впервые? Мы стояли тогда на поле, заросшем орешником, двое живых, окружённых убитыми. Мой меч покраснел от крови врагов, а одежда – от моей крови. Я устал в тот день, и раны мои болели так сильно, что мне казалось – если я потеряю сознание, то уже никогда не очнусь. Но вот предо мною предстала ты: ты была полна жизни, твоё лицо пылало румянцем, губы и глаза улыбались, одежды твои были чисты и светлы, а ладони – испачканы кровью. Ты взяла мою окровавленную обессиленную руку, поцеловала мои мертвенно-бледные губы и позвала: “Идём со мной”. Я попытался пойти, и не смог – боль от многих ран сковала мои движения. Но вопреки усталости и боли, я радовался! Я сказал себе: “Так умирают воины, это достойная смерть. Как же так вышло? Обо мне говорили, что я слишком молод, чтобы встретить врага, но я оказался не слишком молод, чтобы умереть”».

Воин рассмеялся, и смех его разнёсся далеко по дикому лесу, а когда он вновь заговорил, слова его сложились в песню:

«В орешнике вино войны мы пили
От полдня до заката солнца. Гунны
Стояли против нас, и три владыки,
Могучие, сильнейшие из них,
Со мной сразились, скрежеща зубами,
Грызая края своих щитов, суля погибель.
Тем летним днём собирались в небе тучи
Громадами, и небо потемнело,
Как доньшко у бочки для вина.
Я огляделся. Зоркий глаз мой видел,
Как вдалеке олень к траве прижался,
Дрожа, и вся земля дрожала
От грохота мечей и грома в небе.
Один король, подкошенный, упал
Передо мною. Два других напали
Тем яростней, и меч свой то и дело
Я направлял дождю наперерез,
Мешая кровь с водою, наполняя
Сырую землю новым ароматом.
И долго мы плясали в свете молний,
Широкими калёными хлыстами
Хлеставших по земле из серых туч.
Кольчуги* наши отражали свет их,
А мы трудились, рук не покладая,
И прежде, чем всё небо просветлело,
Второй король лежал на бледных, мокрых,
Кровавых маргаритках. Мы остались
Вдвоём, и отдышаться на мгновенье
Остановились, друг на друга глядя.
Дождь ослабел, из-под покрова туч
Блеснуло небо – белое, как плечи
Возлюбленной, к которой брачной ночью
Приходит воин. Солнце вновь вернулось
На землю ненадолго – до заката,
И гнев вскипел в моей груди, и снова,
Пылающие резвые клинки
Затанцевали над сырой землёю.
Гунн пал, меня оставив, и, шатаясь,
Я повернул к кургану для могучих,
К вратам дороги, что конца не знает,
И встретил там тебя. Скажи мне, умер
Я там, в твоих объятьях? Так ли было?
И после поцелуя пробудился
К той новой, грозной жизни, что теперь
Во мне кипит?..»

Но прежде чем воин договорил, женщина поцеловала его и произнесла: «Никогда не было в тебе страха – твоё сердце полно отвагой».

Воин ответил:

«Оно-то и спасло мне жизнь. Не так ли?
Как солнце поднимает вверх растенья,
Так похвала людей, земная слава,
Питает днесь меня – и ночью
Окутывает словно покрывалом,
И утром с ветерком спешит
Напомнить мне о том, что я живой,
Наполнить душу радостью и силой.
Я поступал всегда, как мне велело
Бестрепетное сердце».

«Верно, – произнесла женщина, – но дни бегут по пятам за другими днями, и их бесконечно много, и несут они с собой – старость».

«Но ты не стареешь, – возразил воин. – Правда ли, о, дочь богов, что ты не была рождена, но жила прежде, чем боги воздвигли горы, прежде начала всех вещей?»

Она ответила ему так:

«Нет, нет! Рождение своё я помню,
Не на земных холмах оно вершилось
Богам, но и я познаю смерть.
Ты был во многих битвах, много видел —
И лук, дугой согнутый пред сражением,
И труса, чьё копьё* навеки
Сомкнёт уста могучего. Ты стать
Моим возлюбленным не побоялся. Я же
Боюсь могучей Девы
По имени Судьба. О, очень часто
Она меня пугает – мнится мне,
Что сильная рука уже готова
Безоблачное счастье раздавить».

Тиодольф рассмеялся в ответ:

«В какой стране она живёт? Далёкой, близкой?
Быть может, встречу с ней в кипящей битве?
И если от меча она не сляжет,
То увернётся ль Дева от щита?»

Но его возлюбленная грустно произнесла:

«Судьба живёт везде. Ни днём, ни ночью
Не спит она. И короля народов
В опочивальню светом провожает,
И лезвию меча всегда укажет
Решённый путь, и кораблю дорогу

По хлёстким волнам. Горных троп она
Не избегает – опытный охотник
Ступает вслед за ней. На берегу реки
Крутой обрыв грозит обрушить вниз
Всех, кто осмелился стать на краю, —
И что же? Судьба уж там!
И косу косаря заточит, и на луг
Тотчас же поспешит, чтоб убаюкать
Беспечно пастуха, а овцы пусть
Бессчётно погибают. Мы давно
Наслышаны о ней, мы, что в сей мир пришли
Рождённые богами, мы не знаем,
Что в жизни человеку суждено,
Какой конец она ему готовит.
И потому прошу тебя – нет, не бояться,
Не за себя – меня побереги.
Ты счастлив ли со мной? Или желаешь
В расцвете дней своих, в расцвете славы,
Принять конец?»

Тиодольф ответил ей:

«Я долго думал и решил в раздумьях,
Что жизнь вторую ты мне даровала.
Когда, не зная страха, я сражался,
Мои раненья смерть мне предрекали,
Но тут явилась ты, твои объятья
Меня вернули к жизни, там, на поле,
Орешником поросшем. Я, очнувшись,
Мир не узнал – он был богаче, ярче
Тем пламенным рассветом, и росой
Умытый, мне казался чудно новым.
Ведь засыпая, думал я о смерти,
О мрачной, хмурой смерти – и проснулся
В твоих объятиях – к кипучей, пылкой жизни.
С тех пор ещё ни дня не утихала
Во мне живая радость – и прекрасней
Мне кажутся поля, луга и пашни,
И недоспелое зерно, и бражный
Зал Вольфингов, и ястребы на крыше,
И родичи, которым я свободу
Добыл в кровавой битве, и светильник,
Что светит над моею головой,
Когда у дев и опытных мужей
Моё играет имя на устах
Во время пира, и мои доспехи,
И древко красноватого копья,
Которое, заточенное остро,
Стоит у бока моего, у раны,

Что исцелила милая рука —
Твоя рука. С того рассвета в жизни
Моей неугасимая надежда
Пылает, как пылал я в битве,
Пред тем, как воинов, построенных рядами,
В атаку повести, и этим
Решить исход сраженья и победу
Блистательно добыть. И как же тихо,
Спокойно было время после — помню
Я голос дочери и детские забавы,
И руки на моей груди, кольчугой
Не скованной, — о, как прекрасна жизнь,
Что ты дала мне, что добыл я в битве!
И где ж её конец? С тобою вместе
Вот мы сидим, в божественную сущность
Облачены — и оба рады встрече,
И оба мы из Вольфингов».

Но женщина нахмурилась:

«О, мой могучий и счастливый воин,
Из рода Вольфингов ли ты? Нет зла
В любовных наших встречах, и не здесь
Твоя судьба тебя подстерегает.
Славны твои свершения, нигде
И никогда — под страхом смерти даже
Ты не пойдёшь на подлость. На устах
Людей молва о подвигах твоих,
Ты лучше божества, и твоя слава
Навеки сохранится. Но, как сон,
Земное имя. Из чужого рода
Пришёл ты, чтобы мы смогли с тобой
Быть вместе, и однажды ты умрёшь,
Поэтому послушай!»

Тревога отразилась на лице воина. Он спросил: «Что означают твои слова о том, что я не один из вождей Вольфингов?»

«Ты не из них, — сказала она, — но ты лучше, чем они. Посмотри на лицо нашей дочери, Солнца Крова. Она твоя и моя дочь. Похожа ли она на меня?»

Он засмеялся: «Верно. Она похожа на меня, правда, она прекрасней. Трудно принять, что я живу среди людей чужого рода, не зная этого. Почему ты не говорила мне об этом раньше?»

Солнце Леса произнесла: «Раньше тебе этого не нужно было знать, потому что счастье твоё было в расцвете, а теперь оно увядает. Ещё раз прошу тебя — послушай и выполни мою просьбу, пусть даже преодолевая себя».

Он ответил: «Хорошо, я сделаю всё, что смогу. Ты знаешь, что я люблю жизнь, но я не боюсь смерти».

Она заговорила, и снова её слова сложились в песню:

«Ты бился в сорока различных битвах
И лишь четыре раза поражение
Терпел, и больше с каждым разом
Был дорог сердцу Солнца Леса, Той,
Что избирает Жертву. Но сейчас
С обозами вы собрались в дорогу
И выступите завтра. Против вас
Идёт неведанный, могучий враг,
Которому нет равных. Я боюсь,
Что слава Тиодольфа увядает, я вижу
Поле брани и тебя – убитым...»

Воин перебил её: «Нет позора в том, чтобы быть разбитым мощью сильнеешего. Если этот столь могучий народ отрубит ветвь от древа моей славы, оно только пышнее разрастётся».

Но она произнесла в ответ:

«Ты бился в сорока различных битвах,
И я стояла рядом, на знамёна,
Потрёпанные ветром, я смотрела
Да на осиновые копья, но сегодня
Я не пойду с тобою, ибо
Я подчиняюсь Року. Моё сердце
Предвидит с болью предстоящий бой.
Я так боюсь – я не пойду с тобою.
Привычная ходить по лесу,
Что окружает тучные поля,
Я остаюсь. Ты был в чужих краях,
Ты воевал с бесчисленной толпой
Врагов безжалостных, но те, кто ныне
Идут на вас, сильнее и мудрее
Всех прочих. И на их знамёнах
Могущественный бог. Они живут
В угрюмых, мрачных городах
С чернеющими, тусклыми домами,
Как в преисподней. Правда, есть
Там и прекрасные, чудесные строения
Из мрамора, где в роскоши пируют
Властители и полководцы. Рядом с ними
Дома жрецов – там тайные обряды
Свершаются. И близко-близко,
Словно стволы деревьев в лесной чаще,
Стоят в домах колонны, между ними
Прекраснейшие статуи божеств,
Одетые точь-в-точь, как прежде,
Ещё до сотворенья городов.
А сколько золота у этого народа!
Оружия, доспехов – мне не счесть!
Диковинные, странные машины

Работают на них, но для чего
Они – неведомо. Порядком стройным
Ваш враг вступает в бой, за ним народы
Безмолвно покорённые идут.
Друг мой возлюбленный, я ясно вижу:
Вот ты спешишь на поле грозной брани.
На этот раз могучий, грозный Рок
Велит остаться твоей Солнцу Леса!
Я с Вольфингами на войну не смею
Пойти – о, горе, горе, горе, горе!
Я вижу смерть того, кто столько битв
Провёл, непобеждённый. В этот раз
Грозит, грозит отважному гибель!
Могучий Рок!»

Воин, ласково глядя на женщину, ответил:

«Благодарю тебя, мой милый друг!
Слова твои верны, любовь крепка,
Но умирают все, и мы с тобою
В конце времён окажемся в одних
Божественных палатах. Так зачем
Менять судьбу?»

На лице женщины появилась радость: «Кто знает Судьбу, прежде чем она настигнет?
Моей судьбой долгое время было любить тебя и помогать тебе. Я и сейчас с тобой».
Она запела:

«Мечи народа, что на вас войной
Идёт, – остры, а копья метко
Бросает враг. Но есть защита —
Кольчуга. Выковал её кузнец
Один. Как ты вступаешь в бой? Где шлем твой?
И как прочны доспехи? Как невольник,
Ты гол или одет в броню из стали,
Как подобает королю?»

Тиодольф вздрогнул, и лицо его покраснело:

«О, Солнце Леса, знаешь ты прекрасно,
Как бьются люди Марки. В бой вступаем
В доспехах мы, чтобы стрела, случайно
Нас не убила. Трусу
Негоже убивать из-за засады
Могучих воинов – да ещё прежде,
Чем силу, храбрость, мощь они покажут.
Но до того, как кончится сражение
И враг бежит, доспехи будут сняты
И отличить тогда вождя народа

От самого последнего раба
Возможно лишь по ранам. Пасть в бою,
Когда ты сделал всё, что мог, —
Достойно!»

Женщина, улыбнувшись, ответила:

«О, Волк народа, подожди, послушай!
Когда иссякнут жизненные силы
И Вольфинги прославят твою смерть?
В огне сжигают дерево с плодами,
Которых ещё нет, и с цветом,
Что мог родиться, но неужто ты
Обречь меня способен на вдовство,
На то, чтоб к погребальному кургану
Тебя я проводила только
Из-за того, что ты в пылу сраженья
Неукротим, как вольный ветер в поле?
Послушай меня, сделай, как прошу я:
Кольчуги не снимай! Тогда вернёшься
С войны на юге ты живым и вместе
Со мной воссядешь в тени буков, чтобы
Мои глаза и губы целовать».

И она, лаская, поцеловала его и положила свою ладонь на его грудь. Он мягко принял её ласки и, весело рассмеявшись, сказал:

«О, дочь богов, ты в нашем мире долго
Живёшь и видела немало. Помнишь
Людей, что, горя не познав, горюют
О том лишь, что ещё должно случиться?
Сейчас ты, словно дева, что впервые
В объятиях мужчины, рог заслышав,
Зовущий к бою, ластится и жмётся.
Ты знаешь, как тяжёл топор, как сердце
Пронзает меч. Ты о Судьбе мне пела —
А ведь Судьба, о, дочь богов, и рубит,
И пробивает все кольчуги в мире.
Да разве может молотом невольник
Создать в огне кольчугу, что отсрочит
Судьбою предназначенное? Разве
Укроет сталь грудь воина лихого,
Что побеждён врагом его народа?»

Теперь рассмеялась Солнце Леса. Смеялась она громко, но смех её был так мелодичен, что сливался с песней лесного дрозда, который только что проснулся и пел, сидя на ветви рябины. Женщина молвила:

«Я, дочь богов, тебе, могучий воин,

Не расскажу о том, откуда
Кольчугу эту привезли и кто тот мастер,
Что выковал её, но, милый, верь мне —
Надень её пред битвой и до самых
Последних взмахов грозного оружия
Её ты не снимай! И крепкой, прочной
Она тебе защитой станет — жизни
Ты не лишишься. Року неподвластна,
Сама, как Рок, кольчуга защитит».

С этими словами Солнце Леса, сидя рядом с Тиодольфом на каменном престоле, наклонилась к земле, опустила руку в высокую, покрытую росой траву и достала оттуда переливающуюся тёмно-серым кольчугу. Затем она снова выпрямилась и положила кольчугу на колени Тиодольфа. Он взял её и долго вертел в руках, удивляясь тому, как она была сделана. Наконец, он произнёс:

«Какое зло несёт мне этот страж,
Эта сокровищница боязливой жизни,
Эти ворота в городской стене,
Что вечно заперты перед врагом? Её ковал
Не житель леса и не житель дола,
А житель подземелья — старый гном.
Боишься мы, народ земной, их гнева,
Их радости и равно их печали».

Возлюбленная обняла Тиодольфа, приласкала, и голос её стал нежнее, чем голос любого из смертных:

«Нет, мой любимый, ни тебе, ни мне
Кольчуга зла не принесёт. Напрасно
Страшишься ты. Мы будем вместе.
И жизнь, что даровала я тебе,
В сражение не прервётся. Долго-долго
Мы будем счастливы — исполни, друг мой,
Исполни просьбу: чудную кольчугу
Надень пред боем, защити себя.
Тогда охотник на исходе ночи,
В лесу блуждая, на твоей могиле
Мой призрак не увидит, мои слёзы
Не орошат сырой земли, смешавшись
С прозрачной утренней росой. И пастуха
На солнечном лугу не испугает
Задумчивая тень, наполнив душу
Предчувствием беды, что вскоре
Обрушится на Вольфингов. Мой плач
Табунщик не услышит, в час полночный
Проснувшись. Моих слов разгульный ветер
Не принесёт в дом Вольфингов, когда
Мужчины будут на войне и только жёны

Останутся оплакивать мужей
И тех детей, что в браке им родили.
Исполни мою просьбу, Тиодольф,
Чтоб Дому Вольфингов не ведать скорби,
Чтобы не пала тенью на него
Смерть Той, что избирает Жертву».

И Солнце Леса снова обняла воина, но он не произнёс ни «да», ни «нет». Наконец, Тиодольф обнял её в ответ, и гномья кольчуга упала с его колен на траву.

Так они и сидели на лесной поляне, пока не окончились сумерки и не поднялось солнце. А когда Тиодольф вышел из буковой рощи на свет, падавший между листьями орешника, что легко колебались свежим утренним ветерком, тело его от шеи до колен покрывала блестящая матовым светом кольчуга из тёмно-серых колец, сработанная гномами в стародавние дни.

Глава IV. Вольфинги отправляются на войну

Когда Тиодольф вернулся к жилищу своего рода, все Вольфинги уже были на ногах. Невольники, как мужчины, так и женщины, а также свободные спешили из хижины в кузницу и из кузницы в бражный зал с тем, что необходимо для воинского снаряжения или с одеждой для тех, кто отправлялся в поход. Последние стояли близ Врат Мужей, либо степенно сидели в самом зале. Кто-то наблюдал за царившей суматохой, расположившись на открытом воздухе возле хижин невольников, где стояло несколько задержавшихся телег (в большинство уже запрягли быков и выехали на луг за пашней). Предназначенных на убой коров, как и коней для воинов, тоже согнали на луг, там же толпились и невольники, следившие за конями, на которых уже были седла и уздечки; правда, не на всех – некоторых невольники только запрягали.

Рамы телег люди Марки собирали из прочных ясеневых жердей, а панели – из осины. Колёса прилаживали на широких осях, чтобы телеги могли проходить и по ухабам, и по ровной земле. Над телегами делали добротные навесы из собранных ивовых шестов, покрытых чёрными квадратными войлочными коврами, наподобие кровли. Войлок для них изготавливали из грубой шерсти (Вольфинги во множестве разводили овец). Такие телеги служили людям домами, когда это было необходимо. В них складывали пропитание и воинское снаряжение (чем сейчас и занимались), а после битвы в них же перевозили тех раненых, кто не мог удержаться на коне. Не секрет, что временами воины на этих же телегах привозили домой богатства юга. Если же случалось, что вражеская сила превозмогала их, то вместо бегства они часто укрывались за этими телегами, расставленными так, чтобы образовать ограду. Тогда несколько невольников охраняли её, а воины ждали внутри, пока не пойдут на штурм те, кто хочет выманить их вновь сражаться в открытом поле. Такие ограды из телег Вольфинги называли вагенбургом*.

Три из таких телег запаздывали, они всё ещё находились у построек рядом с бражным залом Вольфингов. Быки, предназначенные для упряжи, стояли или лежали ещё не запряжённые. А рядом можно было заметить другую телегу, совсем не похожую на прочие. С квадратным дном, меньше и выше остальных, легче их, но гораздо прочнее, как воин крепче простого мужлана, или как работник крепче лентяя. Из этой телеги поднималась мачта, сработанная из высокой прямой ели. На ней развевалось знамя Вольфингов с изображением волка. В военное время он был красного цвета. Пасть его была разверста, и он скалился на врага. Все прочие телеги тянули обыкновенные быки, на цвет которых не обращали внимания, когда их впрягали. Телегу же со знаменем тянули десять чёрных быков, самых сильных из стада, с низко свисавшим подгрудком, высокой холкой и кудрявой чёлкой. Их упряжь была позолочена, как и внутренняя часть телеги. Деревянные детали телеги были окрашены киноварью в красный цвет. Итак, знамя Дома Вольфингов ожидало, когда воины начнут путь к месту сбора всего войска Марки.

Тиодольф стоял на вершине холма рядом с тем курганом, где прошлым вечером он дул в боевой рог. Курган этот назывался Холмом Речей. Воин смотрел по сторонам, прикрыв рукой глаза от солнца. Невольники запрягали быков в готовые повозки, и воины подходили к ним, попрощавшись с друзьями и родными. Они выходили из бражного зала через Врата Мужей и обращали лица к Холму Речей.

Тиодольф знал, что всё уже готово к походу, и все ждали лишь наступления полдня, поэтому он развернулся, вошёл в зал, снял свои щит и копье, висевшие над его спальным местом рядом с кольчугой, что он обычно носил. Он с тяжким сердцем посмотрел на неё, а затем на своё тело, покрытое кольцами гномьей работы, но лицо его не изменилось, когда он, взяв щит и копье, пошёл прочь. Он поднялся на возвышение, где, как и прошлым вече-

ром, сидела его приёмная дочь (как считали Вольфинги). Сейчас она была в белом платье из тонкой шерсти. Спереди платье украшали вышитые золотом два хищных зверя, прыгавших на алтарь, где горел огонь, а на подоле – волки, преследовавшие оленя, и охотники, стрелявшие из лука. Эта одежда была древним сокровищем. Ещё девушка повязала вокруг талии широкий пояс, украшенный золотым шитьём и драгоценными камнями, а на шею надела изящные золотые кольца. К этому времени в бражном зале кроме Солнца Крова оставалось лишь несколько человек. Это были самые старые женщины и мужчины и все те, кто болел и не мог встать с постели. Перед девушкой на поперечном столе лежал большой боевой рог – в ожидании, когда придёт Тиодольф и даст сигнал отправляться в путь.

Тиодольф подошёл к Солнцу Крова, поцеловал и нежно обнял её, а она протянула ему рог. Воин вышел из зала, поднялся на Холм Речей и трижды отрывисто протрубил. И тогда все воины собрались на холме. Каждый из них выглядел сурово и мужественно в своих крепких доспехах, все были в приподнятом настроении, все были готовы к бою.

Из Врат Мужей вышла Солнце Крова. Её платье без складок ровно ниспадало до самых лодыжек, девушка ступала легко и медленно. Голову её украшал венок из роз, в правой руке горел большой вощёный факел, и при ярком солнечном свете пламя походило на трепыхающийся ярко-красный лист.

Воины расступились, пропуская девушку. Она поднялась на вершину Холма Речей и остановилась там, держа горящий факел так, чтобы все могли его видеть. Внезапно наступила такая тишина, какая бывает только летним утром, даже невольники на лугу заметили, что происходит что-то особенное, и перестали переговариваться. Хотя они и были далеко от холма, но поскольку позади него стоял тёмный лес, они видели Солнце Крова на вершине. Они поняли, что зажжено Пламя Прощания и что девушка сейчас произнесёт прощальные слова, которые для всех будут предсказанием беды или победы.

Нежным, но звонким, далеко слышным голосом она запела:

«О, воины могучего народа,
О, Вольфинги, я заклинаю вас —
Вернитесь в этот дом, что носит ваше имя,
Вернитесь после битвы! Это пламя,
Зажжённое от Солнца Крова,
Покинет дом до той поры, пока
Могучих воинов, оставшихся в живых,
Вновь не осветит! В добрый путь, мужи!
Судьба ведёт вас – со спокойным сердцем
Последуйте за нею, ведь отныне
Сквозь пламя битвы славны будут все
Дела, свершившиеся в это лето.
Как если бы вы оставались здесь —
Назавтра мы начнём косить траву.
И, может быть, до сбора урожая
Вернётесь вы. Коровы каждый день
Будут ходить на луг и каждый вечер
Привычно возвращаться в чистый хлев.
Всё будет жить, как раньше. Если ж враг
Придёт сюда – у нас есть пастухи,
Они мальчишки, но стреляют метко,
И старики, что в битвах прошлых лет
Бесценный опыт накопили. Сила

Не вся растрчена. И женщины возьмут
Копьё и щит, их руки не ослабнут.
Оружие у нас в запасе есть,
А стены высоки, прочны, и крепко
Стоит дом Вольфингов – он будет ждать,
И Солнце Крова разгорится ярче!
Смотрите, я гашу прощальный факел,
Зажжённый от священной лампы. Пламя
Её пришло в прекрасный этот лес
В тот день, когда здесь предки поселились
Могучих Вольфингов, на край земли оно
Последует за нами. Знайте – факел
Я не зажгу, пока вы не вернётесь
С победой, в славе, или с пораженьем,
Пока вы не попросите меня,
Чтоб Волк Войны увидел это пламя».

Пропев это, девушка перевернула факел и погасила его о траву. Воины все, как один, развернулись – быки, запряжённые в телегу со знаменем, наклонив головы и издав могучий рёв, пошли вперёд. Телега закрипела и двинулась, воины последовали за ней, вниз, через пшеничное поле, на луг. За ними пошли и многие женщины, дети и старики.

Все думали о том, что бы могли значить слова, произнесённые Солнцем Крова. Она ничего не поведала им о грядущих битвах, только сказала, что иные воины вернутся в Среднюю Марку. Раньше пред сражением она предрекала что-то из грядущего, но теперь не сказала ни слова больше того, что и так лежало у каждого на сердце.

Воины шли за знаменем Волка вниз, к лугу, где всё уже было готово к походу. Плюмажи на шлемах вздымались высоко вверх. На лугу все выстроились и направились в сторону Реки Бранибора. Порядок их был таков: впереди всех ехала телега со знаменем, и её окружали воины в самом лучшем вооружении. За знаменем следовали телеги с оружием, в них ехали невольники – они должны были охранять обоз и не имели права сходить с телег ни днём ни ночью. В конце колонны шли все остальные.

Снаряжение у всех было следующее. Свободные воины покрывали голову шлемом. Железные или стальные шлемы были редкостью, поэтому некоторые носили шлемы из конской или бычьей шкуры, украшенные сверху подобием волчьей морды, – это была неплохая защита от удара мечом. Щиты были у всех, и на каждом щите виднелось изображение волка, отмечавшее свободных воинов (а надо сказать, что невольников в этом походе было довольно много). Тела же прикрывали кто короткой кольчугой, кто кожаной курткой с роговыми пластинками, пришитыми подобно черепице на крыше, а кто лишь простой курткой из шкуры, правда, говорили, что такие куртки были гораздо лучше, чем любой доспех, изготовленный молотом кузнеца, ведь над ними были пропеты заклинания, отвращающие сталь и железо.

Что же до оружия, то у Вольфингов были копья, которые нельзя назвать длинными – где-то около восьми наших футов. Они были вооружены и тяжёлыми боевыми топорами с длинными древками, были у них и алебарды с большими широкими лезвиями. Несколько человек – немногие – несли с собой луки, и каждый свободный воин был подпоясан мечом: длинным обоюдоострым или коротким и тяжёлым, заточенным только с одного края. Такие короткие мечи Вольфинги, как и их предки, называли саксами. Так были вооружены свободные.

А вот среди невольников было много лучников, пускавших во врагов оперённые стрелы с широкими наконечниками, и особенно много их было среди тех, в ком не текла кровь готов. Они взяли с собой и короткие копья, и булавы, окованные железом, и кинжалы с секирами, а вот мечи среди невольников были редкостью, как и железные шлемы. Кольчуг же и вовсе не было. Большинство носили за спиной маленький круглый щит* без отличительных знаков.

В таком порядке выступил в путь Дом Волка. Воины шли в сторону тинга Верхней Марки, где должно было собраться всё воинство. Когда они двинулись вдоль берега Реки Бранибора, вверх по течению, солнце уже перевалило за полдень.

Те же, кто спустился с ними на луг, ещё долго стояли, провожая их взглядами. Многие тогда предчувствовали грядущие беды. Некоторые из стариков вспоминали былые дни, когда народ Марки стекался с гор, с края мира, где теперь никто не живёт, кроме богов их рода. Много сохранилось сказаний о горестях и войнах, что испытали люди, переходившие от реки к реке да из одного дикого леса к другому. Но вот все роды достигли Марки и жили там лето и зиму, год за годом, плохое ли время было или хорошее. Но теперь старики думали – и мысль эта глубоко проникла в их сердца, – что, возможно, ныне близится конец их ожиданию, и скоро придёт день, когда они понесут Солнце Крова через Бранибор в поисках нового места, где бы они могли жить вдали от бед, что несут эти чужаки.

И у тех из них, кто не мог избавиться от дурных предчувствий, было тяжелее на сердце, чем обычно, когда Вольфинги уходили на войну. Долго они жили в Марке, и жизнь, которую они знали, не была суровой. Реку Бранибора они чтили, как божество, и так же жили их предки. Чтили они и луг, на котором паслись их любимые лошади, росли коровы, и мирно, не опасаясь волков дикого леса, ходили овцы. Почитали Вольфинги и душистое поле, что их отцы сделали плодородным, сочетая священным браком время посева со временем жатвы, чтобы семя пашни могло стать частью рода Волка – радость и сила прошедших вёсен и лет бежала в жилах детей Вольфингов. Почитали за божество и сам бражный зал, где жил весь род. Их предки построили его, оберегали его от пожара, молнии, ветра и снега, от всё поедающего времени, от лет, что покрывают пылью произведения человеческих рук. Вольфинги знали, что их общий дом видел, как сменялись многие поколения. Здесь рождались дети, здесь умирали старики, этот дом ведал многие тайны прошлого, ведал сказания, забытые сейчас, сказания, которые, возможно, откроются позже, ибо время от времени дом говорит с живыми, рассказывая то, что не рассказывали их отцы. Бражный зал хранит память поколений, хранит саму жизнь Вольфингов, хранит их надежды на грядущие дни.

Так эти простые люди представляли себе богов и с такими чувствами они провожали своих любимых друзей. И что, кроме тяжкой печали, могло лежать у них на сердце, когда они представляли, что дикий лес поглотит их всех – боги больше не смогут помочь им, их друзья сгинут, как сгинет и радость жизни, и на её место придут голод, жажда и усталость. Их дети построят новый бражный зал, и назовут новые места старыми именами, и будут почитать новых богов так, как их предки почитали старых.

Такие бедствия являлись Вольфингам, не ушедшим на войну. Но в сказаниях не поётся, что дурные предчания были у всех. Грустные мысли чаще опутывали ожидавших конца своих дней стариков, за которыми ухаживали потомки Волка, оставшиеся дома.

Но вот люди, провожавшие воинов, развернулись, чтобы пойти обратно, к своим жилищам, и вдруг они заметили, как через поля что-то движется. Донеслись крики людей, рёв рога и мычание быков. Вольфинги всмотрелись и разглядели множество воинов в ярких одеждах, шедших вверх по течению Реки Бранибора. Никто не испугался, ведь это могли быть только воины Дома Бимингов – они направлялись к тингу, чтобы присоединиться к общему войску. Увидев на лугу толпу провожавших, несколько юношей прищипорили своих коней и, спешно поприветствовав женщин и стариков, проскакали галопом мимо, чтобы нагнать отряд Воль-

фингов. Между этими двумя Домами давно установились родственные связи, и Вольфинги с нетерпением ждали, когда подвезут ближе знамя Бимингов. Одевание новопришедших воинов во многом напоминало то, что носили сами Вольфинги, только было ярче. Вольфинги затемняли цвет своих доспехов, чтобы сделать его подобным цвету серого Волка, а Биминги, наоборот, отшлифовывали доспехи, делая их такими яркими, какими только могли. Одежда Бимингов была зелёного цвета, и украшали её вышитыми цветами. На знамени они изображали зелёное древо, а телегу со знаменем тащили белые быки.

Когда новый отряд приблизился, те из Вольфингов, что остались дома, пошли навстречу воинам, чтобы поприветствовать их и поговорить с ними. Но всё то время, пока шли разговоры, телега со знаменем неизменно продвигалась вперёд, и, наконец, все Биминги вновь последовали за ней – путь к месту тинга Верхней Марки был долг.

Воины прошли по берегу Реки Бранибора, и толпа провожавших медленно растаяла, луг опустел. Один за другим люди проходили через пашню к жилищу Вольфингов, а там выбирали себе работу или отдых по нраву.

Глава V. О Солнце Крова

Когда воины и провожавшие их ушли на луг, Солнце Крова осталась на Холме Речей. Она видела, как Вольфинги построились и как огромный тёмный отряд, где мелкими пятнами выделялись самые разные доспехи и оружие, тронулся в путь. Тогда она решила вернуться к бражному залу, но в этот момент ей показалось, будто что-то удерживает её, словно она не желает и не может сделать больше ни шага. Тогда девушка осталась на холме. Затухший факел выпал из её руки, и она опустилась на траву, будто напряжённо о чём-то размышляя. В голове её вертелось множество мыслей, но она не могла остановиться ни на одной из них. Пред её глазами мелькали образы того, что было когда-то давно, и того, что происходило сейчас, а между ними проскальзывали видения того, что ещё только будет, но они были размытыми, и Солнце Крова чувствовала, что им нельзя доверять. Так она и сидела на Холме Речей и видела сны наяву, такие же туманные, как и настоящие.

Пока она сидела, погружённая в свои мысли, на холм, чтобы посмотреть на неё, пришла древняя старушка. Девушка не встречала её раньше ни среди Вольфингов, ни среди невольников. Гостя позвала её по имени и сказала:

«Приветствую тебя, о, Солнце Крова,
Дитя народа Марки. Как теперь
Тебе живётся? Вольфингов сыны
Ушли своей Судьбе навстречу, вверх
По плещущей реке, что вы зовете
Рекою Бранибора. С ними вместе
Сыны Лесного Древа, как дубы,
Слепые, стойкие, бесстрашные деревья».

Девушка ответила ей так:

«Душа моя стремится вдаль, чтоб битву
Увидеть и сполна воздать хвалу
Могучим воинам. Но мои мысли
Подобны лабиринту иль побегам
Ползучей ежевики по весне.
Я думаю о том, что раньше было, —
И путаюсь. Я думаю о том,
Что происходит днесь, — и очертаний,
Границ не вижу. Думаю о том,
Что лишь случится, но слова смешались,
Переплелись иль непонятны мне.
И если ты сказать мне что-то хочешь,
Что пользу принесёт, — то говори!»

Старушка посмотрела на девушку своими чёрными глазами, сверкавшими на тёмном морщинистом лице, села перед ней и произнесла:

«Я из земли далёкой к вам пришла,
Чужой я крови Вольфингам, но знаю
Сказания, что ваши менестрели

Поют тоскливыми, глухими вечерами.
Я слышала, как люди восхваляют
Твою красу, но свадьбы не дожждётся
Прекрасная невеста. И в постели
Лихого воина нет места для тебя».

Девушка не покраснела и не побледнела, но, спокойно глядя в лицо старушки, ответила:

«Всё это правда, я уже невеста
Тех древних воинов, храбрейших из мужей,
Что в дни былые, до того как пашню
Здесь распахали, жили в наших землях».

Глаза старушки радостно засветились. Она молвила:

«Как будут рады мать и твой отец
Таким словам, достойному ответу,
Если, конечно, сейчас живы те,
Что дочь прекрасную в любви зачали».

Солнце Крова ответила так же спокойно, как и раньше:

«Никто не знает, кто меня зачал, —
Я несмышлёным, радостным ребёнком
Пришла из леса к Вольфингам. Меня
Они усыновили и тогда же
Отца, прекраснейшего из мужей их рода,
Мне дали и старушку-мать».

Гостья кивнула:

«Да, я об этом слышала, но всё же
Не верю, что под дубом родилась
Прекраснейшая из земных детей, не верю
И в то, что ты нагим, босым ребёнком
По мокрой от дождя лесной траве,
Как звери, ползала. Ты не расскажешь,
Как вдруг случилось, что приёмьш стал
Залогом процветанья дома – Солнцем Крова?
Я бы послушала об этом. Твой рассказ
Доставит радость мне».

Солнце Крова ответила:

«Ты верно говоришь. Вот что я помню:
Под дерева ветвями я лежу,
На мне льняное платье – не нага я,
Не беспризорное дитя лесное.

Поляна залита румяным солнцем,
И на неё из чащи тихо-тихо
Выходит робкая косуля и, шагнув
Ко мне, отпрыгивает вдруг и мчится,
Как будто в страхе, прочь. Я удивляюсь,
Хотя со мной сидит волчица. Я её
Таскаю за уши, и за бока тягаю,
И челюсти сжимаю вместе ей.
Она скулит, но терпит, будто любит
Меня – я не боюсь её ни капли.
Она же, словно неизменный сторож,
Ни на минуту не отходит прочь.
Над головой её с ветвей дубовых
Смеётся сойка, подражая пенью
Какой-то птицы. Через два ствола
По дереву несётся белка. Вдруг
Волчица поднимается, рычит,
Шерсть ошестинив и оскалив пасть.
Шаги – я слышу, не лесной, привычный,
Знакомый звук. И мы настороже
Сидим. А он всё ближе, ближе... Ах,
Я хлопаю в ладоши и ползу —
Так радостно! А на краю поляны
Мужчина, славный воин – и сверкают
Железный шлем и золотые кольца,
А на плечах пылает тёмно-красный,
Расшитый по краям военный плащ.
Он к нам подходит с песней, что поётся,
Когда душа ликует. А волчица
Смиренно, кротко отступает в лес.
Меня берёт он на руки, садится
Со мной у дуба, я же прижимаюсь
К его щеке своей щекой, играя
С холодным шлемом, с кольцами его
И слушая внимательно слова,
Что мне он говорит, – как непонятный,
Чужой, но сердцу сладостный напев.
Казалось мне тогда, что он мне дорог,
Что я, дитя, люблю его. Но вот
Меня он ставит на траву, целует
И в лес уходит. А ко мне волчица
Из чащи возвращается, и я,
Счастливая, игру с ней продолжаю.
Я рассказала первое, что помню.
Ты хочешь что-нибудь ещё узнать?»

На лице старушки появилось доброе, мягкое выражение, когда она ответила:

«Прекрасная дочь Вольфингов! Хотела б

Я целый день твой голос слышать. Как же
Тебе пришлось тот дикий лес покинуть?
Какие люди там нашли тебя?»

Солнце Крова ответила:

«Однажды вечером проснулась я, заслышав
Чужие голоса. В глухом лесу у дуба
Стояли воины. Их яркую одежду
Пурпурного и красного цветов
Разглядывала я. Улыбки, лица
Их выражали благородство. Ничего
Подобного я не встречала с той поры,
Как славный воин приходил играть
С ребёнком малым. Он и в этот раз
Был среди них, и добрая улыбка
Светилась на его лице, как прежде,
Когда я ластилась щекой к его щеке.
В руке держал он щит – на золотой обшивке
Прекрасного щита оскалил зубы волк.
Я протянула маленькие руки —
И славный воин взял меня с земли,
На плечи посадив. Он обернулся
К товарищам, счастливо улыбаясь,
Они же громогласно закричали,
Подняли вверх сверкавшие мечи
И о щиты забили ими звонко.
Но я не понимала, почему
Они ликуют, что они кричат.
Прекрасный воин на тяжёлый щит
Меня ссадил, и, весело крича,
Все в путь пустились через дикий лес.

Я больше и не вспомню ничего
Ни о волчице, ни о лесе том.
На память мне приходит древний зал,
Огромный, сумеречный. Для ребёнка мир
В нём заключался. Звуки, голоса
Мне непонятны, странны, незнакомы.
События чужды... Но год за годом
Я говорить учусь и понимать,
И вот уже я там своя, как дети
Могучих Вольфингов, товарищи по играм.
Я помню это время – час за часом
Веселье длилось. Женщина худая,
Высокая, с седыми волосами,
Смешавшими цвет серебра с овсом,
Была средь Вольфингов. Лицо её, как помню,
Светилось грустной, тихой добротой.

Когда от игр шумных уставали
Мы, дети, то она садилась рядом,
И древние певучие сказанья
Слетали с её губ. Она детей
Любила сильно, больше всех – меня.
Однажды, разбудив средь тёмной ночи,
Она меня по залу повела —
И страх слепой окутал моё сердце
В глубокой тишине. Мы к возвышенью
Пришли. Там тот же славный, сильный воин
Сидел. Меня поднял он, как в лесу,
Поцеловав, и я заснула крепко.
Когда же вновь глаза мои открылись,
Со мною только женщина была.
Холодный лунный свет струился сверху,
А женщина работала и пела
(Я слов не знала этой нежной песни).
Она тогда заботилась о лампе,
Что высоко под крышею висит, —
И масло подольёт, и всё поправит.
Но вот и лампа поднялась высоко
И скрылась в темноте».

«Верно, – отозвалась старушка, – эта женщина была Солнцем Крова прежде тебя. А что ты помнишь после этого?»

Девушка ответила:

«Ещё одно моё воспоминанье...
Орешник, что растёт за бражным залом, —
Там дети бегают, сороки там трещат.
Я с Солнцем Крова за руку иду,
Она серьёзно слушает, как я
Делюсь с ней детскими мечтами, и сейчас
Я матерью бы назвала её...»

Так я росла. Дни шли, и я ходила
То в лес, то в поле, то одна, то с кем-то,
И жизнь казалась мне прекрасной сказкой.
Я знала, что меня удочерили,
И среди Вольфингов мне не было родни,
Но Солнце Крова стала мне прекрасной
Приёмной матерью, а славный воин тот,
Которого всем сердцем я любила, —
Отцом приёмным...»

Старушка молвила с улыбкой: «Верно, он твой приёмный отец, но он очень сильно любит тебя».

«И это правда, – согласилась Солнце Крова. – Ты мудрая женщина. Скажи, ты пришла, чтобы поведать мне, какого я рода и кто мой отец и мать?»

Старушка ответила ей: «Разве ты не знаешь этого? Разве Солнце Крова рода Вольфингов не умеет видеть то, что ещё не случилось?»

«Верно, — кивнула девушка, — но во сне или наяву я вижу своим отцом только моего приёмного отца. А вот моя настоящая мать являлась мне так, будто мне предназначено встретить её в один из дней моей жизни».

«Это хорошо», — сказала старушка. Её лицо стало ещё добрее, и она попросила: «Поведай мне о твоей жизни у Вольфингов».

Солнце Крова ответила ей:

«Под крышей Вольфингов я радостно росла,
Пока мне не исполнилось шестнадцать.
Меня любили, словно божество,
И в чудные одежды одевали.
Я в одиночестве ходила по лесным
Тропинкам, не боясь зверей. Они
Не убегали в страхе от меня.
Я мудрость начинала обретать,
В мысль облачённую, и по ночному лугу
Гуляла часто, плавала в реке,
Зовущейся Рекою Бранибора,
Играла в пенистых её волнах,
Когда земля во мгле зарю встречала.
Одна из рода понимала я
Желания зверей, как будто звери
Рассказывали сами мне о них.

Я видела, что будет — от великих
До самых незначительных событий.
И вот однажды к Вольфингам могучим
Пришла война, и каждый из мужчин
Готовился к походу — арфы пели,
И ликовал весь бражный зал пред боем.
Тогда мои глаза, словно вживую,
Увидели грядущее сражение,
И с уст сорвались пылкие слова!
Я чувствовала, что должна сказать им,
Как Красный Волк на лютого врага
Щетинится, и враг бежит, и знамя
Его, где страшный Вересковый Червь
С прекрасной девой в пасти, повергают.
А славный воин, мой отец приёмный,
Клинками с юга окружён, вот битва
И добрая погоня уж далёко,
А он лежит, стрелой врага пронзённый
И с наконечником копья в плече,
Кольчугой не прикрытом. Вот я вижу
Саму себя — я словом, сладкой песней
Густую останавливаю кровь
Приёмному отцу, и вот мы с ним,

С ликующими воинами, с Волком
На стяге Вольфингов изображённом,
Вдоль пенистой божественной реки,
Зовущейся Рекою Бранибора,
Идём в наш мирный дом. Там нас встречают
Заждавшиеся женщины, и крик
Их радостный смешался с нашим криком.

Все Вольфинги, застыв, внимали мне
И видели, что мудрость говорит
Устами слабой девушки. Они
Обрадовались доброму знаменью
И, полюбив меня ещё сильнее,
Чем прежде, облачили в одеянье,
Достойное прекраснейшей богини,
И, как богиню, понесли с собой —
Смотреть на битву. Я стояла молча
У знамени и всё ждала, когда же
Увижу то, что было мне в виденье
Богам послано. И всё свершилось так.
Я пела над отцом приёмным песню,
Пока живая кровь не перестала
Из раны течь, пока родное сердце
Вновь не окрепло для пути домой.
В повозке, в окруженье тех, кто выжил
В кровавой битве, мы домой вернулись,
В жилище древнее отцов, и Солнце Крова
Нас встретило немеркнущим огнём.

И с того часа все словам внимали,
Что, как во сне, ко мне являлись, битву
Суровую пророча иль веселье.
Так год прошёл, и ноша моих знаний
Мне стала тяжела. Но вот однажды
Слегла в постель та женщина, что прежде
Носила имя Солнца Крова, мать
Моя приёмная. И, зная, что угаснет
Её земная жизнь, она учила
Меня искусству Солнца Крова — песням,
Которые поёт служитель лампы,
А, умирая, мне благословенье
Своё дала, и, зная её волю,
Народ облёк меня в одежды древних,
Священные одежды, ожерелье,
Достойное богини, дали мне
И кольца золотые. Нарекли
Меня с того момента Солнцем Крова.
С тех пор живу я, предрекая судьбы,
Сама своей судьбы почти не зная,

Не ведая, откуда я и что же
В дом Вольфингов ребёнка привело».

Старушка произнесла:

«Что скажешь ты о воинах сегодня?
Ты с ними не пошла, осталась дома —
Что ожидает их в жестокой битве?»

Солнце Крова ответила:

«Пока есть кров у рода, я останусь
Здесь — здесь мой дом, и на сражение,
На злую битву не пойду смотреть,
Пока священное жилище рода
Не окружают враги со всех сторон,
Пока стрела не пропоёт над лугом,
Где Вольфинги пасут коров, пока
Не покачнутся прочные столбы
И крыша дома милого не дрогнет
От криков ярости, пока мой род
Не соберёт обильный урожай
Мечей и копий».

Девушка стояла, повернув голову к бражному залу. Она долго смотрела на него, бормоча какие-то слова и совсем забыв о старушке, которая, вглядываясь в её лицо и внимательно слушая всё, что вылетало из её уст, не могла понять ни слова.

Наконец, Солнце Крова замолчала, веки её закрылись, пальцы сжались и, стоя на покрытой цветами земле, она зарыдала. Грудь её вздымалась от болезненных вздохов, и крупные слёзы текли по щекам, падая на платье, на ступни, на цветущую летнюю траву. Наконец, губы её разомкнулись, и девушка заговорила, но голос её не был похож на тот, каким она говорила до этого. Она молвила:

«Зачем ушли вы, Вольфинги, из дома,
Построенного вашими отцами?
Зачем ушли из дома, что на радость
Вам создан. О, вернитесь, о, вернитесь!
О, только б вы вернуться поспешили,
Когда чужими стрелами в сражение
Большие ошестинятся щиты.
Смотрите — день меняется на вечер.
Вы ковыляете по выжженной и грубой
Сырой земле, которую устлали
Тела погибших в битве. Поспешите!
Зачем вы ждёте окончания дня,
Когда огромное седое солнце
Окрасит лес в цвета огня и крови?
Не время отдыхать. Ваш труд напрасен,
И этот бой не принесёт покоя.

Вы будете в чужой земле скитаться,
В земле, которой Волк не видел раньше,
Пока не подойдёте к океану.
О, Вольфинги, смотрите и внимайте!»

Пропев это, девушка ненадолго замолчала. Она широко раскрыла глаза, из которых уже не текли слёзы, и громким голосом прокричала:

«О, горе! Боги видят с высоты,
Как маленькие огонёчки резво пляшут
По крыше! Маленькие, злые огоньки
На фоне неба летнего смеются,
А к вечеру приветствуют луну,
Вверх поднимаясь. В окнах словно алый
Обрывок ткани развеивает ветер!
О, гнев огня, о, гнев огня и горе!
Он освещает маленькие щели,
Что лишь тому, кто строил дом, знакомы,
Что Вольфинги не видели досель!»

Пение девушки прервалось, и она вновь заплакала, но вскоре, успокоившись, указала правой рукой на крышу бражного зала со словами:

«Я вижу поджигателей в железных
Нездешних шлемах. Грозные знамёна,
Что принесли они с собой, трепещут.
О, кто же опрокинет их щиты,
Когда атаку Вольфингов без страха
В открытом поле выдержали те,
Кто дружным штурмом силу льва осилил?
О, Вольфинги, вы долго ждали, но
Лишь жертвенная кровь войне конец положит.
Какую жизнь мы отдадим за мир?
Какое горе остановит пламя,
Что бражный зал окутало густым
Косматым дымом? Потушить огонь
Способен лишь богов потомок, тот,
Кто наслаждался жизнью, его кровь,
Его немые слёзы, его сердце!»

Девушка снова замолчала, закрыла глаза, и слёзы медленно потекли по её щекам. Всклипывая, она опустилась на траву, и мало-помалу боль её утихла, голова откинулась назад, и она спокойно уснула. Тогда старушка, склонившись над девушкой, поцеловала и обняла её, и в тот момент сквозь сон Солнце Крова увидела чудо: та, что целовала её, была молода и прекрасна. Морщины исчезли, волосы стали цвета спелого ячменя, а одежда её сверкала так, как не может сверкать одежда, сотканная руками смертного.

Чтобы услышать мудрые слова о грядущем от умеющей предвидеть Солнца Крова, в облике старушки на Холм Речей приходила Солнце Леса, ведь хоть Та, что избирает Жертву, и была из рода богов и прародителей готов, сама она не могла предсказать исход этой войны.

Слова же Солнца Крова были ясны ей, и когда она услышала их, сердце её заныло – то ли от любви, то ли от печали.

Солнце Леса встала, повернувшись к бражному залу. Он, тёмно-серый, крепкий и прочный, казался незыблемым. Конёк его крыши выделялся на фоне бледного летнего неба в дрожащем от жары воздухе. Женщина видела его тёмные окна и представляла себе его массивные, устойчивые колонны, и она сказала сама себе, но произнесла это вслух: «Неужели могучая, радостная жизнь будет отдана за всё это, за то, чтобы избавить людей от печали? Но я не отдам его жизни, не позволю ему погубить моё счастье. О! Как же может так быть, чтобы он, торжествующий, умер, а я осталась жить в горе?»

Сказав это, она медленно сошла с Холма Речей. Встречные видели в ней старуху-бродяжку, поэтому не задерживали её, и она вскоре достигла леса.

Солнце Крова вскоре проснулась. Она была одна. Тяжело вздохнув, девушка села, не помня ничего из своего последнего видения: ни огня, пылающего на крыше бражного зала, ни ветра, раздувающего языки пламени, словно отрезывающей алой ткани, в её памяти не сохранилось ни одно из слов о грядущем дне. Остальной же разговор со старухой она помнила, помнила и привидевшуюся прекрасную женщину, которая поцеловала и обняла её, и знала, что это была её мать. Кроме того, она чувствовала, что совсем недавно плакала, а поэтому догадалась, что пророчествовала. Так с ней уже иногда случалось – сама она не запоминала своих предсказаний, находясь словно бы во сне.

Девушка, спокойно спустившись с Холма Речей, пошла к Вратам Жён. Она видела, как женщины, старики и юноши возвращаются с луга, но в их глазах не было радости. Многие из тех, на кого она смотрела, бросали в ответ робкие взгляды, словно желая спросить о чём-то, но не решаясь. Теперь, когда Солнце Крова видела этих людей, печаль её прошла, и девушка ласково глядела то на одного из проходивших мимо, то на другого. Она вошла в бражный зал через Врата Жён и занялась первой же попавшейся под руку работой.

Глава VI. Разговоры на пути к тингу

Весь день с вершины Холма Речей можно было видеть, как вдоль Реки Бранибора по обеим её берегам шли или ехали вооружённые люди. Последними скакали воины из Нижней Марки. Они торопились изо всех сил, чтобы не опоздать к месту встречи. Это был род Лаксингов, и на знамени они несли лосося. Их самих было немного, а невольников – и того меньше, ведь Лаксинги – один из новых Домов Марки. Телегу со знаменем тянули белые кони, быстрые и сильные. Все, и свободные, и невольники, ехали верхом, и отряд под развевающимся знаменем двигался скоро, а сзади еле поспевали телеги с военным снаряжением.

Прошёл слух, что Вольфинги и Биминги нагнали отряд Элькингов, продвигавшийся неспешно. Это был очень большой род, самый многочисленный из родов Марки и ближний по родству к Вольфингам. Старики из Дома Вольфингов помнили, как их деды сказывали, что когда-то Дом Элькингов отделился от Вольфингов, что дети Лося ушли из Марки в то время, когда она только заселялась, и много поколений прошло, прежде чем они вернулись обратно. Вернувшись же, Элькинги поселились в Средней Марке, на том месте, где жили последние из рода Тирингов, когда-то очень могущественного, но к тому времени почти полностью истреблённого великим мором. Тогда-то скитальцы и выжившие после посланной богами болезни объединились в один Дом. Он всё увеличивался и процветал, а вскоре породнился с Вольфингами, установив обычай брать жён из их рода, и, наконец, вернул прежнее могущество.

Величественны и прекрасны были Элькинги, шедшие под знаменем с изображением лоса, эти же животные, приученные к упряжи, тянули телегу со знаменем. Элькинги уже многие поколения приручали лосей, и те стали более тучными и лоснящимися, чем их дикие братья, хотя и менее могучими.

Вот каковы были воины трёх родов, соединившихся в пути. Вольфинги отличались высоким ростом и могучим телосложением. Среди Бимингов почти не было темноволосых чужаков, зато среди Элькингов таких было больше всего, ведь во время своих странствий Элькинги породнились со многими людьми чужой крови. Воины разговаривали, ободряя друг друга, как это обычно происходит пред битвой у товарищей по оружию, и разговор, как можно было ожидать, шёл о походе и о том, что случится, когда все дойдут до места.

Воин из Элькингов спросил Вольфинга, рядом с которым ехал: «Скажи, Волчья Голова, а Солнце Крова видела исход сражения?»

«Нет, – ответил тот, – когда она зажгла прощальную свечу, то попросила нас вернуться назад, сказав лишь несколько слов о дне нашего возвращения. Но мне кажется, что говорила она это так же, как говорили бы ты или я, представляя, что может случиться. У нас большое доблестное войско, но и эти чужаки* весьма доблестны. По слухам, они крепче, чем народ гуннов, а таким боевым порядком, как у них, не строится никто! Так что если мы разобьём их, то вернёмся домой, если же они разобьют нас, то те, кто останется в живых, будут отступать, пока не достигнут наших земель. Вряд ли стоит ожидать, что они нападут на нас с тыла, отрезав путь к отступлению, ведь на наших флангах будет дикий лес».

«Верно, – согласился Элькинг, – что же до могущества наших врагов и до их обычаев, то ты можешь узнать кое-что о них из песен, которые до сих пор поются у нас, Элькингов, да и по всей Марке. Это же тот народ из лэ* под названием “Предание о чужаках с юга”. В ней говорится о том, как в давние времена мы были дружны с кимрами*, обычаи которых походили на наши. Тогда ведь мы, Элькинги, были слабы, мы бродили по разным землям с этими кимрами и наткнулись на народ городов. Иногда мы разбивали их, иногда они нас. И вот в большом сражении они разбили нас окончательно, и так много тогда погибло людей, что колёса телег утопали в крови, а воины врага, убивая нас, падали от усталости, словно

косари на лугу жарким летним полднем, когда сено ещё не просохло и кажется тяжёлым. Они сами стояли тогда посреди поля, покрытого убитыми, не понимая, на земле ли они ещё или уже на том свете. Вот какая жестокая была битва!»

Один из Бимингов, ехавший с другой стороны от Элькинга, перегнулся через холку своего коня и спросил:

«Послушай, друг, а правда, что есть предание о том, как вы с вашими спутниками взяли великий город чужаков с юга и долгое время там жили?»

«Правда, – ответил ему Элькинг. – Послушай, как об этом поётся в лэ “О чужаках с юга”:

Необычное преданье,
Стародавнее сказанье —
Слышал ты, как далеко
Наш народ ушёл, легко
Он дошёл до края леса,
В битве мудр, силен и весел,
Захватил он город славный, город дивный и богатый
Жемчугом, серебром и золотом. Потрясателям щитов
Сдался град. Дома пустые, трупы холодные, немые,
Старики, что ждать остались смерти сладостных оков.
Нас вели тогда Рейдфари и Родгейр, и едва ли
Кто поведаёт подробней о том городе из снов,
Полном света и чудес,
Высотой до небес.

В песне говорится, что никто не ждал готов и их союзников. И те, кто был достаточно силен, чтобы пасть пред нами в битве, и все остальные, как мужчины, так и женщины, бежали от нас и от кимров, оставив свой город, где мы и поселились. В песне есть такие слова:

Видел наш народ могучий
Злата блеск, но только звучно
Слово не гремело, чтобы
Меч остановить. “Попробуй
Победить в честном бою!” —
Мы шумели, мы кричали,
Стены города молчали, и никто, никто не вышел
Испытать наш славный меч, город от врага сберечь,
Город, созданный на славу божествами – не людьми,
Лишь шпалеры в бражном зале нам истории слагали,
Остальное бессловесно спало в утренней тени:
Злато, жемчуг, серебро —
Всё прекрасно и мертво.

Вы слышали – дом оказался отважнее своих защитников, что бежали тогда, бросив его и оставив всё добро нам с союзниками?»

Вольфинг произнёс:

«Как было, так и будет вновь. Может, на этот раз наш поход затянется, и мы увидим одну из оград этих южных земель, ту, что чужаки называют городом. Я слышал, будто у них

не один город. Их роды столь могущественны, что каждый живёт за оградой, внутри которой много больших домов. А ограды-то все из камня! И за ними – груды несказанного богатства! Почему бы им не пасть от мечей народа Марки, не покориться пред нашей отвагой?»

Элькинг ответил:

«Ты прав, у них много городов, и за их стенами скрыты большие богатства. Но ты ошибаешься, думая, что в каждом городе живёт отдельный род, – это не так. Я бы скорее сказал, что чужаки забыли, из какого они рода, – у них нет родов, и они не смотрят, откуда берут себе жён, все их Дома перемешались. Сильнейшие из них определяют, где селятся остальные, что они могут есть и сколько должны работать после того, как устали. Так они и ведут свою жизнь, и хотя сами себя они называют свободными, но никто не осмеливается нарушить установленный порядок. По правде говоря, народ этот, конечно, могущественный, но несчастливый».

Волчья Голова спросил:

«Всё это ты узнал из древних сказаний, Хиаранди? Мне известны некоторые из них, хотя и не все, но я не припомню ничего подобного твоему рассказу. Может, в вашем роду появился новый менестрель, и его память лучше, чем у всех, кто был до него? Если это так, то я приглашу его в бражный зал Вольфингов как можно скорее – у нас давно не слыхали новых историй».

«Нет, – покачал головой Хиаранди, – то, что я рассказал тебе, не из старых сказаний, это история наших дней. Недавно пришёл к нам из дикого леса человек. Он попросил мира, и мы с миром приняли его. Он рассказал, что принадлежит к Дому Гэлов и что у них состоялось большое сражение с этими чужаками, которых он называл римлянами. Его самого взяли в плен, увезли за стену одного из городов и продали, как невольника. Хотя это был и не главный город чужаков, пленный узнал их обычаи – как тяжелы они были! Трудно человеку в их стране: тягловые животные у них живут лучше, чем невольники, ибо последних они захватывают в битвах без счёту, ведь это сильный народ. Эти невольники и те, кого они называют свободными, пашут поля, пасут скот и занимаются всеми ремёслами. Над ними есть те, кого они называют хозяевами и господами. Эти ничего не делают, даже не поправят в кузнице своё оружие, когда нужно. Они проводят дни в своих жилищах или вне их, лежа на солнце или у очага, словно псы, что забыли свою породу.

И вот тот человек, наш гость, решился бежать из города. Его держали неподалёку от большой реки, а надо сказать, пленник был отважен, молод и силён – он сумел вынести всё и добрался через Бранибор до нас. Мы видели, что он говорил правду, с ним и в самом деле плохо обращались – на его теле осталось множество отметин от кнута и цепей, в которые его заковали. Во время побега он убил нескольких человек из этого проклятого народа. Так он стал нашим гостем, и мы полюбили его. Он до сих пор живёт с нами – мы приняли его в наш Дом. Но вчера он был болен и не смог поехать со всеми. Возможно, он ещё присоединится к нам позже, через день или два. А если не присоединится, я сам отведу его к Вольфингам после битвы».

Тут Биминг рассмеялся:

«А если мы не вернёмся? Ни Волчья Голова, ни гость-чужак, ни я сам? Сдаётся мне, не увидим мы ни одного из Южных городов, да и о самих-то южанах узнаем только, каковы они в бою».

«Дурные слова, – Волчья Голова нахмурился. – Это, конечно, может быть и так. Но почему тебе в голову приходят такие мысли?»

Биминг ответил: «В доме Бимингов не живёт Солнце Крова, которая каждый день предсказывала бы, что случится с нашим родом. Но и у нас время от времени раздаётся пророческое слово, предвещающее добрые или злые времена. А разве можно не прислушаться к нему? Вчера вечером нам было дано скорбное пророчество устами мальчика десяти зим от роду».

Элькинг сказал: «Ну раз уж ты заговорил об этом, поясни, о чём оно? Иначе мы решим, что всё ещё страшнее, чем на самом деле».

И Биминг поведал следующее: «Было так. Этот малец вчера вечером вдруг разразился плачем как раз, когда все пировали в бражном зале. Он причитал и ревел, как обычно плачут дети, и его никак не могли успокоить. А когда его спросили, отчего же он так плачет, он сказал: “Вот отчего: Ворон пообещал сделать мне глиняную лошадку и на следующей неделе обжечь её в горне вместе с горшками, а теперь он идёт на войну и никогда больше не вернётся, и у меня никогда не будет лошадки!” Как вы понимаете, все мы рассмеялись при этих словах. Но мальчик только нахмурился и спросил нас: “Чего вы смеётесь? Посмотрите туда, что вы там видите?” – “Ничего, – ответил кто-то, – стену бражного зала, на которой висят праздничные шпалеры”. Мальчик, всхлипывая, произнёс: “Плохо вы видите, я вижу дальше, за стеной я вижу ровное место на вершине холма, побольше, чем наш холм собраний. Там лежит Ворон, белый, как пергамент, такого цвета могут быть только мёртвые”. Тогда Ворон (а это был молодой человек, он как раз стоял рядом) сказал: “Малый, это же хорошо – погибнуть в бою! Будь мужественным, вернётся Ганберт и сделает тебе лошадку”. – “Нет! Никто мне её не сделает, – возразил мальчик. – Я вижу бледную голову Ганберта, лежащую у ног Ворона, но не вижу тела в зелёной котте*, вышитой золотом”. Тогда смех умолк, и один за другим все начали подходить к ребёнку и спрашивать его: “А меня ты видишь? А меня?” Но мальчик мог ответить лишь некоторым. Потому-то мне и кажется, что немногие из нас увидят города Юга, а те, кто увидит, будут закованы в цепи».

«Это не то, – возразил ему Хиаранди. – Вы когда-нибудь слышали о том, чтобы отряд, выступивший против врага, вернулся домой после сражения, не оставив никого из воинов на поле боя?»

Биминг же ответил: «Но и я не припомню частых рассказов о том, чтобы ребёнок предрекал гибель воинов. Думаю, если бы ты сам был там, то решил бы, что мир перевернулся».

«Что ж, – проговорил Волчья Голова, – пусть случится то, что предрешено! По крайней мере, меня враг не уведёт с поля боя в цепях. Часто воина может смутить победа, но его никогда не смутит смерть, если он желает её».

Он сжал рукоять кинжала, что висел у него на шее, и добавил: «Но я и в самом деле удивлён, что ни прошлым вечером, ни этим утром Солнце Крова не сказала нам ничего, кроме того, что могла бы сказать любая из женщин нашего рода».

После этих слов разговор на некоторое время прервался, и воины ехали молча. Они достигли того места, где лес приближался к реке и где заканчивалась Средняя Марка. Надо сказать, что Элькинги жили дальше всех вверх по течению, только один маленький род жил ещё дальше – это были Озелинги. На своём знамени они изображали чёрного дрозда с жёлтым клювом, а в бой ходили вместе с Элькингами. Вот и на этот раз они присоединились к более крупному Дому.

Так войско вышло из Средней Марки. Деревья стояли, плотно прижавшись друг к другу, и лес напоминал стену, возвышающуюся неподалёку от кромки воды. Даже на берегу, то тут, то там росли редкие деревья, по большей части рябины. Река Бранибора сужалась в этом месте, течение её ускорялось, а берега поднимались отвесными обрывами, и никто даже не помышлял о том, чтобы перейти реку вброд, да и вплавь далеко не всякий дерзнул бы преодолеть опасные тёмно-зелёные воды. День уже клонился к вечеру, и свет низкого солнца на западном краю неба скрылся за высокими деревьями. Войско же всё шло вперёд. Оно растянулось по узкой дороге между лесом и рекой и казалось больше, чем было на самом деле. Кроме того, отряды Домов, живших на противоположном от Вольфингов и их спутников восточном берегу, тоже шли вперёд, будучи отделёнными от соседей лишь узкой рекой.

Наступила ночь, зажглись звёзды, взошла луна, но Вольфинги и их родичи не останавливались. Они знали, что сзади идут другие роды Марки, как Средней, так и Нижней, и никто не замедлит шаг.

Так шли воины Марки между лесом и рекой, по обоим её берегам, до тех пор, пока не наступила глубокая ночь и не зашла луна. Стало совсем темно, и, чтобы осветить свой путь, воины зажгли множество факелов. Наконец, они пришли туда, где деревья немного расступались. Здесь росла трава, годная для коней и скота. Это место называлось Лугом Привала, и те отряды, что шли вдоль западного берега, остановились, желая отдохнуть до утра. Они направили коней в сторону леса, свернув с дороги, чтобы те, кто шёл следом, могли пройти дальше, если не захотят останавливаться. Назначив часовых, воины легли на траву у деревьев и заснули там на всю короткую летнюю ночь.

Сказывают, что никому в ту ночь не приснилось о предстоящем сражении ничего, чем следовало бы на следующий день поделиться с остальными. Многим вообще не снились ни битва, ни военный поход, а только разные мелочи, над которыми они лишь посмеялись, да что-то из минувших дней, что утром смешалось в голове и вскоре стёрлось из памяти.

Воину из Бимингов снилось, будто он наблюдает за работой невольника, который, сидя за гончарным кругом, изготавливает чаши и кувшины. И воину захотелось взять глины, чтобы сделать лошадку тому мальчику, что плакал из-за обещанной игрушки. Он долго старался придать глине форму, но у него ничего не получалось – она разваливалась в руках. Наконец, ему удалось удержать её, и неожиданно из комка получилось животное, но не лошадь, а огромный, похожий на священное животное Фрея* вепрь, которого запекали на праздник солнцеворота*. Воин рассмеялся от счастья и, вскочив, выхватил испачканными в глине руками меч, чтобы взмахнуть им над вепрем и произнести клятву доблести, но тут он проснулся. Было раннее холодное утро. Воин и в самом деле стоял на ногах, держа в правой руке побег ясеня, что рос рядом. Он вновь рассмеялся, лёг, откинувшись назад, и заснул. Разбудили его только солнечный свет и голоса его товарищей.

Глава VII. Воины сходятся на тинг

Следующим утром войско народа Марки по обоим берегам реки было уже на ногах. Позавтракав, все стали быстро снаряжаться в путь и вскоре выступили. Отряды растянулись ещё сильнее, чем вчера, так как лес приблизился к реке, и только десять человек в ряд могли пройти по дороге, а тем, кто смотрел вдаль, казалось, будто лес поглощает и дорогу, и реку.

Воины радостно шли вперёд, они торопились, а сердца их были полны отвагой. Они знали, что скоро встретят своих сородичей, да и картина грядущей битвы уже ясно вырисовывалась перед ними. Они перекликались через реку, то выкрикивая боевые кличи своих Домов, то приветствуя друзей через волны Реки Бранибора. Все пребывали в весёлом расположении духа.

Так они шли, пока лес не расступился перед ними и они не увидели большую равнину. Русло реки здесь, как и в Средней Марке, становилось широким, появились островки с растущими на них осинами и с каменистыми берегами, окаймлёнными ивами или ольхой.

Но сама равнина довольно сильно отличалась от Средней Марки. На юге окружавший её лес поднимался на низкие холмы, за которыми, где-то вдалеке, виднелась ещё одна гряда голубых холмов. Безлесные низинные пастбища, где паслись зубры, населял малочисленный и слабый народ – охотники да пастухи, что возделывали лишь крохотные участки близ своих жилищ. Этот народ был родственным людям Марки и находился с ними в союзе, хотя, как рассказывают древние предания, и прибыл в этот край позже. Существует также легенда о том, что в стародавние времена на этих холмах жил ещё один народ, не родственник готам, который постоянно враждовал с людьми Марки. И вот однажды большое войско спустилось с холмов, а затем, соединившись с родственными им по крови племенами, проложило путь через дикий лес и напало на Верхнюю Марку. Тогда произошла кровопролитная битва, длившаяся три дня. В первый день чужаки теснили людей Марки, которых было мало, ведь в сражении участвовали только жители Верхней Марки. И были сожжены дома, убиты старики и захвачены в плен многие женщины и дети. Но мужчины Верхней Марки, выжившие в сражении, взяли с собой то, что уцелело, и нашли убежище на острове посреди Реки Бранибора. Там они, как смогли за ночь, поставили частокол, ожидая помощи со стороны родов Средней и Нижней Марки, которым послали Стрелу Войны, как только сами получили вести о нападении чужаков.

И вот на рассвете в жертву были принесены двенадцать вождей чужаков, взятых в плен, а с ними и девушка одного из родов Верхней Марки, дочь предводителя, которая должна была привести этот могучий отряд к дому богов и добровольно согласилась на это.

После жертвоприношений ждали осады, но тем же утром, когда битва только началась, подошла помощь из Средней Марки. Новые отряды столь свирепо набросились на чужаков, что те подались назад, и в этот момент воины Верхней Марки стремительно атаковали через брод. Они сражались так, что вода покраснела от их крови и крови их врагов. Чужаки под натиском людей Марки начали отступать по всей равнине. Когда же они подошли к холмам, где остались полусожжённые жилища, на их фланге оказался лес, и чужаки опять остановились. Битва разгорелась с новой силой. Врагов было очень много, и среди них множество лучников. Тогда пал предводитель воинов Марки, дочь которого принесли в жертву ради победы. Его имя было Агни, и холмы, у которых он погиб, с тех пор носят название Агниских холмов. В тот день сражались по всей равнине. Многие из чужаков и из жителей Марки погибли, и хотя последние одерживали верх, всё же к тому времени, когда солнце стало клониться к закату, в Верхней Марке ещё оставались воины чужого народа, укрывшиеся в вагенбурге. Их было мало, они устали за время сражения, но всё же это было войско. Да,

из числа воинов Марки в тот день пали многие, но ещё больше было раненых, поскольку чужаки оказались хорошими лучниками.

На следующее утро, как говорится в предании, пришли свежие силы из Нижней Марки. И вновь началась битва, теперь на южных границах Верхней Марки, где чужаки построили вагенбург. Но на этот раз она длилась недолго. Воины Марки сражались неистово: они штурмом обрушились на вагенбург, убивая всех на своём пути. И столь много чужаков пало в тот день, что выжившие, как гласит предание, никогда больше не осмелились выступить против людей Марки.

Тем временем войско народа Марки всё продвигалось, направляясь вдоль обоих берегов реки в Верхнюю Марку. На западном берегу, где шли Вольфинги, дорога вела к низкому пологому холму, и когда воины оказались на его вершине, пред ними открылась вся равнина Верхней Марки. Поселения родов окружал дикий лес, за которым виднелись голубые холмы, где пастухи пасли свои стада, а ещё дальше, намного дальше, на самом горизонте, словно белое облачко, лежали снежные вершины больших гор. Взглянув на равнину, воины увидели, что вокруг жилищ, открывшихся их взору, земля пестрела от одежды собравшихся там людей и знамён с родовыми знаками. Пред воинами предстали те места, что были названы в честь битвы из древнего предания.

Река, что текла по левую руку от них, здесь расширялась, и среди мелководья с журчащей водой чаще встречались песчаные островки, один из которых был намного крупнее остальных. Посреди него возвышался низкий холм, покрытый лишь травой – ни кусты, ни деревья на нём не росли. Это был тот самый остров, где люди Верхней Марки укрылись после первого дня Великой Битвы. Теперь он назывался Островом Божеств.

Мимо острова вёл надёжный брод, который из года в год совсем не менялся, и все люди Марки знали его. Назывался он Бродом Битвы. По нему-то теперь – с криками и смехом, с трубным звуком рогов и мычанием скота – и переправились через реку отряды, шедшие по восточному берегу. Переправились все: пехотинцы и всадники, свободные и невольники, телеги и знамёна. Теперь и эту часть равнины наводнили люди Марки.

Когда переправа подошла к концу, войско не остановилось, но, соблюдая походный порядок, каждый Дом под своим знаменем, все направились по петлявшей дороге к первому жилищу, стоявшему на западном берегу реки. Неподалёку от него, на юго-западе, находилось место тинга Верхней Марки. Когда война угрожала с юга, весь народ собирался здесь, так же, как собирался на тинге Нижней Марки, когда война угрожала с севера. Отряды, шедшие ранее по западному берегу, ждали на вершине холма всё то время, пока остальные переправлялись с противоположного берега. И только когда переправа окончилась, они двинулись к тингу.

Вольфинги с их спутниками поднялись к самому северному жилищу Верхней Марки. Там жили Дейлинги, на чьем знамени было изображено восходящее солнце. Надо сказать, что в этих местах чаще, чем в Средней Марке, встречались холмы и овраги, и бражный зал Дейлингов, а был это весьма большой дом, стоял на холме, склоны которого, все, кроме одного (что был словно мост), отвесно уходили вниз. Это было сделано специально, чтобы зал проще было оборонять от врагов.

Сейчас вокруг этого бражного зала собрались все Дейлинги, кто оставался дома. Они приветствовали проходивших мимо воинов радостными криками. А недалеко от обрыва на скамье сидел, пристально разглядывая прибывавшие отряды, один древний старец. Увидев приближавшееся знамя Вольфингов, он встал было, чтобы хорошенько рассмотреть его, но сразу же грустно покачал головой и вновь опустился на скамью, закрыв лицо руками. Когда остальные увидели это, они замерли и затихли от пронзившего их страха – старец считался провидцем.

Те трое спутников, о беседе которых уже сказывалось, как раз проезжали мимо бражного зала Дейлингов и заметили движение старца. А ехали они вместе, как и день назад. Тот воин, что был из рода Бимингов, взял коня Волчьей Головы за узду и произнёс:

«Послушай, сосед, если и правда, что твоя Вала* ничего не видела, то этот старец явно что-то видел, и сдаётся мне, это было похоже на видение мальчугана. Многие матери лишатся своих сыновей из-за того, что те падут от рук чужаков».

Но Волчья Голова только молча убрал руку Биминга с поводка, и лицо его покраснело, словно от гнева. Элькинг же воскликнул:

«Пусть будет, как будет, Тоти! Тот, кто останется в живых, расскажет всё, как было, провидцам, и они станут ещё мудрее, чем сегодня».

При этих словах Тоти засмеялся, как смеётся тот, кого не очень-то заботят грядущие дни. А Волчья Голова заговорил, и слова его сложились в песню:

«О воины, род Вольфингов
Могучих будет жить иль будет истреблён,
Живым он будет, словно дуб,
Что после летних гроз ещё свежее,
Мёртвым же, как ствол дубовый,
Что умелою рукой обтёсан,
Чтоб стать столбом несущим в доме,
В прекрасном, крепком доме, где мужи
Пируют, радостно встречая весть о битве».

Так они миновали жилища Дейлингов.

Войско двигалось прямо к лесу, куда вела широкая просека. Через полчаса пути передовые отряды вышли на большую лесную поляну, расчищенную руками человека. Там уже собралось множество воинов. Они сидели или стояли, большим кольцом окружив пустое пространство, посреди которого поднимался высокий рукотворный курган. Ступени, ведущие наверх, служили сиденьями для избранных старейшин и вождей народа. Вершина же кургана была плоской и пустой. Только земляная скамья, где мог поместиться разве что десяток человек, пересекала её.

Все телеги были оставлены позади, у Дейлингов, лишь те, на которых везли знамёна, взяли с собой. Оставили и всех животных, кроме тянувших телеги со знамёнами, а также кроме двадцати белых лошадей, украшенных цветочными венками. Лошади стояли в кругу людей и предназначались для жертвенного сожжения в дар богам, чтобы исход битвы был счастливым. Даже своих боевых коней воины оставили в лесу за пределами этой поляны, где собрались только пешие.

Это и было место тинга Верхней Марки, священное место для всех её жителей. Ни одно животное – ни корова, ни овца, ни конь – не могло пастись здесь, а если скот забредал сюда, его сразу же забивали и сжигали. Как и ни один человек не мог вкушать здесь пищу, только разве в одно из священных празднеств, когда божествам приносили жертвы.

Вольфинги заняли место в кольце воинов. Справа от них расположились Элькинги, а слева – Биминги. Посреди Вольфингов стоял Тиодольф в гномьей кольчуге. Шлема на его голове не было, ибо он поклялся над Чашей Славы, что будет сражаться без шлема всё время этой войны и не возьмёт в руку щит, какой бы жестокой ни была битва.

Чёрные выющиеся волосы Тиодольфа были коротко острижены, и в них уже начинала пробиваться седина, так что они походили на колечки тёмного железа. Лоб воина был высокий, без морщин, губы полные, красные, глаза большие и спокойные, и всё его лицо радостно сияло от славы его дел да от предстоящего сражения с врагом, которое ожидал народ Марки.

Тиодольф был высок и широкоплеч, но так хорошо сложен, что не выглядел слишком крупным. Его любили женщины, и дети охотно прибегали к нему, чтобы поиграть. Он был самым свирепым из воинов Марки, и его подвигов не смог бы повторить никто. Говорил он всегда жизнерадостно, даже когда сам был чем-то опечален. Это был человек, не знавший сердечной тоски. Но он никогда ни пред кем не гордился чрезмерно своей выдающейся силой и доблестью, никогда не ставил себя выше других, так что даже невольники любили его.

На поле боя Тиодольф был немногословен. Он никогда не оскорблял, как вошло в обычай в то время, и не поносил бранью врага, которого хотел поразить мечом.

Некоторые из тех, кто впервые видел Тиодольфа в бою, могли посчитать его недостаточно сильным, ибо он не сразу атаковал со всей мощью, а иногда даже отходил назад. Он не бросался в самую гущу в начале сражения, но приходил на выручку родичам, которым сильно доставалось, или оказывал помощь раненым, и если дело ограничивалось лишь мелкой стычкой, сердца воинов были мужественны и всё предвещало победу, Тиодольф иногда возвращался домой, так и не обагрив клинок кровью. Но никто не винил его, кроме разве что тех, кто его ещё не знал. Ведь Тиодольф хотел, чтобы молодые воины могли завоевать себе славу, чтобы у них прибавилось мужества, а сердца их окрепли.

Когда же сражение было жестоким, и войско Марки начинало проигрывать, когда воинов оставляло мужество, а в сердцах их поселялось сомнение, Тиодольф менялся на глазах. Теперь это был опытный, быстрый и опасный воин, он бросался вперёд, словно стрела, выпущенная из лука. Тиодольф замечал всё, что происходило на поле боя, он мчался сначала в одну сторону, потом в другую, пока битва не стихала и огонь сражения не был укрощён. Меч в его руках в такие минуты рубил быстро и смертоносно, словно Тиодольф владел небесной молнией, – а он всегда сражался только мечом.

Надо ещё сказать, что, когда противник поворачивался спиной и начиналась погоня, Тиодольф больше не сдерживал свою силу, как в начале боя. В погоне он всегда был впереди всех, разя направо и налево и никого не щадя. Он призывал тогда своих сородичей не беречь сил, но сражаться усердно, пока оставалось время до захода солнца.

В таких случаях он говорил примерно так:

«Мы отдохнём лишь завтра, о, друзья,
Сегодня же отдайте без остатка
Все силы битве! Пусть наш враг бежит
И пусть не сможет он вернуться вновь,
Сказав: “Могучий Вольфингов народ,
Вы, словно подмастерья, с нами бились,
Теперь же вновь вступите в смертный бой,
Чтобы свою работу переделать”».

Таков был Тиодольф в то время. Вольфинги всегда избирали его своим предводителем на войне, и часто случалось ему быть военным вождём всего народа Марки.

Рядом с Тиодольфом стоял другой испытанный вождь по имени Хериульф, человек в годах, но весьма сильный и отважный, опытный воин, слава о подвигах которого гремела повсюду. Говорил он обычно мало, зато в битве мог петь песни, смеяться, был весел и шутил с соратниками. Хериульф был гораздо крупнее Тиодольфа. Казалось, его породили горные великаны – настолько огромным он был! Сила ему была дана под стать росту, так что никто из врагов не отваживался сражаться с ним один на один. У Хериульфа были длинные седые волосы, крупное лицо с высокими скулами, нос, похожий на орлиный клюв, широкий рот

и большой квадратный подбородок, из-под его кустистых бровей яростно сверкали светло-серые глаза.

Одежда и оружие у Хериульфа были такие: защитная куртка из тёмных железных чешуй, пришитых к основе из конской шкуры, и такой же тёмный железный шлем в форме волчьей головы с разинутой пастью. Шлем этот Хериульф изготовил себе сам, ибо был прекрасным кузнецом. В руках он держал круглый щит и такую огромную алебарду, какую ни один из воинов его рода, кроме него самого, не смог бы и поднять. Как лезвие, так и древко алебарды были покрыты золотым узором с рунами. Хериульф очень любил её и называл Сестрой Волка.

Словом, выглядел Хериульф так, будто был предком своего рода, вернувшимся, чтобы бороться за Вольфингов.

Его любили за чудесную силу, как и за то, что он не отличался угрюмостью, хотя и слыл лютым и свирепым воином. И хотя, как уже сказывалось, он был молчалив, его охотно принимали и старики, и молодёжь. Хериульф участвовал во многих битвах, и чудом казалось, что Один ещё не призвал его к себе. Говорили, что Отец Павших благоволит к дому Вольфингов, раз так долго отказывает этому воину в гибели.

Ещё много часов подряд на тинг прибывали новые отряды людей Марки, но, наконец, собрались все. Тогда кольцо воинов разомкнулось, и десять человек из Дейлингов прошли внутрь. Один из них – старейший – нёс боевой рог Дейлингов, Дома, несущего бремя собрания тинга и всего, что к нему относилось. Девять спутников старца окружили Холм Речей, а сам он взошёл на вершину и протрубил в рог. Все, кто сидел, быстро поднялись на ноги, а те, кто разговаривал, замолчали, и кольцо воинов подтянулось ближе к холму, так что теперь между людьми и лесом образовалось пустое пространство, а между людьми и холмом остались только девять воинов да жертвенные кони и алтарь божеств. Речи, произносимые с холма, теперь могли услышать все собравшиеся на тинг, а было их около четырёх тысяч человек, и каждый был отважным, испытанным воином. Они привели с собой ещё около двух тысяч невольников и чужаков. Но здесь были не все свободные жители Верхней Марки. Некоторые из них охраняли тропы, что вели через лес на юг, а другие – холмы пастухов, ведь если войско противника ведёт опытный предводитель, то он с лёгкостью проникнет в эти места. Поэтому пять сотен человек, как свободные, так и невольники, остались охранять дикий лес, надеясь на помощь со стороны жителей холмов.

Один старый воин с зажжённым факелом в руке встал между людьми и лесом. Сперва он обратил лицо на юг, к солнцу, затем, развернувшись, медленно обошёл всех собравшихся с востока на запад, пока, наконец, не оказался опять там, откуда начал свой путь. Тогда он бросил факел на землю и, потушив его, вернулся в свой отряд.

В этот момент старец из Дейлингов, что стоял на вершине кургана, вытащил меч и четырежды взмахнул им по направлению четырёх сторон света, и меч засверкал на солнце. Затем старец во второй раз протрубил в боевой рог – и место тинга окутала тишина. Даже в лесу всё затихло, разве что было слышно, как боевой конь бьёт копытом о землю да щиплет траву на поляне. Птиц в этой чаще было мало, а ветра тем утром и вовсе не было.

Глава VIII. Народное собрание жителей Марки

И вот старец возвысил голос и произнёс:

«О, роды Марки, слово, что скажу вам,
Услышьте, ибо ныне не случайно
Судьба свела нас здесь – огонь зажжён!
Пылает факел, дважды рог звучит —
Да будет освящён наш тинг! Внемлите,
Желающие слушать! Враг идёт,
Идёт на наш народ, на наши пашни,
Чтоб в пепелище превратился дом
За домом, луг за лугом – всё
Сгорело...»

Затем старец сел на земляную скамью. Среди собравшихся раздались крики тех, кто желал слушать. Без лишней суеты вперёд вышел некий воин из отряда Верхней Марки. Он взобрался на вершину Холма Речей и громко произнёс:

«Я Борк из рода Гейрингов Верхней Марки. Два дня назад с пятью другими воинами я охотился в диком лесу. Мы вышли из чащи где-то в стране жителей холмов. Пройдя немного по их землям, мы оказались в вытянутой долине, по которой пробегал ручей. Там кое-где рос тис да с краю приютилась маленькая ореховая роща, и около неё мы увидели группу людей с женщинами и детьми. У них было несколько коров и ещё меньше коней, зато их овцы паслись по всей долине. Из земли и ветвей они сделали себе шалаши и теперь разжигали костры, чтобы приготовить пищу, так как уже наступил вечер. Увидев нас, они кинулись было к своему оружию, но мы обратились к ним на языке готов с просьбой о мире. Они поднялись к нам по склону и ответили нам, тоже по-готски, хотя речь их слегка отличалась от нашей. Мы рассказали им, кто мы такие и откуда пришли, и пастухи, обрадовавшись, пригласили нас к себе. Нас радушно приняли и угостили, как смогли, а именно: дали баранины. Мы же поделились с ними добытой в лесу дичью. Так мы и провели всю ночь.

Эти люди рассказали нам, что родом они из пастушеского племени, и что в их земле сейчас идёт война, а вторгшийся враг настолько жесток, что все покидают свои дома и убегают оттуда прочь. Враг этот из могучего народа, о коем ещё тут не слыхали. Он живёт в больших городах на юге. Огромное его воинство перешло горы и Большую Реку, что течёт с них, и напало на одно из поселений пастухов, разбило их воинов, сожгло жилища, убило стариков и угнало скот и овец! Враги угнали даже женщин и детей, словно и те были скотом!

Пастухи сказали, что бежали в эти места из своих домов, находившихся много южнее, и теперь собираются построить новые жилища здесь, в Ореховой долине, в надежде, что эти чужаки, которых они называют римлянами, не пройдут так далеко, а если и пройдут, то пастухи смогут укрыться в диком лесу, что растёт поблизости.

Вот что они нам поведали. Потому мы и послали назад одного из нас – Бирсти из Гейрингов, чтобы он передал эти новости. С ним отправился один пастух, а мы сами пошли дальше, надеясь разузнать что-нибудь ещё об этих римлянах, ведь встреченные нами пастухи сказали, что не вступали с ними в бой, а бежали из страха, только заслышав об их приближении. Так мы вышли в путь, и сопровождал нас только один юноша из пастушьего племени, что носит имя Хрутингов из нагорного народа. Остальные, похоже, были сильно напуганы, хоть у всех у них и было оружие!

Пройдя в глубь той страны, мы убедились, что пастухи нас не обманули. Мы встречали и целые Дома, и группы людей, и одиночек, – все они бежали от обрушившейся на них беды. Многие оказались в нужде, оставив не только поселения, что было небольшой потерей (пастухи строят убогие жилища, ведь они не работают в поле), но и свои стада. Среди встреченных нами беглецов многие участвовали в сражении с римлянами. Они рассказали нам, что враги очень сильны и с ними лучше не вступать в бой, а ещё о том, как ужасно они обращаются со взятыми в плен, как мужчинами, так и женщинами. Наконец, мы услышали и о том, что чужаки возвели стену и построили крепость в этой земле, словно собирались остаться здесь и после наступления зимы. Чтобы из-за Большой Реки к ним могла прийти помощь, они устроили неподалёку от неё ещё несколько крепостей, хотя и не таких больших, как первая, и оставили там опытных воинов. С другой стороны Большой реки уже все народы захвачены римлянами – какие хитростью, какие силой, – и их воины сопровождают римлян в битвах. Нам самим попалось несколько таких отрядов, мы сразились с ними и даже взяли некоторых в плен. Они-то и открыли нам всё это, а также и многое другое, о чём было бы здесь слишком долго рассказывать».

Юноша сделал паузу и оглядел многолюдное собрание. Вокруг сразу поднялся шум, который долго не стихал – воины обсуждали услышанное. Когда же волнение, наконец, успокоилось, юноша вновь заговорил, но теперь его слова сложились в песню, и песня эта была такой:

«О, воины, ещё не всё сказал
 Борк, родом Гейринг! Эти чужаки,
 Что строят города в своей земле,
 Уже наслышаны о Марке: о лугах,
 О пашнях и о нашей славной жизни,
 Пробившейся, как пламя, сквозь густой
 Непроходимый лес. И об отваге знают
 Мужей народа Марки, о красе
 Любимых наших жён. Всё в алчущей утробе
 Погубит враг! Он, древо повалив,
 Сожжёт плоды, что утащить не сможет.
 В нём ненависть, рождённая тупым,
 Животным голодом, разбудит жажду крови,
 И на полях, распаханых клинком,
 Из года в год будут всходить ростки
 Страданий, слёз и горя. Враг жесток,
 В его пустом, окаменелом сердце
 Нет места жалости. Всё, что извечно было
 Нам дорого, он вмиг с землёй смешает,
 С землёй кровавой – древние святыни...
 И красоту, смеясь, как филин,
 Смешает с красной кровяной землёй!
 Смотрите – вот сбывается проклятье,
 Нависшее над миром! Так кричат
 Все те, кого недавно мы пленили.
 Враг собирает войско, чтобы нас,
 Как полноводная река, весной
 Бедою наводнить. О, воины, сгорит
 Любое слово, кроме слов железных

Мечей и копий! Кроме битвы слов!»

Юноша замолчал, и воины зашумели сильнее прежнего, обсуждая его слова. Шум этот долго не стихал, и под него Борк, бряцая оружием, сошёл с Холма Речей, смешавшись с толпой своих сородичей.

И вот вперёд вышел воин из рода Шильдингов Верхней Марки, известный своим искусством менестреля. Он взошёл на курган, и речь его от начала и до конца полилась песней. Говорил он такие слова:

«Я, Гейрмунд из Шильдингов, друзья,
Полмесяца назад в страну холмов
Ходил с оружием. Род Хундингов знаком
И близок мне – я деву рода их
Любил. Они у края жили
Земель нагорного народа. Этот род
Был смелым в битве, множество врагов
Встречал он, но всегда свои владенья
Удерживал. Верхом тогда я ехал
Через холмы и думал о грядущем
Счастливым дне. Предчувствовал я радость
Горячих поцелуев верной девы,
И мудрые беседы стариков,
И юношей отважных разговоры,
И звон заздравных чаш, что в честь гостей
В жилище Хундингов бесстрашных раздаётся.
Но вот в долину въехал я и вижу,
Что над холмом последним, отделявшим
Меня от дома Хундингов, повис
Тяжёлый, чёрный дым. Вначале я
Остановился, подтянул ремни
И осмотрел оружие, копье
Надёжное взял в руку. Сердце
Моё заныло, ибо этот столб
Не мог быть дымом от обычного костра,
Зажжённого, чтобы поджарить мясо.
Я подождал немного и подумал,
И повернул к холму, и на вершину
Как можно осторожнее взобрался,
И, там укрывшись, посмотрел я вниз.
Над крышей дома старого огонь
Пылал, а за оградой и вокруг
Лежали павшие, те, что смелее всех
С врагом сражались, а посередине
Висела длинная верёвка, и на ней
Качалось тело женщины прекрасной,
А также милых дев, детей тела,
Как рыбы, что рыбак нанизал к ночи
На крепкую лозу. И гнев меня
В мгновение ослепил тогда. Трусливых

Невольников увидел я, одетых
В железную броню. Они ходили
Вокруг, как ходит враг, закончив битву,
И понял я – во всём они виновны.
И тотчас, сжав поводья в кулаке,
Что было духу поскакал с холма,
Чтобы погибнуть, но забрать пред этим
Чужую жизнь, чтоб нанести удар
Могучий перед смертью. Вот на склоне
Перед собой увидел я врага.
В железном шлеме и с щитом железным,
Он что-то прокричал на непонятном,
Чужом мне языке, и в тот же миг
Сверкнул его короткий меч на солнце,
И я увидел к склону подбегавших
Людей. Их было пять. Я метко бросил
Своё копье. Раздался звон щита,
И поражённый воин покатился
К ограде бывшей Хундингов, а я,
Увидев его кровь, вдруг отрезвел,
Во мне тогда проснулась жажда жизни,
И, развернув коня, я прочь от них
Помчался, не заботясь о дороге.
Остановился я на дне лощины,
Когда погоня стихла за спиной.
Прислушавшись, я разобрал свист ржанки
И песнь дрозда в терновнике. Но вдруг
Всё смолкло, и ко мне из-за кустов
Мужчина обнажённый выполз. Тотчас
Я поскакал к нему, припомнив тут же,
Что в зале Хундингов его встречал, когда
Стоял их дом незыблемо и крепко,
А я был счастлив в нём. Я обратился
К мужчине, чтобы тот поведал мне
О страшном горе, род его настигшем,
Но он молил быстрее уехать прочь,
Как можно дальше. Мы вдвоём скакали
На лошади моей до поздней ночи
Так быстро, как могли, под сенью леса
Укрытые, и вот, проехав лес,
Мы вынуждены были ненадолго
Остановиться. В полной темноте
(Луна тогда на небо не всходила)
Он рассказал мне вот что: к ним пришли
Враги, и Хундинги сражались смело,
Но безуспешно. Зал горел. Везде
Валились замертво храбрейшие из рода,
Враги были безжалостны, но тех,
Кого они хотели в плен забрать

Иль усмирить жестокостью и болью,
Они вязали, даже из числа
Могучих воинов, и этот человек,
Каким-то чудом улучив момент,
Сбежал тогда. Он много рассказал,
Но вот что вы сейчас узнать должны.
У нас нет времени – враги хотят напасть
На Марку и её народ. Мне Хундинг
Поведал, что его и всех, кто с ним
Попал в печальный плен, враги о землях
Прекрасной Марки расспросить пытались,
О том, как к ней пройти чрез дикий лес,
И сколько копий и мечей мы сможем
Собрать, чтоб защититься, и о том,
Как переждать морозы. Скоро ждите
Врагов на наших землях! Вот уж дней
Прошло пятнадцать с той поры, как я
Их видел, быстрых и готовых к бою».

Лязгая оружием, Гейрмунд сошёл с холма и вернулся к своему отряду. С противоположной стороны кольца вышел и поднялся на холм другой воин, рыжеволосый, довольно крупный, одетый в козью шкуру. В руке он нёс лук, за спиной у него был колчан со стрелами, а на боку висел маленький топорик. Он сказал так:

«Я живу в роду Хроссингов Средней Марки, теперь я уже член рода, но я не всегда был с ними, ибо я сын прекрасной и могущественной женщины из кимров, пленённой, когда она вынашивала меня. Имя моё Рыжий Лис.

Я видел этих римлян и остался жив – слушайте! Рассказ мой будет кратким. Вот он.

Я, как известно многим, охочусь в Браниборе и знаю все его тропы и проходы чрез чащи лучше, чем мои соплеменники.

Месяц назад я прошёл пешком из Средней Марки через Верхнюю Марку в южную чащу, а из неё – в страну холмов. Перевалив через хребет, я оказался в небольшой долине. Было раннее утро, и долину ещё укрывал туман. В стороне от себя я увидел человека. Он спал на траве под рябиной, на ветвях которой висели его щит и меч. Стреноженный конь кормился чуть поодаль.

Я начал тихо ползти к нему, держа стрелу на тетиве, но, оказавшись рядом, увидел, что он из сыновей готов, и, не раздумывая ни минуты, отложил в сторону лук, встал, подошёл к нему и разбудил. Он сердито вскочил.

Я сказал ему: «Зачем же ты сердишься на своего сородича, которого встретил в этих пустынных местах?»

Но он потянулся за своим оружием. Видя это, я бросился на него, чтобы опередить. Он не успел снять с ветки меч, но, выхватив из-за пояса нож, замахнулся им на меня.

Он был крупным мужчиной, и я отшатнулся. Тогда он ринулся на меня, но я успел ударить его в голову своим маленьким топором, что носит имя Боевой Малыш. Я тогда сильно ранил его, и он упал на траву. Позже оказалось, что рана эта была смертельной.

Мне жаль, что пришлось убить гота, но он был так сердит и, совсем не понимая спр-сонья, что делает, обязательно убил бы меня.

Но умер он не сразу. Он попросил меня принести ему воды из колодца, что находился за деревом. Я выполнил его просьбу (у меня с собой была раковина), и дал ему пить. Я

хотел было спеть заклинание, останавливающее кровотечение, я хорошо его знаю, но он проговорил: “Это не принесёт пользы. Я получил сполна. Кто ты?”

Я ответил ему: “Я приёмный сын рода Хроссингов. Моя мать была взята в плен. Меня зовут Лисом”.

Тогда он произнёс: “Лис, ты воздал мне по заслугам. Я из народа Марки, из рода Элькингов, я гостил у бургундов, что живут за Большой Рекой. Римляне стали их хозяевами, и бургунды теперь делают то, что им скажут. Даже мне пришлось подчиниться римлянам, хотя я был лишь гостем бургундов. Я, житель Марки, вынужден был сражаться против жителей Марки! И всё это из-за страха и жажды золота! Ты, чужеродный, убил предателя и негодяя! Мне причиталось не меньше, чем смерть. Дай мне ещё воды”.

Я дал ему попить, а он спросил: “Сделаешь ли ты то, о чём я попрошу тебя ради спасения своего собственного дома?” – “Сделаю”, – согласился я.

Тогда он произнёс: “Римляне послали меня, чтобы я указал дорогу к Марке и провёл их через чащу. За мной следуют другие, но здесь они будут только через три или четыре дня, так что до этого времени не останется никого из римских прислужников, кто бы мог опознать тебя или даже меня самого. Если ты достаточно смел, то поступи так: когда я умру, раздень меня, а мою одежду надень на себя. Сними с моей шеи это кольцо*, это мой знак. Когда же у тебя спросят секретное слово, скажи: «Нет предела». Это оно и есть. Иди на юго-восток по долинам, так, чтобы Холм Широкого Щита был всё время по правую руку от тебя. Пусть твоя сноровка, о, Лис, приведёт тебя к крепости римлян, а после поможет вернуться к твоему роду с тем, что ты сможешь узнать, а узнаешь ты, на самом деле, многое. Дай мне ещё глоток воды”.

Он выпил и сказал: “Того, кто носит это кольцо, зовут Хросстюр из рода Речных готов. Те негодяи зовут его так. Похорони меня, и пусть моя смерть искупит мою жизнь”.

После этих слов он откинулся назад и умер. Я поступил так, как он просил: снял с него одежду (она стоила шесть коров) и надел её на себя. Потом похоронил его, спрятал свой лук и все свои вещи в зарослях тёрна, взял его коня и поскакал прочь.

Я скакал день и ночь, пока не разыскал римскую крепость. Я смело подошёл к охране, и меня провели к их князю, угрюмому и суровому воину. Он спросил громовым голосом: “Имя?” Я ответил ему: “Хросстюр из рода Речных готов”. Он спросил: “Каков предел?” Я сказал: “Нет предела”. – “Знак!” – потребовал он и протянул руку. Я отдал ему кольцо. “Я верю тебе”, – сказал князь. А я подумал про себя: “Тебя обманули, господин”. И сердце моё танцевало от радости.

Князь задавал мне множество вопросов, и я довольно бойко отвечал на них, причём говорил что угодно, но не сказал ни слова правды, разве только что-то, что могло навредить ему. Моё сердце ликовало. Я думал тогда: придут предатели и расскажут ему правду, а он не поверит им или, по крайней мере, засомневается в их словах. В моей же честности он нисколько не сомневался, иначе потребовал бы пытать меня. Позже я видел, как он допрашивал под пытками пленённых мужчину и женщину из нагорного народа.

Выйдя от него, я прошёл по всей крепости, стараясь высмотреть как можно больше и ничего не страшась. Я видел несчастных пленённых готов, которые проклинали во мне предателя, узнав по одежде, что я их крови.

Там я провёл три дня, выяснив за это время всё, что мог, и о крепости, и о войске, укрывшемся в ней. На четвёртый день я вышел с утра, будто бы на охоту. За мной никто не следил – мне верили.

И я вернулся домой в Верхнюю Марку, где остановился у Гейрингов. Желаете ли вы, чтобы я рассказал вам что-нибудь об образе жизни римлян в крепости? Я говорил дольше, чем хотел. Мне продолжить рассказ?»

Поднялся шум, среди которого слышалось: «Говори всё, говори всё!» – «Нет, – возразил Лис. – Всё я не смогу поведать. Мне многое удалось увидеть за эти три дня. Но вот что вам следует знать. Эти люди хотят завоевать и разграбить Марку, перебить воинов и стариков и пленить тех, кто им приглянется – прекрасных и молодых. Но больше всего они жаждут наших женщин, чтобы владеть ими или продать.

Что же до их крепости, то она хорошо укреплена. Римляне выкопали ров, а за ним строят стену из глины. Глину обжигают, как горшки, и придают ей форму тёсаного камня. Получаются довольно крепкие бруски красного цвета, которые они скрепляют известью.

Копают глину, лепят и обжигают невольники, пленные готы, мужчины и женщины. За это они получают скудную пищу и отнюдь не скудные побои. Римляне – жестокий народ. Они смеются, глядя на слёзы других.

Их воины хорошо вооружены. По большей части, это вооружение у всех одинаково. На голове они носят шлем, на груди и спине – железные доспехи. Длинные щиты в битве закрывают их до колен. Они подпоясаны саками и вооружены тяжёлыми метательными копьями. Они смуглы и некрасивы, мрачны и немногословны. Пьют и едят мало.

Над десятками и сотнями у них стоят военачальники, которыми командует тот самый князь. Он ходит взад и вперёд с золотом на груди и на голове и обычно надевает плащ того цвета, какой бывает у герани.

В самом сердце крепости стоит алтарь, на котором римляне приносят жертвы своему божеству, а божество их – всего лишь тот знак, с которым они идут в бой: орёл, набрасывающийся на добычу с распростёртыми крыльями. Но есть у них и другой бог, и, представьте себе, это волк, как будто они одного с нами рода. Вернее, волчица с двумя мальчиками у сосцов. Это удивительно.

Я говорил, что они жестоки, и вот почему я понял это. Десятина начальники и стона начальники без жалости, у всех на виду бьют воинов, если те идут не так, как требуется. И хотя воины свободные и могучие мужи, они терпят, не отвечая ударом на удар. Это самый беспощадный народ из тех, какие мне известны.

Что же до их числа, то тех, кто в крепости, едва ли наберётся три тысячи пехотинцев, а всадников пять сотен, да и те не лучшие. Лучников и пращников шесть сотен или больше. Луки у них слабые, а вот пращники чрезвычайно искусны. Ходят слухи, что когда они пойдут на нас, у них будет ещё около пяти сотен воинов из числа Заречных готов да сколько-то из их собственного народа».

После этих слов Рыжий Лис сказал следующее:

«О, роды Марки, встретите ли вы
Врага жестокого на поле иль бежите,
Укрывшись тёмным лесом, как щитом?
А, может быть, отправитесь в их крепость,
Отбросив щит и меч и взяв с собой
Детей и женщин, чтобы умолять
Сильнейшего о мире? О, тогда
Не все погибнут, но, в живых оставшись,
Начнут мечтать о смерти, проводя
Не больше пары месяцев на Юге».

Поднялся громкий шум. Сердитые голоса смешались с лязгом мечей и звоном копий, ударяемых о щиты. А Рыжий Лис произнёс:

«Вы должны избрать один из этих путей. Впрочем, о чём я говорю? Есть только два пути, а не три: ведь если вы выберете бегство, то они последуют за вами хоть до пределов

земли. Либо эти чужаки возьмут всё, что хотят, даже наши жизни станут их добычей, либо мы сохраним то, что принадлежит нам, и продолжим свою весёлую жизнь. Меч решит это. Через три дня покажется войско – они недалеко от нас».

С этими словами рыжий воин сошёл с Холма Речей, смешавшись со своими родичами. Остальные, решив, что его слова верны и мудры, шумно обсуждали услышанное. Но вот один старый воин из Нижней Марки поднялся и взошёл на вершину холма. Он был сухопар и суров, его знали и уважали, и, когда он заговорил, всё стихло. Молвил же он вот что:

«Я Оттер из рода Лаксингов. Немногое осталось сказать, прежде чем придёт время избрать князя, который поведёт нас на войну, и мы, вооружившись, отправимся в путь. От трёх достойных воинов мы узнали правду о наших врагах. Последний из говоривших, Рыжий Лис, видел их. В пути он расскажет нам ещё что-нибудь, да и самих врагов найти нетрудно. Было бы неразумно напасть на этих людей, когда они прячутся за частоколом своей крепости, ведь сложно одержать победу над стеной. Гораздо лучше будет встретить их в диком лесу – он, будучи нашим другом и защитником, станет для них сетью. Послушай, Агни из рода Дейлингов, у тебя жезл тинга, объяви, что пора избрать князя, если никто не против».

Без лишних слов старый воин, позвякивая доспехами, спустился с холма и встал среди Лаксингов. Тут поднялся старец из Дейлингов, он протрубил в рог, и сразу наступила тишина. Старец спросил: «Дети Отца убитых! Идёт ли народ на войну?»

Воины в один голос закричали «Да!», и мечи их взлетели вверх, сверкая в лучах клонящегося к западу солнца или отливая смертельной бледностью на фоне тёмного леса.

Тогда Агни снова спросил: «Изберёте ли вы себе князя сейчас же или после того, как все выскажутся?»

Воины закричали: «Изберём! Изберём!»

Агни опять спросил: «Выступит ли кто-нибудь против этого?»

Все молчали, и Агни спросил: «Дети Тюра*! Какого князя хотите вы себе, кто поведёт вас на войну?»

Перебивая лязг мечей, раздался крик: «Мы хотим Тиодольфа! Тиодольфа из рода Вольфингов!»

Агни произнёс:

«Я не слышу других имён – все ли согласны? Не выступит ли кто-нибудь против? Если так, то пусть он говорит прямо сейчас, нельзя запрещать ему поработать на пшеничном поле копий! Пусть говорит тот, кто не пойдёт следом за Тиодольфом!»

Все молчали. Тогда Дейлинг воскликнул: «Выйди вперёд, князь народа Марки! Сними золотое кольцо с рогов жертвенника, надень на свою руку и поднимайся сюда!»

И вот Тиодольф вышел из круга на освещённое солнцем место, взял золотое кольцо с жертвенника и надел на руку. Это легкое, искусное украшение было столь древним, что поговаривали, будто его изготовили гномы. И было оно знаком избранного вождя народа.

Тиодольф поднялся на холм, и воины, знавшие о его военной мудрости, радостно закричали. Многие тогда удивились, увидев его без шлема, но решили, что он, должно быть, принёс клятву богам не носить его, и сердца их возликовали. А затем воины заметили гномью кольчугу. Даже издали было видно, что это чудо создано искусным кузнецом. И многие решили, что над ней пропеты могучие заклинания, дабы защитить её владельца от копья и меча, ведь всем было известно, что Тиодольф любимец богов.

Когда Тиодольф взошёл на холм речей, он произнёс:

«Воины всех родов Марки, сегодня я ваш князь, но по обычаю, собираясь на войну, выбирают двух князей. Я бы хотел, чтобы и сейчас мы поступили так же. Наше грядущее дело – это не детская игра, и если один из князей падёт, другой должен сразу занять его

место, чтобы битва продолжалась. Агни из рода Дейлингов, пусть воины изберут себе ещё одного князя, если им это по душе».

Агни ответил: «Наш князь произнёс мудрые слова. Скажите, жители Марки, кто займёт место рядом с Тиодольфом, когда вы пойдёте на чужаков?»

Раздался гам, среди которого слышались имена, и, казалось, их было больше двух, но громче остальных выкрикивали имена Оттера из рода Лаксингов и Хериульфа из рода Вольфингов. Оттер был опытным воином, и его хорошо знали все жители Марки, но Хериульфа так любили и почитали, что Оттера не называли бы, если бы Хериульф не принадлежал к тому же роду, что и Тиодольф, а выбирать князей из одного рода не входило в обычай готов.

Агни вновь заговорил: «Дети Тюра, я слышу больше, чем одно имя. Пусть теперь каждый из вас выкрикнет отчётливо имя того, кого избрал».

Воины опять закричали, но теперь было хорошо слышно, что кроме Оттера и Хериульфа не называют никого. Когда же Дейлинг вновь собрался говорить, но ещё прежде, чем он успел вымолвить хоть слово, могучий Хериульф, умудрённый годами, выступил вперёд. Когда люди увидели, что он хочет им что-то сказать, наступила гробовая тишина. Он произнёс:

«Слушайте, дети! Я стар и опытен в войне, но опыт мой – опыт владения мечом, это опыт могучего воина, который знает, куда идти, и не думает о том, чтобы повернуться к врагу спиной, пока не упадёт на поле. Такой опыт хорош против тех народов, которых мы встречали ранее, – он пригодился, когда мы сражались с гуннами, желавшими смести нас с лица земли, с франками или бургундами, которые не хотели, чтобы мы превзошли их могуществом. Но сейчас пред нами новый враг, а потому мы должны быть мудры, но по-новому, и не только мудры, но и хитры. Одного мудрого князя вы уже избрали себе – Тиодольфа. Он моложе меня и моложе Оттера из рода Лаксингов. Теперь же, если вам нужен князь постарше, который займёт место рядом с ним (а это верное решение), то выберите Оттера! Хотя его тело и старо, мысль в нём остра и в то же время легка, словно лучшие из тех клинков, что мы приобретаем у чужаков, и мысль эта принадлежит нынешнему дню, тогда как моя мысль живёт в днях прошедших. Я не смогу повести вас в бой, как повёл бы смельчака острый меч или стрела, выпущенная искусным лучником. Выбирайте Оттера, я и так уже многое сказал».

Тогда Агни из рода Дейлингов со смехом произнёс: «Один воин высказался за Оттера и против Хериульфа, пусть теперь говорят другие, если у них есть желание!»

Раздался крик: «Оттера! Мы хотим Оттера!»

«Выскажется ли кто против Оттера?» – задал вопрос Агни. Но ни одного голоса не было против.

Тогда Агни произнёс: «Выходи, Оттер из рода Лаксингов, ты будешь держать кольцо вместе с Тиодольфом».

Оттер поднялся на холм и встал рядом с Тиодольфом. Оба они взяли за кольцо, а затем каждый просунул в него свою руку. Соединив ладони, князья стояли так некоторое время, а воины приветствовали их криками.

Наконец, Агни сказал: «Теперь пора зарубить коней, принеся их в жертву богам».

После этих слов и Агни, и два князя сошли с холма и встали перед жертвенником. Девять воинов из рода Дейлингов вышли вперёд, держа в руках топоры, чтобы зарубить коней, и медные чаши, чтобы собрать в них кровь. Каждый из Дейлингов зарубил по коню для богов, а десятого, самого красивого, закололи два князя. Кровь собрали в чаши, а Агни взял кропило и обошёл кольцо воинов, разбрызгивая над ними по обычаю тех дней кровь жертвенных животных.

Затем туши коней разрубили и изжарили на жертвеннике в дар богам. Агни и оба князя попробовали мясо, а остальное отнесли в жилище Дейлингов для пира, готовящегося этой ночью.

Затем Оттер и Тиодольф, посовещавшись друг с другом в стороне, вновь взошли на Холм Речей, и Тиодольф произнёс:

«О, роды Марки! Завтра на заре
Мы выйдем в путь
И вверх пройдем по речке,
Что издавна Рекою Бранибора
Зовётся. На окраине чащобы,
На месте том, где в давние года
Враги наши держали оборону
И пали под ударами мечей
Народа Марки, там, на тех Холмах
Кровавых мы построим вагенбург.
И если древнее проклятье мира
Проснулось, если змей ползёт по чаще
Густого Бранибора, мы узнаем.
О, дети Волка, о, народ Щита,
Народ Копья, народ Коня, мы вступим
В сражение с врагом в глухом лесу,
Оставив в вагенбурге часть людей, —
Ведь нет нужды во многих там, где враг,
Запутавшись в лесных ловушках, дрогнет
И будет проклинять судьбу и бой
Проигранный, не ведая, кто с ним
Сражается, и солнца не увидев
Пред смертью».

Так говорил Тиодольф, а после его слов Агни поднял боевой рог и, протрубив в него, провозгласил:

«Окончен тинг, подходит время пира,
А завтра в путь мы выступим. Когда же
Сразимся мы с врагом — никто не знает,
Но, воины, запомните, пройдёт
Немного времени до часа нашей славы,
Бессмертной славы! Мира семена
Посеем мы в борьбе суровой, тяжкой —
Всё ради процветания родов
Прекрасной Марки и народа готов».

Толпа разразилась криками, а затем, успокоившись, все в должном порядке, род за родом, развернулись и покинули тинг, направившись сквозь лес к жилищу Дейлингов.

Глава IX. Старец из рода Дейлингов

Вокруг бражного зала Дейлингов всё ещё толпились люди: те, кому надлежало остаться дома. На равнине под холмом прямыми рядами стояли обозные телеги. Каждая теперь была покрыта навесом: белым, чёрным, красным или коричневым, – а некоторые, что принадлежали Бимингам, – зелёным, цвета древесной листвы.

Воины спускались к этому городу из телег, совершенно пока неукреплённому, ведь нападения никто не ожидал. Там уже собрались невольники, что готовили пир, да и многие из рода Дейлингов, как мужчины, так и женщины, желавшие присоединиться к пирующим. Некоторых воинов Дейлинги повели по земляному мосту и дальше, за ограду, в свой бражный зал – там, кроме хозяев, могло поместиться ещё много людей. В числе гостей были и оба князя.

Они поднялись на возвышение, празднично украшенное, как и всё вокруг. Там уже расположились старейшины и воины в летах, радостно приветствовавшие гостей. Среди них был и старец, что сидел на краю холма, наблюдая за движением войска, тот, который отшатнулся при виде знамени Вольфингов.

Когда он увидел среди гостей Тиодольфа, взгляд его замер. Старец подошёл к воину и остановился. Тиодольф, заметив его, улыбнулся, произнеся слова приветствия, но старец только продолжал молча разглядывать князя. Наконец он задрожал, протянул руки к обнажённой голове Тиодольфа и начал перебирать его кудри и гладить так, как мать гладит по голове сына, оставшись с ним наедине, даже если сын уже седой старик. И вот старец вымолвил:

«Бесценна жизнь сильнейшего, как древо,
Цветы которого – людские судьбы тех
Времён, что есть и что лишь будут! Так,
Увенчанной древнейшей мудростью, остаться
Ей суждено, когда железный меч
В прах превратится вместе с бурой ржою.
О, если бы я снова стал молодым
И сильным воином, я б устремился в битву
И в самой гуще встал – средь свиста копий,
Чтоб твёрдость показать руки и зоркость взгляда!»

Старец провёл руками по плечам и груди воина и почувствовал холод кольчуги. Тогда его руки вновь опустились, а из старых глаз хлынули слёзы. Он произнёс:

«О, сердца воина могучего жилище,
О, пламенная грудь того, кто в битве
Привык господствовать над сильными, к чему
Ты холодом укрылась от калёных,
Мерцающих клинков? Тебя не знаю,
Тебя не вижу, как далёкие холмы,
Где наши праотцы живут, где боги
Пируют в залах. Ветер дует грозно,
И вереницей облака летят
Там, в вышине, окутывая властных
Палаты, что из года в год всё те же.

Но очаги их пламенеют жарко
Не для меня, и старые глаза
Их разглядеть не в силах, не узнает
Старик радушия божественного пира».

Тиодольф всё ещё улыбался старцу, но тень пробежала по его лбу. Вождь Дейлингов и его могущественные гости, стоявшие рядом, тоже нахмурились и внимательно, в тревожном молчании слушали. Старик же продолжил:

«Я прибыл в дом врага, и он, безумный,
Сказал мне: “Сядь, ты ведь устал в пути”.
Я сел, и ноги вытянул – оковы
Сковали ноги. Он с улыбкой подлых
Продолжил: “Руки тяжелы твои,
Пусть отдохнут немного”. Свои руки
Я протянул, и холод ощутил
Колец железных. Лес с волками лучше,
Чем этот пиршественный зал! О, если б
Я знал про древнюю ловушку, знал бы,
Что счастье мира продал я за ласки,
За глупые сердечные желанья».

Закончив говорить, старец отвернулся от Тиодольфа и с грустью прошёл на своё место. Если Тиодольф и изменился в лице, то лишь слегка. Окружавшие князя воины смотрели на него с удивлением, словно спрашивая о значении слов старца, будто Тиодольф с помощью каких-то тайных знаний мог их объяснить. Для многих эти слова прозвучали предупреждением пред битвой, а для некоторых – зловещим предзнаменованием о грядущих днях. Вряд ли кто-то понял эту речь, но в сердце каждого зародилось дурное предчувствие, ибо старик был известен как предсказатель, а его слова, обращённые к князю, показались всем нелепыми и очень странными.

Агни захотел прояснить всё это. Он сказал так: «Асмунд Старый добр и мудр. Когда он слышит вести о грядущем сражении, то хочет участвовать в нём, ибо в прошлом был великим воином, и его руки обагрены кровью многих врагов. Он предан своему роду и считает недостойным оставаться дома, когда все собираются на битву. Для него ненавистна сама мысль о смерти на соломенной подстилке».

«Верно, – подтвердил кто-то ещё, – и более того, он видел, как в битве пали его любимые сыновья, поэтому любой воин в расцвете сил дорог ему, и он боится за судьбу каждого».

«Точно, – добавил третий. – Асмунд умеет предвидеть, и, возможно, Тиодольф, разгадав значение его слов, ты расскажешь нам, что он имел в виду».

Тиодольф же молча размышлял обо всём сказанном.

Но вот гостей провели к столу, и в зале, и снаружи, и по всей равнине начался пир. Нарядные девушки из рода Дейлингов по двое или по трое ходили среди воинов. Они подавали им еду и питьё, пели песни, играли на арфе и на флейте, которая то смеялась, то плакала. Они были приветливы и ласковы со всеми, и радость воинов накануне битвы росла с каждым часом. У одного Тиодольфа на сердце было тяжело, но он не показывал виду. Он ходил из зала в тележный городок, а из городка обратно в зал, и всё это время со всеми был весел и приветлив. Он воспламенял сердца воинов, и они радовались, что у них такой славный князь, умеющий поднять дух и на пиру, и в битве.

Глава X. В бражный зал Вольфингов приходит старушка

Три дня спустя в женской половине бражного зала Вольфингов собрались оставшиеся дома женщины. День близился к вечеру. У большинства из них на сердце лежал груз сомнения, зародившегося, когда они провожали воинов. Вестей об отряде не было (да пока и не должно было быть), поэтому общая печаль тяготела над всеми лишь из-за того, что произошло на проводах. Вечер, как уже говорилось, ещё не наступил, но день подходил к концу, и всё вокруг выглядело утомлённым. Небо на юго-востоке заволокло тучами, и, казалось, вот-вот начнется гроза. Её признаки были видны не только в небе, но и в воздухе, и даже в том, как качались ветви и листья деревьев. Коров уже подоили, и дел в поле и в загоне почти не осталось. Женщины возвращались с пашни и с лугов на открытое пространство перед бражным залом, где росла истоптанная, покрытая пылью трава. Их усталые загорелые ноги, ступавшие по траве, тоже были в пыли. Женщины выглядели утомлёнными: кожа их иссохла, и даже пот на ней высох. Высоко подпоясанные платья посерели и потяжелели, растрепавшиеся волосы колыхались на сухом ветру, уже не таком свежем, как утром, но ещё не таком прохладном, каким он бывает вечером.

Стояло то время, когда все работы почти завершились, и усталость уже даёт о себе знать, – время, когда пора лечь спать, чтобы ненадолго забыться, до той минуты, когда низкое солнце, осветив своими лучами преобразившуюся землю, не означает наступление вечера. Волноваться не стоило, поскольку волнение ничего не могло изменить, но оставшиеся дома всё равно волновались в тот час, когда с работой уже почти покончено, а отдых и веселье ещё не начались.

Медленно, одна за другой, женщины проходили через Врата Жён, а рядом с Вратами на камне сидела Солнце Крова. Она наблюдала за возвращавшимися, остро подмечая всех и всё. Сама она тоже недавно вернулась с поля и ещё держала в руке мотыгу, которой работала, но лицо её и тело казались уже совсем отдохнувшими после изнурительного труда. Её синее платье не было подпоясано, тёмные распущенные волосы развевались по ветру, цветы, когда-то вплетённые в них, теперь, увядшие, лежали на траве перед девушкой. Солнце Крова разулась, чтобы дать отдохнуть своим утомлённым ногам. Левая рука её, разжатая, свободно лежала на колене.

Девушка не шевелилась, но лицо её не выглядело безмятежным. Ясные глаза, сиявшие, как две звезды на сумеречном небе, смотрели внимательно, губы были сжаты, брови сдвинуты, словно она старалась придать форму каким-то непростым мыслям, хотела выразить их словами, понятными всем.

Так она и сидела, примечая всё, что творилось вокруг, и женщина за женщиной проходили мимо неё в дом. Наконец, она медленно поднялась – к дому шли две девушки, ведя между собой ту самую старушку, с которой Солнце Крова разговаривала на Холме Речей. Солнце Крова пристально посмотрела на старушку, но, если и узнала, то не подала виду. Старушка же, подойдя ближе, заговорила. Обращаясь к Солнцу Крова, равно как и ко всем остальным, она говорила так нежно, будто все её года со временем превратились в ласковые речи. А сказала она вот что: «Можно мне сегодня остаться здесь, о, Солнце Крова, милая провидица могучих Вольфингов? Может ли бродяжка сидеть рядом с Вольфингами и есть их пищу?»

Мягким ровным голосом Солнце Крова ответила ей: «Конечно, матушка. Тот, кто несёт с собой мир, желанный гость Вольфингов, и никто не спросит у тебя, зачем ты пришла, но все мы будем слушать твои слова. Это не моя воля – таков обычай нашего рода. Я отвечаю тебе только потому, что ты заговорила именно со мной, но у меня нет власти, я и сама здесь

чужая, правда, служу дому Вольфингов и люблю его так, как пёс любит хозяина, который его кормит, и детей хозяина, которые с ним играют. Входи, матушка, пусть возрадуется твоё сердце, а заботы покинут тебя».

Солнце Крова вновь села, а старушка, подойдя к ней ещё ближе, опустилась на пыльную траву, погладила прекрасную руку девушки и поцеловала её. Казалось, ей не хотелось её отпускать. Девушка же, ласково посмотрев на старушку, улыбнулась. Наклонившись, она поцеловала её в старческие губы и сказала: «Подруги, позаботьтесь об этой бедной мудрой страннице. Пусть ей будет уютно у нас. Она друг Вольфингам. Я видела её раньше и разговаривала с ней. Она любит нас. А я пока останусь здесь. Возможно, когда я вернусь в дом, мне будет, что сказать вам».

И верно, Солнце Крова не имела власти в роду Вольфингов. Вместе с тем, люди так любили её за мудрость, красоту и добрые слова, что спешили исполнить любые её желания, будь то мелкие или большие просьбы. Теперь же, после того, как старушка приласкала её, всем показалось, что Солнце Крова стала ещё прекраснее. Такой красоты они никогда и не видели. Даже вечерняя усталость была забыта, и все почувствовали себя словно бы проснувшимися на рассвете после счастливого отдыха, когда день только предстаёт пред людьми, полный новых дел и забот.

Вольфинги с готовностью провели старушку в бражный зал. Её посадили на женской половине, омыли ей ноги, принесли еду и питьё, изо всех своих сил стараясь угодить ей, чтобы она отдыхала, ни о чём не заботясь. Старушка и сама радовалась, восхищаясь красотой женщин Вольфингов, она хвалила их за проворство и задавала много вопросов о ткачестве, прядении и чесании шерсти. (Впрочем, ткацкие станки стояли в ту пору без дела, ведь тогда была середина лета, и к тому же мужчины ушли на войну.) Эти вопросы казались Вольфингам странными, ведь они думали, что ткачество должно быть известно всем женщинам, но они решили, что старушка пришла издалека, а потому и спрашивает их об этом.

Потом старушка стала рассказывать Вольфингам о давно прошедших временах и далёких странах, и эти сказания были такими удивительными, а сама она с такой радостью делилась ими, что вечернее время прошло очень быстро, и наступила полночь.

Глава XI. О том, что поведала Солнце Крова

Но вернёмся к Солнцу Крова. Вначале она долго сидела на камне около Врат Жён, но как только наступил вечер, поднялась и пошла через зерновые поля к лугу. Там она бесцельно бродила то туда, то сюда и с наступлением ночи дошла до знакомой ей с детства Реки Бранибора. Девушка вошла в реку. Она плавала там, где было глубоко, и играла с волнами на мелководье, и когда вышла на берег с букетиком голубеньких цветов ясколки в руках, освещённые луной предметы уже отбрасывали тени. Солнце Крова наскоро оделась и пошла напрямик к бражному залу, словно у неё появилась какая-то цель. Вошла она в него через Врата Мужей. Мужчин внутри было мало, а те, кто был, уже согнулись под грузом лет и наступавшей ночи, и когда девушка проходила мимо них, они удивлялись, переглядывались и кивали головами, словно говоря друг другу, что сейчас произойдёт что-то важное.

Солнце Крова прошла к своему спальному месту и надела свежее платье, а на ноги – золотые туфли, на голову же она положила венок из чудесных голубых цветов ясколки. В таком одеянии прошла она через зал, поражая красотой даже стариков, и, оказавшись на женской половине, остановилась. Там, окружённая женщинами Вольфингов, сидела старушка, рассказывая о древних временах, о коих Вольфинги ещё не слыхали. Глаза её сверкали, и с уст струилась сладкозвучная речь. Сидела она прямо, как сидят девушки, и иногда тем, кто слушал её, казалось, что она не дряхлая старуха, а прекрасная сильная женщина в расцвете лет. Услышав, как вошла Солнце Крова, старушка обернулась, а увидев девушку на пороге, обрвала сказ, и в тот же миг сила и проворство будто покинули её. Тоскливым и тревожным был взгляд, что она устремила на девушку.

Стоя в дверном проёме Солнце Крова произнесла:

«Услышьте, девы, жёны Вольфингов и гостя,
Что к нам из дальних стран пришла! Услышьте!
Но прежде в зал пройдите – старикам
Захочется узнать о грозной битве,
Об урожае, что мечи собирают
Могучих Вольфингов. Я расскажу о ней».

С этими словами все радостно встали. Они поняли, что вести будут хорошими. Женщины вглядывались в лицо Солнца Крова и видели – блеск её красоты не запятнан сомнением или болью.

Девушка провела всех на возвышение, где уже собрались больные и старые и с ними несколько стариков из числа невольников. Солнце Крова легко взошла на своё место и встала под удивительной древней лампой, чьё имя носила. Сказала же она вот что:

«Не тяжело мне говорить о том,
Что вижу, – беспорядок битвы
Не предстаёт пред взором ни в лесу,
Ни на поляне, там, где вагенбург.
Там только воины спокойно ожидают
Приход врага, грядущее сражение.
Они подходят к лесу, чтоб услышать
Звук рога, но всё тихо, ветер здесь
Ни звука не разносит, лишь полощет
Знамёна всех родов, но где же сами

У знамени мужи? Нет Гейрингов нигде,
Могучих Вольфингов и Шильдингов не видно,
И Хроссингов – ни в поле, ни внутри».

Солнце Крова помолчала немного, но никто не осмелился вымолвить ни слова, и она, подняв голову, продолжила:

«Я вижу леса край, я слышу песни звук.
Вот люди на тропе, и многие подходят
Всё ближе. Песни Шильдингов слова
Я различаю. Воины смеются.
Они сильны, они готовы к битве
О, воины прекрасной Марки, пусть
К жилищу боевому близко-близко,
Что вы в траве устроили, подходят
Чужие люди. Дикий лес ожил.
Сверкает сталь, и голос леса весел,
Так весел, что страшусь за ваши жизни.
За каждым деревом стоит могучий муж,
Свернувший прочь с тропы копья. Из леса
Выходит небольшой отряд. Вперёд, вперёд!»

Солнце Крова снова замолчала, но на этот раз она не опустила в задумчивости голову, как до этого, а с улыбкой смотрела перед собой ясными глазами. И вот она продолжила:

«Смотрите, чужаки несут, что прежде
Земля не видела. Но боевых щитов
В руках их нет, нет копий, нет меча,
Что саксом мы зовём. Так вот он враг,
Ужасный враг, которого разбить
Никто не в силах. Быстрый на грабёж,
Жестокости которого боятся
И от которого бегут в леса
Свободные досель народы готов.
Он не придумал ничего – лишь только
В ловушку заманил людей, работать
Заставил их. Он поражает город
За городом, он жаждет разрушать —
Разбить щиты народа Марки, копья,
Клинки сломать и унести с собой
Богатую добычу из людей
Родов могучих, никогда в нужде
Не живших. Воины, врага, что к лесу
И к жертвеннику Тюра сам пришёл,
Рубите, словно жертвенных коней!»

И снова песня Солнца Крова смолкла, но была она такой громкой и весёлой, что те, кто слышал её, знали – их родичи сегодня одержали победу, и пока Солнце Крова молчала, Воль-

финги заговорили о том, каким прекрасным выдался этот день сражения, да о том, сколько возьмут пленных. Но вот девушка снова раскинула руки, и всё стихло. Она произнесла:

«О, женщины и старцы рода, вы
Не мой услышите рассказ о битве – днесь
Здесь будет тот, кого послали, чтобы
Благие вести передать. Я вижу
Густую чащу, Тюра сыновей,
Дубы высокие, я слышу боевой
Звонящий клич. Вот князь. Без шлема он,
Вокруг него сильнейшие из сильных.
Как мечется его могучий меч!
Свистят удары, копья, как зигзаги
Небесных молний, валят с ног мужей.
Вернутся только Шильдинги из леса,
А Дейлинги и Вольфинги домой
Погонят народ копий, отведут
Войну от Марки. Вести хороши
Им показались, и они на север
Послали бегуна. То Шильдинг Гисли.
Бежит он той дорогой, что прошли
Когда-то Вольфинги. Он спать не ляжет, пищу
Не остановится вкусить, пока
До первого из родственных домов
Не доберётся. Вот, смотрите, он
Пьёт мёд, ест хлеб – всё на ходу, порога
Достойных Гейрингов достиг, и прочь,
Чтоб встретить Дейлингов холмы, им весть
Отрадную передаёт. У брода,
Что Бродом Битвы мы зовём, присел,
Испил воды и вдоль реки помчался,
Вот по лесной дороге он идёт,
Вот по орешнику Оселингов, и дальше
Он мчится, чтобы Элькинг сердца
Обрадовать. О, Вольфинги, теперь,
Прислушайтесь, он у порога дома!»

Глава XII. Новости о сражении в Браниборе

Едва Солнце Крова закончила говорить, как все услышали топот ног человека, бегущего по твёрдой земле перед бражным залом. Дверь отворилась, и бегун, перескочив через порог, пронёсся к столу, где остановился, опершись одной рукой и стараясь отдышаться после быстрого бега. Немного переведя дух, он сказал:

«Я Гисли из рода Шильдингов. Оттер послал меня к Солнцу Крова, но по пути я поведал эту новость тем из домов, что обитают к западу от Реки, – так я поступил. Теперь мой путь окончен. Оттер велел: “Пусть Солнце Крова запомнит эти слова и пошлёт четырёх из самых быстроногих женщин или мальчишек на конях на запад и на восток от Реки, чтобы те передали их. Пусть она передаст всё так, как посчитает нужным, неважно, было ли у неё видение об этом или нет”. Я бы выпил глоток, раз уж мой бег окончен».

Одна из девушек принесла гонцу полный рог мёда, и тот, взяв его в руки, с удовольствием выпил. Девушке понравился и гонец, и его вести, и она положила руку ему на плечо. Он же, выпив мёд, убрал в сторону рог и произнёс:

«Наш род Шильдингов вместе с Гейрингами, Хроссингами и Вольфингами – больше трёх сотен воинов – пошли с князем Тиодольфом, с нами же отправился Лис, который видел римлян. Мы шли пешком, ведь в лесу нет широких дорог, да они нам и не нужны, иначе враг сам с лёгкостью прошёл бы через чащу. Многие из нас хорошо знали лес и его тропы, поэтому дело нам предстояло не столь уж сложное. Я шёл рядом с князем, ведь я опытный проводник, а ещё я лучник, а потому быстроног. Я заметил, что у Тиодольфа не было ни шлема, ни щита, ни защитной куртки – только плащ из оленьей кожи».

Старушка подошла очень близко к юноше и слушала, внимательно глядя ему в лицо. Услышав последние слова, она обернулась к Солнцу Крова и так пристально посмотрела на неё, что та покраснела под этим пронизательным взглядом. В сердце своём девушка уже начала понимать, кем была её мать и какова была её воля.

Гисли же продолжал свой сказ: «Но на боку у князя висел могучий меч, который нам всем хорошо знаком, тот, что зовётся Плугом Толпы. Мы были рады и мечу, и князю, и тому, как отважно он не защитил свою грудь. Через шесть часов мы широко разбрелись по лесу, так, что не всегда видели друг друга, но знали, что рядом обязательно есть кто-то из своих. Хорошо ведавшие чащу вели, остальные следовали за ними, и когда в открытом поле засиял полдень, а в лесу солнечный свет слегка разогнал сумрак, мы всё ещё шли. Нам попадались только косули, да иногда стадо кабанов, а там, где было посветлее да росло побольше травы, – ещё и кролики. Так мы и шли, пока чаща внезапно не закончилась – мы вышли на широкую поляну. Там под дубами росла трава. Я хорошо знаю это место. Сказывают, будто на той поляне было святилище народа, жившего здесь до прихода сыновей готов. Я, пожалуй, ещё выпью».

Гисли отпил из рога и продолжил: «Кажется, Лис знал, откуда придут римляне, и мы просто ждали в чаще, не выходя на поляну. Воины лежали тихо, спрятавшись так, чтобы как можно дальше разойтись вдоль кромки леса. Сам Лис и трое других поползли в глубь на разведку. Прошло немного времени, и мы услышали звук боевого рога, но не из наших рогов. Звук этот был ещё далеко, но мы стали осматривать оружие, ведь воины охотнее желают столкнуться с врагом и смертью, когда ждут, спрятавшись в чаще. Вскоре рог протрубил ещё раз, но теперь звук был ближе и красивее, и за ним послышался шум идущих в нашу сторону людей. Голосов слышно не было, только шаги воинов, крадущихся через кусты. Под дубы медленно, осторожно вышли двенадцать человек. Среди них был Лис, одетый в одежду предателя-гота, которого он убил. Признаюсь вам, моё сердце забилось сильнее, когда я увидел, что остальные были римлянами и один с виду напоминал командира. Он

держал Лиса за плечо, указывая в чашу, где залегли мы и что-то говорил, но мы видели только жест и движение губ, а голоса не слышали – говорил он тихо.

Затем из десятирех воинов он отослал назад двоих, и Лис шёл между ними. Должно быть, они хотели убить его, если он приведёт их в западню. Командир и восемь римлян остались на месте. Будучи настороже, они бесшумно, почти неподвижно стояли на расстоянии шести футов друг от друга, словно статуи из бронзы и железа. В руках каждый из них держал по метательному копьё, довольно тяжёлому, и был подпоясан саксом.

Римляне стояли от нас на таком расстоянии, на котором слышен звук человеческого голоса, если слова сказаны не громко и не тихо, а так, как говорят обычно. Князь сделал знак находящимся рядом с ним, и мы бесшумно разошлись по обе стороны, стараясь держаться как можно ближе к поляне. Лучники подошли ближе всех. Мы подождали ещё немного, и снова раздался звук горна. Казалось, что из гордости римляне не собирались подходить тайно.

Вскоре после этого к нам приполз Лис. Я заметил, что он шепнул что-то на ухо князю, но не разобрал ни слова, зато увидел, что на нём висят два римских сакса, и понял, что он убил тех двоих и сбежал от римлян... Девушки, я был бы рад, если бы вы дали мне ещё мёду. Я очень устал, ведь мой путь уже окончен».

Ему снова принесли мёда, стараясь во всём угодить. Юноша выпил и продолжил свой рассказ: «Итак, мы снова услышали рог, и звук этот был уже довольно близким, он оказался высоким и пронзительным, не таким, как рёв наших боевых рогов. В лесу всё смолкло. Стих ветер, и даже под дубами на поляне не было ни дуновения. Мы слышали шаги множества человек, что пробирались сквозь подлесок и кусты к поляне. Тогда те восемь воинов вместе со своим командиром вышли вперёд, все, как один, показывая на место, около которого лежал я, – там в чашу, где засели сыновья готов, вела тропа. Воины стояли к нам так близко, что я мог различить вмятины на их доспехах и проволочную обмотку на рукояти их саксов. Высокие кусты в дальнем конце поляны пригнулись, и чаща затрещала от римлян, маршем вышедших на открытое место. Это были опытные, подтянутые воины, молчаливые и настороженные.

Выйдя на поляну, они немного растянулись на запад, по левую руку от командира, потому что там было попросторнее. С восточной же стороны, где засели готы, чаща к ним подходила очень близко.

Некоторое время римляне стояли, не расходясь далеко, и готовясь скорее к маршу, чем к сражению. Мы их не трогали. Их командир был хорошо виден нам: невысокого роста, но в прекрасных доспехах и с отличным оружием. К нему подошли несколько вооружённых готов-предателей и подвели одного безоружного старика, связанного и истекавшего кровью. Командир переговорил с этими готами, а потом громко выкрикнул два-три слова на языке чужаков, и девять человек, что стояли впереди, бросились в сторону от нас, чтобы отвести воинов в западную часть поляны.

Добыча попала в ловушку, но оказалась у самого выхода из неё.

Тогда Тиодольф быстро повернулся к лежавшему рядом человеку с боевым рогом, и все схватились за оружие. Тот человек понял и приставил маленький конец рога к губам. Гулко заревел рог воинов Марки! Ни друг, ни враг не могли сомневаться в том, что это значит. Воины с громкими криками вскочили на ноги и бросили метательные копьё, лучники спустили тетиву, и все мгновенно выбежали из чащи, ринувшись в бой с мечами, топорами и копьёми, ведь у наших лучников было лишь по одной стреле.

Видели бы вы, как Тиодольф выпрыгнул вперёд, будто дикий кот на зайца! Он не замечал никого, кроме римского командира. Сделав несколько прыжков из чащи, наш князь оказался в гуще врагов. Римляне старались рассредоточиться, чтобы использовать те тяжёлые метательные копьё, о которых я рассказывал, но им это не удалось сделать. Они остались

в том же положении, в каком вышли из чащи, и даже, скорее, сжались из-за того, что наши родичи напали на них с двух сторон, а некоторые зашли и сзади. Плуг Толпы сверкал то тут, то там. Казалось, что Тиодольф даже не направляет его. Перед ним все сразу падали, а за ним по пятам род Вольфингов вливался в образовавшийся проход. Через мгновение он уже стоял посреди вражеского войска лицом к лицу с командиром в золотых доспехах.

Плуг Толпы да с помощью Вольфингов Тиодольф расчистил место вокруг себя. Сделав большой выпад вправо, он сразил высокого бургундца. И сразу же сверкающий клинок взмыл вверх, но прежде чем обрушить его, Тиодольф повернул запястье и направил кончик лезвия в горло командира, как раз туда, где его не прикрывала кольчуга, и командир упал замертво посреди своих воинов.

Теперь с римлянами, которым пришлось отступить, сражались, смешавшись с ними, все четыре рода. Бились римляне храбро, вряд ли кто другой хоть малое время выдержал бы натиск воинов Марки. Если бы римляне смогли растянуться, чтобы бросить свои копья, то многие готские женщины оплакивали бы своих сыновей. Ведь никто в пылу битвы не прикрывался щитом, полагаясь только на стремительность натиска, правда, быстрый меч часто оказывается лучше щита.

И вот те из римлян, кто не был убит или ранен, отступили в западную часть поляны, но не как трусы. Если бы Тиодольф по своему обыкновению не продолжал сражаться с ними, они смогли бы восстановить боевой порядок и растянулись бы по всей поляне от дуба к дубу. Но теперь они не смогли оторваться от преследования и выйти на открытое пространство. Воины Марки были быстры и хорошо знали лес, и многих чужаков убили в погоне или взяли в плен неопасно раненными или не раненными вовсе. Те из римлян, кто не был убит или взят в плен, ушли в чащу. С ними и несколько бургундцев. Там они бродят и сейчас, как изгнанники и нечестивцы, и будут убиты один за другим, как только попадутся нам.

Таковой была битва в Браниборе. Дайте мне рог с мёдом, чтобы я мог выпить за живых и мёртвых. За память погибших и за те подвиги, что ещё предстоит совершить живым!»

Юноше подали рог, он поднял его над головой, выпил и произнёс: «Шестьдесят и ещё три убитых римлянина по всей дубовой поляне были сочтены нами. Мы набросали на них землю, а тела трёх предателей-готов оставили на съедение волкам. Двадцать пять римлян мы взяли живыми заложниками на тот случай, если это понадобится. Их повёл обратно в вагенбург наш малый род Шильдингов. Дейлинги, довольно большой род, остались в лесу вместе с Тиодольфом, а меня Оттер отправил передать вам всё то, о чём я и поведал. Я шёл не задерживаясь».

Великая радость охватила людей в бражном зале. Все ухаживали за Гисли: его повели в ванну, одели в тонкую одежду (которую достали из сундука, открывавшегося очень редко, ведь хранившееся в нём было дорого Вольфингам), голову его украсили венком из свежесрезанных пшеничных колосьев. И тогда начался пир – все ели, пили и веселились.

Чтобы передать новости дальше, Солнце Крова послала двух женщин и двух мальчиков, всех верхом. Женщины должны были выучить то, что она им передала, а мальчики умели управлять лошадьми: провести их через брод, переплыть глубокое место или пробраться сквозь чащу. Гонцы отправились вдоль реки вниз по течению. Двое посланцев ехали по западному берегу, а другие двое пересекли Реку Бранибора по мелководью (была середина лета, и вода стояла низко) и поехали по восточному берегу. Так было сделано для того, чтобы все роды могли услышать добрую весть и возрадоваться.

Велико было веселье в бражном зале, хотя и не было воинов среди пирующих. Пели песни и лэ. На первой же песне вспомнили о старушке и захотели услышать от неё какую-нибудь историю древних времён, которые она так искусно рассказывала. Её искали по всему дому, но не нашли, хотя никто не помнил, чтобы она выходила. Впрочем, этому не придали значения, и пир окончился тем же ликованием, что и начался.

Солнце Крова беспокоилась о старушке – ей показался странным как её приход, так и исчезновение. Девушка решила, что при следующей встрече она постарается разузнать, кто эта старушка на самом деле и к чему она стремится.

Глава XIII. Солнце Крова снова пророчит

Следующей ночью множество невольников из числа тех, что не ушли с отрядом, уже пировали в бражном зале вместе со стариками, детьми и больными. Их всех привели туда последние вести. Гисли отправился назад, в вагенбург, где оставались его родичи, а большинство женщин сидели на женской половине: кто-то выполнял летнюю работу у ткацкого станка, но многие просто отдыхали, хорошо потрудившись на поле.

Из своей комнаты вышла Солнце Крова в блестящих одеждах, на этот раз она никого не созывала, а просто прошла на своё место на возвышении – под лампой, чьё имя носила. Какое-то время она, с бледным лицом, молча стояла там, приоткрыв рот и широко распахнув глаза. Девушка, не мигая, смотрела в одном направлении, словно не видела ничего вокруг себя.

Но вот по бражному залу, где сидели мужчины, и по женской половине разнеслась весть о том, что Солнце Крова вновь будет говорить с Вольфингами и расскажет она что-то важное. Все, кто был в доме, как невольники, так и свободные, поспешили на возвышение, и только они успели собраться, как Солнце Крова заговорила:

«Идут вперёд года, стареет мир,
И множество людей рождает время.
Они свершают подвиги, о них
Средь родичей слагаются легенды,
И так из года в год – гирлянда вдаль
Бежит, где и печаль, и радость
Переплелись. Приходит воин в мир.
Уходит он из мира. Где плохой,
А где его хороший день – не знаем.
Мучения его – богов дела,
А поражение – вражеские козни.
Он видел смерть жены и друга смерть,
Он видел радость и был счастлив, но
Он не унёс с собой ни боль, ни радость.
Он жил во славу собственного рода,
Ради людей. И так устроен мир.
Наутро солнце новое восходит,
И там, где прежде пусто,
Безлюдно было, видит, как дитя
Рождается. О, вскоре расцветёт
Младая жизнь, и вот уже в роду
Его мужи и девы – новый, сильный
Народ из готов. Мудрость говорит,
Что лето начинается со смерти
Седой зимы, прекрасная весна
Растёт из персей снежных. Каждый род
Пройдёт дневной свой путь. Вчера ещё
Блуждавшие в небытии, уж строят дом.
И каждый род увидит тусклый вечер,
Который не дано предугадать
В слепополуденное время. Так и род

Могучих Вольфингов стоит пред тёмной ночью
В холодных сумерках, и узок путь его:
По обе стороны зияющая бездна.
Забыто прошлое, в грядущем новый род
Встречает возрождение светила...
А, может быть, всё это лишь мираж?
Гроза дневная? И не видно солнца
Лишь из-за туч? Пока же невредимы
Стоят мужи под натиском ветров.
Я вижу бурю битвы. Сильный враг
Напал на Вольфингов, и гибнут дети Волка,
На холм отходят. Леса нет вокруг.
Седые, умудрённые годами
И молодые воины на землю
Сырую падают, ударов не снеся.
Я вижу князя. Плуг Толпы над ним
Сверкает. Он без шлема, без кольчуги
Перед врагом, и раненые Волки
Встают вокруг, чтобы победу в битве
Проигранной заполучить. Из леса
Выходят родичи, и ряд за рядом – в бой
Вперёд несётся войско на подмогу.
Я слышу крики: окружая пленных,
Ликут воины. У воронья сегодня
Добычу отобрав, курган возводят.
Я вижу наших братьев, тех из них,
Кого ещё срединный мир не проклял.
Осветит завтра солнце нашу крышу,
Покрытую росой. Те, кто убийства
Свирепо жаждал, те в земле лежат».

Солнце Крова ненадолго замолчала. Пока она пела, выражение её лица не менялось, как не изменилось и теперь. Вольфинги радовались вестям о победе, но никто не произносил ни слова – им казалось, что девушка ещё не всё сказала, и были правы – вскоре Солнце Крова продолжила:

«Я больше ничего не вижу. Где
Моя душа смущённая блуждает —
Не знаю. Мир в тумане, будто я
Гляжу не в будущее, а в те дни,
Что миновали. Рядом укрепление,
И воин готов с командиром римлян,
Как давние друзья ведут беседу,
Но я не слышу слов, нет-нет, не слышу.
Туман, везде туман, ослепла, нет —
Вот бражный зал, очаг, нужды не знавший.
Вернулась я...»

Голос девушки ослабел, и с последними словами она опустилась на скамью. Её пальцы разжались, веки опустились, грудь не вздымалась больше от волнения – Солнце Крова спала.

Слушавшие её Вольфинги стояли в нерешительности. На сердце у них после последних слов Солнца Крова остался какой-то тяжёлый осадок, но они не хотели её будить и не хотели ни о чём спрашивать, чтобы не опечалить, а потому разошлись по постелям и заснули на то краткое время, которое ещё осталось от ночи.

Глава XIV. Солнце Крова выставляет дозор на лесные тропы

Следующим утром Вольфинги поднялись рано. Дети и женщины, которые не работали ночью, собирались на луг и пашню. Последние несколько дней были солнечными, пшеница уже колосилась, и все готовились к сбору урожая. Позавтракав, люди взяли в руки свои оружия. У каждого на душе ещё оставался тяжёлый осадок от слов, сказанных вчера Солнцем Крова. Опасения прошлой ночи висели над ними, и едва ли они были так радостны, как бывают радостны люди по утрам.

Солнце Крова поднялась одной из первых, и радовалась она в то утро не меньше, а даже, скорее, больше обычного, приветливо разговаривая и со старыми, и с молодыми.

Когда люди собрались, чтобы уйти, она подозвала их и сказала: «Подождите немного. Поднимитесь на возвышение и послушайте, что я скажу».

Все выполнили её просьбу, а девушка стала на своё обычное место и заговорила: «Женщины и старики Вольфингов, правда ли, что вчера я возвестила вам о чём-то?»

Люди ответили: «Правда».

Девушка спросила: «Это были вести о победе?»

Все снова сказали: «Да».

«Это хорошо, – продолжила Солнце Крова. – Не сомневайтесь, в моих словах нечего изменить. Послушайте, я не так опытна в делах войны, как Тиодольф, или как Оттер из рода Лаксингов, или как Хериульф Древний в прошлом, впрочем, он был не так опытен, как они, и всё же вы сделаете верный выбор, если выберёте меня своим предводителем, пусть у нас и не осталось воинов».

«Да, да, – согласились все, – мы так и сделаем».

А один старый воин по имени Сорли, который уже почти не мог двигаться и только сидел на своей скамье, сказал: «Солнце Крова, этого мы и ждём от тебя. Ведь твоя мудрость – не женская мудрость, скорее, это мудрость детей войны. Мы знаем, что сердце твоё благородно и что смерть кажется тебе ничтожной по сравнению с благополучием рода Вольфингов».

Девушка улыбнулась и произнесла: «Вы все будете поступать так, как я попрошу?»

Вольфинги искренне закричали: «Да, Солнце Крова, будем!»

Девушка же сказала так: «Тогда слушайте. Все вы знаете, что к востоку от Реки Бранибора, если пройти Холмы Берингов и их бражный зал, начинается густой лес. Через него прорублена широкая тропа. Я часто бывала в тех местах. Если пойти по тропе, то вскоре минувешь чащу и окажешься на открытом пространстве, где скалы прорываются наружу сквозь гравий и лесную землю. Там без числа водятся кролики и дикие коты, и туда часто навешиваются лисы, чтобы на них поохотиться. Летом в тех местах бродят лесные волки и волчицы с большим выводком щенят. Над ними парят лысоголовый орлан, коршун и пустельга, высматривая мышей и землероек, которых там несчётное множество. Но никто из них не беспокоит меня. На много шагов дальше от этого места лес редее. Там, вокруг скал, местами попадаются ясени и рябины и заросли орешника, но их легко миновать, и если сделать это, то окажешься на прелестной лужайке, по которой разбросаны дубы, а за ней, наконец, увидишь буковый лес, где деревья, хоть и смыкаются кронами, но стоят редко. Это место хорошо знакомо мне – я бывала там и даже дальше. Той удобной тропой, о которой я говорю, я уходила далеко на юг, в Холмистую страну, и видела снежные вершины гор, что по ту сторону Большой Реки.

Мужайтесь, соберитесь с духом! Неважно, видела я это, или мне это только приснилось, или я придумала то, о чём поведала вам, но по той дороге римляне легко попадут в

Марку. Разве не смогут рассказать им об этом те подлые предатели, что носят одежду готов, прикрывая душу негодяев? Разве они уже не наслышаны о Тиодольфе и об этой священной лампе, чьё имя я ношу? Ведь они говорят себе: “Пойдёмте, зачем нам ломиться в запертую дверь и тратить на это столько сил, когда другая дверь в ту же комнату открыта для нас. Дом Вольфингов – это дверь в сокровищницу народа Марки. Давайте сразу нападём на них вместо того, чтобы сражаться ради меньшей награды, а затем биться и за эту сокровищницу. Если мы сразу отправимся к Вольфингам, они станут нашими невольниками. Мы сможем убить столько, сколько захотим, мы сможем пытать кого захотим и обесчестить кого захотим. Мы порадуем наши сердца их горем и болью. Мы возьмём в свои города множество невольников, чтобы их боль и наша радость длились дольше”. Так они скажут, поэтому следует самым сильным и выносливым из вас, женщины, сесть на коней. Потребуется десять и ещё одна, чтобы быть провожатой. Вы переправитесь по мелководу к дому Берингов и расскажете им о нашем решении неустанно наблюдать за лесной дорогой, по которой можно попасть в Марку, и за редколесьем, где можно легко пройти. Вы попросите их дать вам столько людей, сколько им покажется достаточным, и когда они присоединятся к вам, у вас будет целый отряд наблюдателей. Вы рассредоточитесь по лесу, а две из вас лягут вне леса. Они должны быть готовы к тому, чтобы сразу же, как только случится что-то важное, вскочить на коней и помчаться во весь опор к вагенбургу Верхней Марки.

Из числа этих одиннадцати я назначаю Хросшильду главной. Пусть она выберет себе спутницами самых быстроногих и сильных девушек. Ты согласна, Хросшильда?»

Хросшильда выступила вперёд, молча кивнув в знак согласия, и с шутками, под общий смех она вскоре выбрала себе спутниц. Поручение Солнца Крова не казалось им сложным.

Возле Хросшильды собрались десять девушек, почти таких же сильных, как мужчины, высоких и стройных. Под солнцем и ветром кожа их загорела. Они совсем не боялись работы в поле и часто ночевали под открытым небом, предпочитая песню жаворонка пisku мыши. Но там, где котта их открывала шею и запястья, было видно, что их кожа бела, как яблоневый цвет.

Солнце Крова произнесла: «Ты слышала, что я сказала, Хросшильда? Выполни это и выполни ещё вот что. Попроси тех из Берингов, кто не ушёл, не оставлять дома ни меча, ни факела, если придут римляне, а взять всё оружие и поспешить к нам, чтобы сражаться за бражный зал или уйти в леса, если понадобится, ибо сила там, где много.

А вы, девушки, прислушайтесь к такому совету. Обязательно возьмите с собой маленький острый нож, и если вам покажется, что вы не выдержите хитроумных римских пыток (а они очень изобретательны в пытках) и расскажете всё, предав нас, то вонзите этот маленький клинок в своё тело, туда, где ближе всего смерть. Вы отправитесь к богам со славным рассказом. Да помогут вам всемогущий бог земли и отцы нашего рода!»

Так она сказала, и девушки не стали медлить. Каждая из них взяла топор, копье или меч, что им больше нравилось, а две захватили с собой луки и колчаны со стрелами. И так весь народ вышел из бражного зала.

Вскоре девушки оседлали лошадей и весело выступили в путь, который лежал вдоль пшеничных полей. Они быстро поскакали к броду, а люди кричали им вслед, желая доброго пути. Некоторые из оставшихся решили заняться ежедневными работами и собрались было разойтись по разным делам, но в тот самый момент они увидели, что мимо всадниц, там, где пашня смыкалась с лугом, пробежал быстроногий гонец. Он махнул над головой рукой и что-то прокричал, но не остановился, стремительно несясь вдоль пшеничного поля. Все понимали, что это был новый гонец, посланный от войска, и стояли кучно, ожидая его прибытия, и когда он приблизился, в нём узнали Эгиля, самого быстроногого из Вольфингов. Добежав, гонец громко закричал. Пыльный и утомлённый дорогой, он все же ещё был полон

сил. Его приняли очень радушно и хотели было провести в бражный зал, чтобы отмыть, накормить, напоить или как-то иначе услужить ему.

Но он вскричал: «На Холм Речей! На Холм Речей! Но сначала я скажу кое-что тебе, Солнце Крова: Тиодольф просит послать наблюдателей, чтобы они следили за входом в Среднюю Марку, что возле жилища Берингов, и если там появятся чужаки, пусть кто-нибудь скачет во весь опор в вагенбург. Этим путём может прийти гибель!»

Один из стоявших рядом Вольфингов улыбнулся, а Солнце Крова ответила: «Хорошо, когда друзья думают об одном. Всё уже сделано, Эгиль. Ты же видел десятерых женщин вместе с Хросшильдой, одиннадцатой, когда поднимался на пашню?»

Эгиль сказал: «Мудры твои решения, Солнце Крова! Ты спасение Вольфингов! А теперь идёте на Холм Речей».

Бывшие рядом невольники и свободные мужчины и женщины последовали за гонцом и остановились у Холма Речей. Бродившие вокруг собаки то входили в круг, образованный людьми, то выходили из него, пристально наблюдая за тем, как знакомые им люди громко и непонятно кричат.

Люди же, не желая пропустить ни слова, пытались встать так близко к говорящему, как только могли.

Эгиль между тем взойшёл на Холм Речей и произнёс следующее.

Глава XV. Вести о Сражении на Холме

«Вы знаете, что Дейлингам поручили помочь Тиодольфу прогнать этих копейщиков с наших земель. И они отправились в путь, но спустя примерно шесть часов к Оттеру пришёл гонец и попросил отослать с ним большую часть воинов, так как были получены известия о том, что к окраине леса приблизилось войско римлян. Оно не собиралось входить в лес, и князь хотел встретить его в открытом поле.

Кинули жребий. Первый жребий выпал Элькингам, а как вы знаете, они собрали большой отряд, следующие выпали по очереди Хартингам, Бимингам, Альфтингам, Валлингам (их тоже было много), Гальтингам (и их не меньше), а последний – Лаксингам. Озелинги просили позволить им идти с Элькингами, и Оттер посчитал это верным решением, ведь в их роду много лучников.

Все эти отряды, числом до тысячи или даже больше, вошли в лес. Я был с ними – собственно, я был гонцом.

В лесу мы не задерживались и осторожности не соблюдали, полагаясь на то, что его сторожит Тиодольф. Среди нас многие хорошо знали тропы (и я в их числе), а потому мы довольно быстро прошли через чащу и вскоре увидели наших родичей во главе с князем. Они залегли у подножия длинного холма, под его выступом. Там же поставили дозорных. Через долину тёк небольшой ручей – из него мы брали воду.

Вскоре наступила ночь, и мы немного отдохнули, но ещё прежде, чем луна стала яркой, не дожидаясь наступления утра, были уже на ногах (коней мы с собой не взяли). Мы выступили в путь в стройном порядке, хотя и оставили знамёна родов в укреплении. Теперь вместо них мы поднимали щиты с родовыми знаками. Так мы и шли, и на случай появления неприятеля выслали вперёд Лиса, что побывал в укреплении римлян, и нескольких быстрых пехотинцев.

Через два часа после восхода к нам прибежал один из этих дозорных и сказал, что они заметили римлян – те завтракали неподалёку от нас, не ожидая нападения. «Впрочем, – добавил дозорный, – они сейчас на высоком холме, и им далеко с него видно. Атаковать их внезапно не получится – земля там вся голая. Укрытием могут служить только несколько ореховых и терновых кустов или тростниковые берега ручьёв, текущих по болотистым низинам, да и то там может спрятаться лишь вальдшнеп или заяц, но никак не воин. И ещё: на холм можно взобраться только по голому, что моя рука, склону, и тех, кто попробует это сделать, будет хорошо видно».

Это то, что я сам слышал. Но Тиодольф приказал ему вести нас к этому склону, а старый Хериульф, стоявший рядом, весело засмеявшись, добавил: «Веди, веди, да поживее, а то день пройдёт, и нам нечего будет делать, разве что охотиться на вальдшнепов».

Итак, мы отправились в путь. Подойдя к подножию того склона, мы увидели остальных дозорных и Лиса, державшего в руке вражескую стрелу. Лицо его было искажено едва сдерживаемым смехом. Он глубоко вздохнул, указывая на холм, где в небольшой ложбине, недалеко от нас, мы заметили блеск стального шлема и трёх наконечников копий. Их обладатели прятались. Мы поняли, что за Лисом гнались и что римляне уже настороже.

Князь без промедления повёл нас вверх по склону, оказавшемуся довольно высоким. Поднявшись, мы разглядели воинский отряд, стоявший на подступах к вершине. Врагов было немного, в основном лучники и пращники, и они ждали, когда мы подойдём на расстояние, с которого они смогут нас достать. Когда же мы подошли, они сделали пару залпов и побежали. Двое из нас были ранены свинцовыми пулями, а один, лишь слегка, стрелой, но никто не был убит.

Мы поднялись на самую вершину холма и, взглянув на юго-восток, увидели римлян, осторожно расположившихся неподалёку от крутого северного спуска. С южной стороны, то есть слева от нас, и дальше холм плавно понижался к юго-западу, а потом круто обрывался к другой узкой долине. С северной стороны, неподалёку, виднелась окраина Бранибора, и мы обрадовались этому, так как ещё прежде, чем отряд покинул место ночной стоянки, Тиодольф отправил Оттеру гонца с просьбой прислать ему больше людей на случай, если нам будет тяжело в битве – до нас тогда дошёл слух, что римлян было много. Теперь, когда Тиодольф смотрел на римский строй и видел, каков он, он приказал трём быстроногим воинам взойти на высокий бугор, что мы миновали. Воины эти должны были заметить наше войско, когда оно выйдет из леса, и подать ему сигнал рогом, указав место битвы.

Мы стояли, стараясь отдышаться, и сжимали в руках оружие. Римляне были от нас на расстоянии в полфарлонга*. Они не стали отгораживаться земляным валом, ведь для строительства нужна была вода, которой на холме не было, да они и не собирались долго ждать. Вместо вала они поставили прямо перед собой частокол из острых кольев. Их воины стояли стройными рядами, словно ожидая атаку, и при нашем приближении никто не тронулся с места. Отряд стрелков уже присоединился к ним. Казалось, римлян было больше, чем нас, если считать стрелков, но на самом деле пехотинцев в кольчугах с тяжёлыми копьями у них было намного меньше.

Итак, мы собирались напасть на них прежде, чем они нападут на нас. Все наши стрелки немного продвинулись вперёд. За ними стоял Хериульф вместе с предводителями Бимингов и Элькингов. Тиодольф же находился позади – он, как обычно, вёл среднюю часть отряда, и с ним были почти все Вольфинги.

Так мы построились и стали ждать, наблюдая за чужаками. В их стане затрубил рог, и с каждого фланга вышло вперёд много лучников и пращников и с ними отряд всадников. Они приблизились к нам на расстояние выстрела, притом стрелки, видимо, опытные, шли рассредоточившись и дали по нам залп (всадники пока держались немного позади).

Их стрелы не нанесли нам большого вреда, а их лучники сами пали под нашими ответными залпами. Но выстрелы из пращи стали для нас губительными. Пращники, стрелявшие круглыми свинцовыми шариками вместо камней, ранили и убили многих, даже нескольких в середине войска. Глаз у них был метким, выстрелы – частыми. Сами они отличались быстротой и проворством – никогда не стояли на месте, а всё время бегали, пригнувшись к земле, ползали и прыгали повсюду, и попасть в них было не проще, чем в кроликов в папоротниковых зарослях, это получалось, только если они подходили к нам близко.

Впрочем, этот обстрел, продолжавшийся уже довольно долго, не заставил нас двинуться с места. Мы не отступили ни на дюйм, отвечая врагу выстрелом на выстрел, и тогда у чужаков во второй раз протрубил рог. Лучники опустили луки, пращники замотали пращи вокруг голов и напали на нас, вооружившись мечами, короткими копьями и оперёнными дротиками. Перепрыгивая через убитых, они побежали к нашим флангам. Всадники, прищипорив коней, тоже поскакали прямо на нас, как и полагается отважным мужам.

Хериульф и его воины, увидев это, издали боевой клич и помчались навстречу врагу, подняв над головой топоры и мечи. Это выглядело устрашающе, хотя и было несколько неосторожно. Лучники и пращники так и не подошли к ним на расстояние удара меча, расступившись в стороны. Впрочем, пращники не убежали далеко, а напали снова, начав обстрел, и многих убили. Снова протрубил рог, словно отзывая всадников, но они, если и слышали этот зов, то не обратили на него внимания – они скакали на наше войско, как отважные воины, которые не боятся смерти. По правде говоря, кони у них были низенькие и хилые, да и сами всадники не отличались статностью, разве что только отвагой. Копья их были короткими, а щиты неудобными.

Готы расступились пред всадниками, заведя их в ловушку, а затем сомкнулись, и топоры с мечами замелькали, словно при рубке леса. Хериульф возвышался над этой толпой воинов, и Сестра Волка сверкала в утреннем свете летнего солнца над его головой.

Вскоре битва утихла. Повсюду были видны готы, подбрасывавшие копья над телами убитых римлян. Лошади, лишившись хозяев, бегали по западному склону. Некоторые всадники, запутавшись в стремених, всё ещё висели на них мёртвым грузом. Впрочем, несколько тяжело раненных галопом мчались к своему строю.

И тогда дети Тюра, бывшие с Хериульфом, неосторожно подошли на расстояние броска копий тяжеловооружённых римских воинов. На флангах римлян уже стояли пращники и лучники, вновь взявшие своё оружие. Наших же лучников, хотя они и стреляли метко и верно, было слишком мало, чтобы подавить их. К тому же, некоторые из наших лучников отбросили луки, чтобы присоединиться к атаке Хериульфа. Да и местность была для нас не самой удобной. Сначала склон, где стоял римский строй, поднимался плавно, но потом становился всё круче и круче, и воины, взбиравшиеся на него, запыхались. Прочие роды, которым Тиодольф приказал построиться клином, готовы были двинуться вперёд, так что если бы Хериульф с воинами немного подождали, было бы лучше для всех.

Но они не стали ждать, а, издав победный клич, ринулись на римлян, построившихся так, как было сказано ранее. Перед римлянами были воткнуты в землю и направлены на нас острые колья. Позже мы поняли, что это нанесло большой урон нашему войску. За кольями, на небольшом расстоянии друг от друга, чтобы было удобнее метать копья, находились вражеские воины. Они стояли в три шеренги – это позволяло им сразу выпускать много копий, а если римлянина в первом ряду убивали, то кто-нибудь, стоявший за ним, занимал его место.

Копья обрушились на нас, как ветер в бурю, атака римлян была быстрой и свирепой. Многих убило или ранило ещё прежде, чем они успели добраться до кольев, тоже несущих смерть, но дети готов не обратили на это внимания. Выдернув колья, они промчались вперёд и напали на отважных римских пехотинцев. Дальше незачем долго рассказывать. Где бы ни поднимал меч или копье гот, пред ним было три меча. Тот из рода Бимингов был ранен и выполз с поля сражения живым. Он рассказывает, что вначале на Хериульфа напало шестеро, а затем ещё больше, но тот даже не думал прикрываться щитом, а лишь поднял Сестру Волка и стал прорубать себе дорогу, словно лесник сквозь чащу, когда уже близится ночь, а он голоден. Так пал Хериульф Древний, а с ним многие из родов Бимингов и Элькингов и множество римлян.

Но между убитыми и ранеными наш клин медленно продвигался вперёд. Мы осторожно прикрывались щитами от свинцовых пуль и стрел, летевших со всех сторон, и когда римляне увидели наш сомкнутый строй и Тиодольфа, идущего впереди с обнажённым Плугом Толпы в руке, они перестали преследовать тех, кто был легко ранен или не ранен вовсе, и отступавшие сумели присоединиться к нам. Когда мы забрали всех, кого смогли, и показали, что не боимся врага, мы стали помаленьку, шаг за шагом отступать, всё ещё держась к римлянам лицом. Отступали мы до тех пор, пока не вышли из-под обстрела копий, хотя стрелы и свинцовые пули ещё долетали до нас. Так окончилась атака Хериульфа».

Гонец замолчал, переводя дух. Все смотрели на него, не проронив ни слова, будто он воочию показал им битву. Многие женщины тихо оплакивали Хериульфа, а многие девушки были ранены в самое сердце, услышав печальные вести о юношах Элькингов и Бимингов, ведь Вольфинги дружили с этими родами. Они оплакивали любовь, которую потеряли, и если бы осмелились, то спросили бы о судьбах своих любимых, но они молчали, ожидая окончания рассказа.

Эгиль между тем продолжил: «С атаки Хериульфа прошло немного времени, и хотя люди совсем не уstraшились тем, что произошло, а скорее разозлись, всё же Тиодольф ждал, надеясь на подмогу со стороны леса, из вагенбурга, и не желая, чтобы кто-нибудь из римлян

ускользнул от нас. Он с радостью послал бы их всех к Тюру следом за великим старым Хериульфом.

Так, не трогаясь с места, мы ждали некоторое время. Тиодольф, положив Плуг Толпы на плечо, стоял без шлема и кольчуги, словно доверяя свою защиту родичам. Римляне тоже не дерзали покинуть выгодный для обороны участок и наблюдали за нами с такими же мрачными лицами, с какими мы смотрели на них.

Мы трижды делали вид, что нападаем, но они так и не двинулись с места, хотя это очень серьёзное испытание для воина – стоять пред врагом так долго и, ничего не делая, просто ждать. Многих наших лучников убило или ранило, а остальных было слишком мало, чтобы противостоять вражеским стрелкам. Наконец, мы начали пододвигаться ближе и ближе, не ломая клин, пока не оказались на расстоянии броска копий их пехотинцев. Как громко взревел наш боевой рог! Мы перестроились, разбежавшись вправо и влево от князя и встав длинной шеренгой лицом к врагу, а затем, подождав минуту, бросились вперёд под градом копий, и в тот момент слышали будто бы эхо нашего рога. Ни у кого из воинов, бежавших в бой, не было времени, чтобы понять – это пришли на подмогу свежие силы.

Мы неслись так быстро, что римляне не успели метнуть много копий. Да и бежали мы не одной толпой, как отряд Хериульфа, а растянувшись, и каждый из нас твёрдо знал, что никто не подумает отступить.

Хотя местность была против нас, мы бросились на их колья, словно были свежи и полны сил, и вскоре уже дрались врукопашную. Битва была суровой. У римлян не получалось отеснить нас, а мы не смогли с первой атаки расстроить их ряды. Воин дрался с воином так, словно в мире кроме них двоих никого не существовало. Меч встречал меч, сакс встречал сакс. Слышались лязг и звон. Древковое оружие было бесполезно. Мы сражались плотной толпой, и никто не видел, как шла битва, дальше, чем на два ярда от него самого. Каждый вкладывал всю душу в удар, что наносил в тот момент, и ни о чём больше не думал.

Наконец, мы почувствовали, что римляне колеблются, и наша работа стала легче. Тогда у нас появилась надежда, мы закричали и усилили натиск. В тот самый миг прямо за нашей спиной взревел рог воинов Марки, и на наши крики ответили криками родичи. Тогда те из римлян, кто в тот момент не рубил мечом, не наносил удара саксом или не защищался щитом от наших ударов, развернулись и побежали, а мы издали победный клич. Земля затряслась, и мимо сражавшихся промчались всадники готов, которых послали нам на помощь. Они быстро нашли нас по протоптанным нами тропам. Тут я увидел Тиодольфа. Он как раз убил очередного врага, и вокруг него было пусто. Он метнулся в сторону, поймал за стремя Ангантюра из рода Берингов, пробежал с ним десять шагов, а затем, разжав руки, понёсся вперёд быстрее, чем рыжие кони Берингов, продолжая погоню, как он обычно и делал.

Но мы, уставшие больше, выполнив свою работу, остались на месте среди живых и мёртвых, в окружении свободных воинов Марки и их невольников. Вскоре к нам вернулись Тиодольф и те, кто отправился в погоню, и мы сделали круг по полю сражения, пропев Песню Победы. Это была песня Вольфингов.

Так закончилась атака Тиодольфа».

Когда гонец замолчал, наступила тишина – слушатели не нарушали её, думая о своих мёртвых сородичах и погибших возлюбленных. И Эгиль заговорил вновь: «Но внутри этого круга лежала печаль наших сердец, ибо Один призвал домой многих воинов, оставив на поле лишь тела. Самым могущественным из них был Хериульф. Римляне выбрали его там, где он пал, и оттащили в сторону, но не стали раздевать. Рука его всё ещё сжимала Сестру Волка. Щит был весь истыкан наконечниками стрел, кольчуга во многих местах была разорвана, а шлем от ударов потерял форму. Метательные копья нанесли ему серьёзные раны в бок и бедро ещё до того, как он вступил в рукопашную с римлянами, его ещё трижды проткнули саксом – в горло, в бок и в живот. Каждой из этих ран было достаточно, чтобы лишить воина

жизни. Но лицо его было по-прежнему прекрасно, и нам казалось, что Хериульф умер улыбаясь.

У ног его распростёрся юноша из рода Бимингов в ярко-зелёной куртке, а рядом лежала голова другого воина из его рода, тело которого мы нашли в нескольких ярдах от того места. Много пало и Элькингов. Девушки, оплакивайте тех, кто вас любил. Теперь они отправились к богам вместе с достойными воинами, прихватив с собой и славный отряд врагов.

Семь десятков и семь сынов готов погибли от рук римлян в бою и пятьдесят четыре на склоне, перед тем как успели вступить в рукопашную, а кроме того ещё двадцать четыре погибло от стрел и свинцовых пуль и многие были ранены.

Но на месте последней схватки и рядом с ним, мы не нашли раненых. Только убитых, так как раненые либо отходили к нашему отряду, либо продолжали атаку на римские ряды, чтобы умереть от новых ударов.

Мёртвые тела чужаков горами лежали там же, ибо кровавым было побоище после того, как всадники Берингов и Вормингов напали на врагов. Большинство римлян презрели бегство и умерли, где стояли, не выпрашивая пощады, которая была дарована лишь немногим из них. Всего пало пять сотен, восемь десятков да ещё пятеро римских пехотинцев. Тех, кому удалось бежать, было совсем немного. Пращников же и лучников было убито лишь восемьдесят шесть человек, ибо они стреляли, а не стояли насмерть, как пехотинцы. Они были проворны и быстры, с покатыми плечами и очень смуглой кожей, но не сказать, чтобы неприятные».

Продолжил юноша песней:

«Сумерки. Шествие воинов.
Наши друзья и родные
Помощи не попросят,
Сами помочь не смогут
Больше. Сверхён их подвиг,
Подвиг во славу рода.
Головы держат прямо
Воины. Раны прятать
Им не к чему. Смотрите,
Недруги, как прекрасны
К пиру готовые залы,
Залы богов! О, воины,
Прибыли вы не первыми
В город богов, но любимы
Опытными в войне.
Павшие мост проходят
Радужный, и собираются
Толпы теней – послушать
Славный рассказ о битве,
Битве на длинном холме».

После этих слов гонец спустился с Холма Речей, и женщины, обступив его, отвели в брачный зал, омыли и накормили. Он очень устал и уже хотел спать, но некоторые из женщин не смогли сдержаться – они обязательно должны были спросить о судьбе своих друзей, участвовавших в битве. Юноша как мог отвечал им: одних он обрадовал, других опечалил, а третьим так и не смог сказать, живы ли их друзья или погибли, а после разговора он прошёл к своему месту и заснул. Спал он долго. Женщины разошлись: одни пошли на

пашню, другие на луг, кто-то смотрел за тем, как пекутся хлеба, кто-то отправился шить одежды, а кто-то ушёл на дальние луга с коровами да овцами.

Солнца Крова с ними не было: она разговаривала со старым воином, Сорли, который, будучи хромым, не годился для походов, но обладал большим опытом в военных делах. Вскоре девушка и воин вместе с несколькими старушками и мальчиками приступили к работе: они осмотрели бражный зал и изгородь вокруг него, собрали оружие – как стрелковое, так и рукопашное – и сложили его там, откуда удобнее всего было бы его взять, затем убедились, что пищи заготовлено на много дней вперёд, собрали под крышей над женской половиной множество сосудов с водой, чтобы обезопасить дом от огня, осмотрели входы и окна, проверили, крепко ли держатся и легко ли входят в пазы задвижки. Убедившись, что всё в порядке, они стали ждать исхода дела.

Глава XVI. О том, как гномью кольчугу унесли из бражного зала Дейлингов

Теперь следует поведать о всаднике, прискакавшем с юга в жилище Дейлингов тем ранним утром, что наступило после того, как Гисли принёс Вольфингам вести о битве в лесу. Прибыл он как раз пред восходом солнца, когда ещё немногие успели выйти из дома. Подъехав к бражному залу, он слез с вороного коня и, привязав его к кольцу в стене у Врат Мужей, вошёл внутрь, бряцая оружием – он был в боевых доспехах с большим широкополым шлемом*.

В бражном зале люди только начинали просыпаться, и к гостю вышла лишь одна старушка. Осмотрев незнакомца, она поняла по одежде, что это гот, притом из рода Вольфингов. Старушка вежливо поприветствовала его, а он сказал ей следующее: «Мать, я пришёл сюда по делу. Время не ждёт».

Она спросила: «Сын мой, какие же вести принёс ты с юга? Судя по виду, ты из войска готов».

Воин ответил: «Вести те же, что и вчера. Разве только Тиодольф собирается провести войско через дикий лес, чтобы встретить римлян вне его пределов, так что скоро ожидается новая битва. Послушай, мать, есть ли среди вас кто-нибудь, кто узнает это кольцо Тиодольфа? На случай, если кто засомневается, что меня послал он».

«Есть, – ответила старушка, – Агни узнает его. Он знает всех вождей Марки. Но что у тебя за поручение? И как тебя зовут?»

«На эти вопросы легко ответить, – сказал воин. – Я Вольфинг по имени Голова Тора. Я прибыл, чтобы привезти Тиодольфу сокровище мира, кольчугу, сработанную гномами, которую он забыл, когда отправился на юг три дня назад. Пусть побыстрее придёт Агни, чтобы я мог её получить. Время совсем не ждёт».

Теперь вокруг них собралось три-четыре человека, и одна девушка спросила: «Мне привести сюда Агни, матушка?»

«Зачем? – возразила старушка. – Агни спит, и его тяжело будет разбудить. Он стар, пусть спит. Я сама схожу и принесу кольчугу. Я знаю, где она лежит, и рука моя найдёт её так же легко, как мой собственный пояс».

И она пошла в сокровищницу, туда, где хранились драгоценности рода. Там в прекрасных сундуках были сложены ткани – их оберегали от пыли и от дыма. На полках, перед которыми висело вышитое покрывало, стояли золотые и серебряные сосуды. На крюках вдоль стены были развешаны искусно сработанное оружие и доспехи, украшенные золотом и драгоценными камнями. Среди них легко можно было заметить прекрасную гномью кольчугу. Тёмно-серая и тонкая, она была мастерски сделана и занимала совсем мало места. Старушка сняла её с крюка, провела по ней рукой, подивилась и произнесла: «Дивные руки выковали тебя, преграда мечу! И в дивных землях ты была сделана! Ведь ни один кузнец из наших родов не смог бы создать подобное тебе, разве что с помощью богов или их недругов! Ты изведешь и удар меча, и удар копья, прежде чем вернёшься к нам, ибо с Тиодольфом ты окажешься там, где для тебя найдётся работа».

Она вернулась к гостю с кольчугой в руках и, отдав её, сказала: «Когда Агни проснётся, я передам ему, что здесь был Голова Тора из рода Вольфингов и что он забрал чудо мира, сработанную гномами кольчугу Тиодольфа».

Голова Тора взял кольчугу и развернулся, чтобы уйти, но в этот момент старый Асмунд встал со своего спального места и, оглядев зал, заметил Вольфинга, выходящего из дверей. Он спросил старушку: «Что он тут делает? Какие-то вести от войска? Моя душа ничего не предчувствовала прошлой ночью».

«Пустяки, – ответила старушка, – князь послал за своей чудесной кольчугой, которую забыл в нашей сокровищнице, отправляясь на бой с римлянами. Возможно, грядёт кровавая битва, а Тиодольфу больше, чем кому бы то ни было, понадобится защита от меча».

Пока она говорила, Голова Тора вышел из дверей и сел в седло. На своём вороном коне могучий воин поехал вниз по земляной насыпи, ведущей с холма на равнину. Асмунд же подошёл к двери и так стоял, глядя ему вслед, до тех пор, пока тот не прищепил коня, направившись галопом на юг. Тогда Асмунд произнёс:

«Каких чудес желают нынче готы
Страданиями родичей купить?
Зачем прекрасная из рода праотцов
Смешалась с ними? Может быть, боятся
Могучие, что роды возмужают
И по ступеням каменным взойдут
В богов чертоги, их судьбу верша
И изменяя мир, чтобы цветущим
Он пребывал, не увядая впредь?
Неужто дар напрасен и молитвы,
Проклятие гасящие, как пламя, —
Бессмысленны? Неужто не боятся,
Что Волк, словно огонь из яркой искры,
В мгновенье разрастётся и направит
Народ могучих готов на поля
И в горы, как их боги направляют
Между землёй и теми, что куют
Неволю злую и искусный меч,
Его погибель. Разве не боятся
Сынов глухого леса, что осият
Жестокий, омерзительный народ
И станут после этого богами,
В домах богов по праву поселившись?»

Сказав это, старик вернулся в зал. На сердце у него лежала тяжесть, и вид его был ужасен. Он видел ещё не происшедшее, и от него не укрылось, что Голова Тора не был воином Вольфингов, что это была Солнце Леса, обладавшая умением изменять свой облик.

Глава XVII. Солнце Леса разговаривает с Тиодольфом

Воины Марки положили Хериульфа в ложбину на вершине холма, где он и был убит, и навалили сверху такой огромный курган, что он был виден издалека. Вокруг захоронили других воинов, решив, что лучше оставить их там, где они создали о себе легенду. А павших римлян похоронили ниже, на западных склонах.

Едва только с захоронениями было покончено, как село солнце, и опустилась ночь. Тиодольф устал и охотно отдохнул бы и выпался, но его одолевало множество мыслей: князь раздумывал, куда теперь он должен вести людей, чтобы снова разбить римлян. Наконец, он решил отойти в сторону от войска, чтобы отдохнуть и вздремнуть. Тиодольф доверил все важные дела воину по имени Сольви и спустился с юго-западного склона холма в небольшую долину, отойдя примерно на фарлонг от места битвы. Долину пересекал ручей, а дальний её конец был укрыт небольшой тисовой рощицей: деревья были низкими, зато росли густо. На короткой траве то тут, то там лежали большие серые камни. Тиодольф спустился к берегу ручья, туда, где поток вливался в озерцо, из которого вытекал потом тонкой полоской и, свернув перед тисовой рощей и пройдя под низкими выступами скалы, оказывался в другой, более широкой долине. Тиодольф смотрел на озеро и улыбался про себя, словно размышляя о чём-то особенно приятном. Он достал висевший у него на боку широкий нож и начал кромсать землю, пока у него не получилось то, что он хотел. Тогда Тиодольф принёс камни и соорудил запруду поперёк того места, где ручей вытекал из озера, потом сел на большой камень и стал наблюдать за тем, как прибывает вода.

Он пытался думать о римском войске и о том, как его одолеть, но все старания были тщетны: мысли Тиодольфа возвращались к обыденной жизни, такой, какой она представлялась ему по окончании войны. Сейчас он не думал об обрушившихся на готов бедствиях, нет, он видел себя среди повседневных забот. Вот он идёт за плугом на пашне, и западный ветер обещает раннюю весну, а вот он с серпом в руках посреди зрелой пшеницы жарким летним днём, и отовсюду доносится смех веселящихся юношей и девушек. Он представлял себя далеко, на другом берегу Реки Бранибора: звёзды ещё только появляются в небе, как и сейчас, а он высматривает, нет ли на опушке случайно забредших в эти края волка или рыси. Вот он идёт по безветренному лесу после первых морозов, когда ещё не выпал снег, с охотничьим луком или дротиком в руке. А вот возвращается из лесу, пробираясь через снег и таща за собой сани с добычей. Стоит глубокая зима, ледяной ветер кусает лицо и несёт клубы снега, а Тиодольф шагает к свету и музыке бражного зала, откуда доносятся весёлые голоса. Там его встретят улыбкой, обрадовавшись возвращению охотников. Тиодольф представлял залитые половодьем луга и сладкий отдых ночью, когда северный ветер завывает вокруг старого дома.

Всё казалось ему прекрасным. Иногда Тиодольф оглядывался и по левую руку от себя видел длинную долину с узким входом, где тёк ручей и тёмные тисы прижимались к скалам. По правую руку тот же ручей, журча, петлями спускался с уступа большого холма. Над головой воина поднималась луна, а откуда-то снизу доносились свист ржанки и трели кроншнепа, чётко слышные спокойным тихим вечером. Где-то далеко раздавались приглушённые голоса его товарищей, оставшихся на вершине, звуки песен и перекличка охраны. Это тоже была часть милой его сердцу жизни, повторявшаяся снова и снова. Тиодольф улыбнулся, почувствовав счастье. Он любил грядущие дни, он страстно ждал их, как юноша на месте свидания ждёт звука девичьих шагов.

Так сидел Тиодольф, и мечты отгоняли от него беспокойство. Наконец, сон одолел князя, и великий воин Вольфингов начал клевать носом, словно старик в углу у печи. Он заснул, и волнения его улеглись, но вместе с этим всё стало казаться ему пустым и глупым.

Вскоре он вздрогнул и проснулся. Стояла глубокая ночь. Ветер совсем стих, и все звуки, кроме журчания ручейка и то и дело раздававшихся криков дозорных, казались глуховатыми. На небо поднималась луна. Лунные лучи отражались в каждой волне небольшого озера перед Тиодольфом, и казалось, что оно светится. Запруда наполнилась до краёв, и вода теперь перетекала через плотину. Тиодольф поднялся с камня, снял боевые доспехи, бросил Плуг Толпы на траву рядом с собой и решил искупаться, но, будучи ещё сонным, задумавшись, остановился. В это время плотина не выдержала, и течение выбило один из камней, а затем другой, потом ещё два или три, а после мягким ударом столкнуло все, и ручей с плеском побежал по долине, за минуту или две заполнив все маленькие впадины. Тиодольф, тихо посмеявшись этому, перестал расстёгивать котту, прилёг на траву рядом с камнем и, оглядев долину, сразу же заснул. Снов он не видел.

Когда он снова проснулся, ещё была ночь. Но луна стояла низко, и в небе над холмом уже появились первые проблески зари. Тиодольф какое-то время лежал, собираясь с мыслями и стараясь вспомнить, где он, как обычно бывает с людьми, проснувшимися после глубокого сна. Затем он вскочил на ноги и оказался лицом к лицу с женщиной. Кто же она, как не Солнце Леса? Тиодольф не удивился. Он протянул руку и дотронулся до неё, хотя ещё не вполне сбросил с себя тяжесть сна и не вспомнил всего, что случилось с ним вчера.

Женщина немного отстранилась от воина, и взгляд Тиодольфа прояснился. Он увидел, что она была босая, в лёгком чёрном платье. На руках её не было золотых колец, на шее не было ожерелья, а на голове — короны. Но она выглядела столь прекрасной на исходе этой ночи, что он вспомнил её красоту, открывавшуюся в солнечном свете дня. Воин громко рассмеялся, радуясь встрече, и спросил: «Что случилось, Солнце Леса? Или это такой новый обычай твоего рода и всех божеств — одевать невесту как только что пленённую невольницу или как женщину, потерявшую всю родню и ставшую бродяжкой? Кто же тогда будет стремиться в Жилище Асов и взбираться к Дому Богов?»

Солнце Леса отвечала ему, не подходя ближе, но таким нежным голосом, какой способен проникнуть в самое сердце:

«С последней нашей встречи поселилась
Глухая грусть в моей груди. Со смертью
Тебе приятны игры, ты считаешь
Весёлыми подобные забавы.
Я знаю твоё сердце — в нём отвага
Живёт, и ты, в защите не нуждаясь,
Моё разрушишь счастье. Верно, воин,
Невольница перед тобой предстала —
Невольница печали. Злое горе
Меня одежд лишило и терзало
Насмешками. И верно — божество
Перед тобой, но божество не в силах
Любовь к тебе преодолеть, о, смертный».

Она посмотрела на него с тоской, некоторое время оставаясь на месте, но, наконец, не сумев сдержать себя, подошла к нему, взяла его руки в свои, поцеловала его в губы и, лаская, произнесла:

«О, где же твои раны, милый мой?
Как отвернулись копья от груди,
Когда война шумела, словно буря,

Когда сильнейшие вступили в смертный бой
С сильнейшими? Сегодня миновало...
Но что расскажут завтра о тебе?
Быть может, разнесётся слух, что умер
Могучий Тиодольф, едва лишь битва
Успела разгореться. Скажут люди:
Неверными его удары были,
И вот уж тело мёртвое лежит
В пыли дорожной. Жизнь, что вечно людям
Светить должна, разбилась, прервалась».

Тиодольф ничего не ответил, а только улыбнулся, но не её словам, а приятному голосу и прикосновениям рук. Эта женщина испытывала такую сильную любовь, что сама печаль преображалась силой этой любви. Солнце Леса продолжила:

«Ты говоришь, бродяжка я. Послушай —
Нет места божеству среди богов
И не найдётся на земле приюта,
Коль радость умерла в груди. Грустит
И человек, но грусть его прервётся
Со смертью. А печаль богов бессмертна.
Бродяжка я. Когда в твоих объятиях
Впервые безмятежно я лежала,
Во мне угасло божество, и славы
Я только для тебя желала в жизни.
Передо мной до дня последней битвы
К богам закрыты двери. Мою душу
Пленил могучий воин, и он бросит
Её во тьму, сам погрузившись в бездну.
Ты по пустой земле пройдёшь, где зёрна
Никто не сеет. За тобою следом
Пойду твоей невольницей к кургану,
Где ты, такой любимый и желанный,
Останешься навеки! Есть ли польза
Просить у горсти тлеющих костей
Любви и помощи? У них нет чувств и мыслей —
Вот, Тиодольф Могучий, чем ты станешь!
Такой родной и близкий – кучкой праха!»

Он, нежно лаская её руки и плечи, с любовью ответил:

«Я Тиодольф Могучий, мудрый воин,
Но я не вижу этой мрачной, тёмной
Безрадостной могилы, нет, мой взгляд,
Пронзив века, любитесь весельем
Прекрасных юношей и дев из рода,
Что Домом Вольфингов зовётся. Каждый день
Я вновь рождаюсь в песнях и преданьях,
В самой их жизни – каждый новый день.

Я с ними связан, я звено цепи,
Скрепляющей прошедшее с грядущим,
Но ветхости могильного кургана,
Где нет ни сумерек, ни светлых дней,
Мне видеть не дано, как ни стараюсь.
Сей образ растворяется в другом:
Я вижу пир, Рог Памяти над залом
Подняли, чтобы выпить за героя,
За Тиодольфа Старого – и с теми,
Кто празднует в кругу своих родных,
Могучих Вольфингов, я буду вечно жить.
И с тем юнцом, что жаждет яркой битвы
И видит по ту сторону стола
Мечей калёных пламенную жатву —
В его виденье будет Тиодольф,
Что прежде появления на свет
Того юнца, за Вольфингов отдал
Свою могучую, стремительную жизнь».

Когда он закончил, Солнце Леса рассмеялась. Голос её был нежным, но смех – горьким.
Она сказала:

«Нет, воин, ты умрёшь и не увидишь
Ни зала бражного, ни Вольфингов детей,
Что бегают в стенах родного дома,
А я останусь жить, и мои мысли
Все будут о тебе, я тщетно ждать
Осуждена ответа от того,
Кто никогда на чувства не ответит».

Воин вновь улыбнулся и проговорил:

«Я не узнаю этого ни здесь,
Ни в ветхости могильного кургана,
Но ты... О, ты сомнения отбрось —
Я буду жить в тебе, любовь бессмертна,
Пока есть память».

Казалось, Солнце Леса не слушала его. Она, слегка отстранившись, стояла, глубоко погружённая в свои мысли, затем развернулась и отошла на несколько шагов, а там наклонилась, подняла что-то (а это была чудесная кольчуга) и вернулась к Тиодольфу. Она произнесла:

«Скажи мне, Тиодольф, но почему
Не носишь ты среди бури копий эту
Прекрасную кольчугу, что ковал
Железный молот в кузнице? Ты мне
Не веришь иль в решении богов
Ты сомневаешься, раз в бой идёшь упрямо

С незащищённой грудью? Иль тебя
Так гордость обуяла, что лишь смерть
Тебе достойной кажется наградой
И лучшей, чем моя любовь, скажи?»

Тиодольф ей ответил: «Солнце Леса, ты властна спрашивать меня, почему я не надел в битву твой дар, чудо мира, кольчугу, сработанную гномами! Но что же ты говоришь? Я не сомневаюсь ни в твоей вере в меня, ни в твоей сильной любви. Что же до воли богов, то её я не знаю и не могу знать и не ведаю, как изменить. Ты говоришь, что мне желанней смерть, чем твоя любовь, но я не понимаю этих слов. Не скажу, что люблю тебя больше самой жизни, ибо моя жизнь и моя любовь есть одно, их нельзя разделить.

А теперь послушай и о кольчуге. Я разгадал, что ты не просто так хочешь, чтобы я надел в битву твой дар, эту чудесную кольчугу. С ней связан какой-то рок. Если я не надену её, то, возможно, паду в сражении, но если надену, со мной может случиться что-то недостойное воина Вольфингов. Я расскажу тебе, почему провёл уже два боя с римлянами, не надевая кольчуги, и почему оставил её (я вижу, ты вновь принесла её мне) под крышей бражного зала Дейлингов. Когда я вошёл к ним в кольчуге, меня встретил один древний старец, в прошлом отважный воин. В глазах его читалась такая любовь, словно он был отцом нашего народа, а я тем, кто идёт следом за ним, продолжая жизнь. Когда же он увидел кольчугу и дотронулся до неё, любовь его охладела, сменившись грустью. Он молвил тогда пророческие слова, и они предвещали горе. Я помню, что ты сама говорила об этом даре, помню и о твоих просьбах надеть кольчугу, и не могу не думать, что одному человеку она принесёт спасение, а всему народу – гибель.

Скажешь ли ты, что это не так? Тогда я надену её и буду жить счастливо и умру счастливо. Если же ты скажешь, что я прав, что в кольчуге заключено проклятье, то тогда ради спасения народа я не буду носить кольчугу с её проклятием и погибну славной смертью, но благодаря мне наш Дом будет процветать. Или наоборот, ради тебя, я надену кольчугу и останусь в живых, но род наш окажется на грани жизни и смерти, а я не смогу помочь ему и не смогу больше принадлежать к роду Вольфингов, не смогу оставаться в его бражном зале. Так что же ты скажешь?»

Солнце Леса ответила ему песней:

«Да здравствуют твои уста, любимый,
Спасибо за последние слова,
И за твою надежду, и за то,
Что в сердце любящей тебя надежду сеешь.
Кольчугу создавали для спасенья,
Чтобы могучий воин мог помочь
Народу своему. Где же здесь место
Найдётся для проклятья? Спасена
Да будет жизнь твоя! Среди друзей,
Что беззаветно преданы тебе, живи,
Живи под крышей дома рода
Могучих Вольфингов, где боги поселили
Тебя, чтоб ты в любви прошёл свой путь.

И я ещё скажу тебе, любимый,
Что ты не рода Вольфингов, твоя
Кровь с Элькингами смешана, что в мире

Постранствовали вволю. Скрою лишь,
Какое божество меняло облик,
Чтобы зачать тебя под сенью леса.
Как Норны ткань твоей судьбы вплели
В судьбу прекрасных Вольфингов? Иль древо,
Что держится могучими корнями,
В один момент срубить дано врагу?
Да, друг мой, ты силён, ты очень мудр,
Но не один живёшь ты в доме рода,
Что Домом Вольфингов зовётся, и заботу
О них не взваливай лишь на себя, герой».

Тиодольф покраснел, но глаза его с жадностью смотрели на Солнце Леса. Она положила на землю кольчугу и шагнула к воину. Брови её нахмурились, лицо исказилось, и сама она, казалось, стала выше ростом. Подняв сияющую правую руку, она громко произнесла:

«Ты, Тиодольф Могучий! Если ты
Собрался бросить сеть и род опутать
В своей беде, то я сама тебя
Убью, бесстрашный в битвах воин!
Ведь дорог мне род Вольфингов, и я
Уж лучше с горем со своим останусь,
Но сберегу сынов лесного Волка!»

С этими словами женщина бросилась вперёд, обвив Тиодольфа руками. Она прижала его к своей груди и стала покрывать поцелуями его лицо, и он ответил ей тем же. Никто не видел их, и только открытое небо служило крышей над их головами.

Теперь её прикосновения и тихий звук голоса изменились. Она шептала ему на ухо только слова любви, заставляя его забыть жизнь, полную свершений и сомнений, и создавая для него новый мир, в котором пред ним представляли прекрасные картины счастливых дней, уже виденные им когда-то, когда он встал с поля мёртвых.

Тиодольф и Солнце Леса сидели рядом на сером валуне, держась за руки. Её голова лежала у него на плече, и они казались молодыми, никому не известными влюблёнными, живущими в мирные дни.

Так они и сидели. Нога Солнца Леса коснулась холодной рукояти меча, который Тиодольф оставил рядом с собой на траве. Женщина нагнулась, подняла его и положила на колени себе и воину. Она смотрела на Плуг Толпы, спокойно лежавший в ножнах, и улыбалась. Солнце Леса видела, что шнурок мира не обмотан вокруг его рукояти. Она достала меч и подняла его, бледный, устрашающе сияющий в предрассветных сумерках, когда все вещи вновь обретают свои цвета, ведь пока Тиодольф и Солнце Леса разговаривали, прошла ночь, и побледневшая луна уже опустилась совсем низко.

Солнце Леса наклонилась, прижавшись щекой к щеке Тиодольфа. Он же взял меч из её рук, вновь положил его на колени, накрыв правой ладонью, и произнёс:

«На этом голубом клинке клянусь
В лучах рассветных, что, во-первых, в битве
Грядущей я надену этот дар,
Спасенье воина, чудесную кольчугу.
И, во-вторых, что я тебя любить,

Тебя, что мне дала вторую жизнь,
Не перестану. Я клянусь Священной
Землёю, на мече своём клянусь
Жить ради Вольфингов и умереть за них.
Хотя и верю, что не их я крови
И не был приведён к отцу, как сын,
Но в доме их я вырос. Каждый Вольфинг
Мне другом стал, и с их могучим родом
И радость связана, и боль прошедшей жизни,
И смерть грядущая. Какая бы судьба
Меня не ожидала, ты, мой друг,
Моё спасенье, для тебя играет
В лучах рассветных верный мой клинок!»

Солнце Леса молчала. Они встали и, держась за руки, пошли вниз по долине. Тиодольф нёс на плече обнажённый меч. Так они и вошли в тисовую рощу в конце долины. Они оставались там ещё долго после того, как появилось солнце. Многие им нужно было сказать друг другу прежде расставания. Но вот, наконец, Солнце Леса ушла своей дорогой.

Тиодольф же, вложив Плуг Толпы в ножны и обмотав вокруг него шнурок мира, вновь поднялся по долине. Там он поднял кольчугу с травы, где её оставила Солнце Леса, и надел с таким видом, словно собирался носить её круглые сутки. Затем он опоясался Плугом Толпы и, нахмурившись, взошёл наверх, на холм, где ночевали остальные, только ещё начинавшие просыпаться этим ранним утром.

Глава XVIII. В вагенбург приносят вести

Теперь следует поведать об Оттере и о тех, кто остался в вагенбурге, о том, как они услышали о поражении римлян на холме. Эти новости поведаль им Эгиль по пути к дому Вольфингов. Воины воодушевились, как и следовало ожидать, и теперь сами жаждали разбить врага. В таком настроении они ожидали следующих вестей.

Уже говорилось, что Оттер послал Берингов и Вормингов на помощь Тиодольфу и его отряду. Когда же эти два больших рода ушли, тех, кто остался с Оттером – свободных и невольников, – едва набиралась тысяча человек. Многие из них были лучниками, что незаменимо, когда сражение ведётся из-под прикрытия стены или частокола, но совершенно бесполезно, если предстоит выдержать атаку в открытом поле. Впрочем, тогда в вагенбурге считали, что Тиодольф со своим отрядом позже вернётся к ним. В любом случае – так говорили они друг другу, – отряд Тиодольфа находится между римлянами и Маркой, так что в его помощи можно не сомневаться. Готы скорее боялись, что римлян отгонят от Марки раньше, чем произойдёт решающее сражение, – так сильно желали они вступить в битву.

Два дня спустя после Битвы на Холме выдался приятный прохладный вечер. И свободные, и невольники развлекались на равнине вне укрепления: метали копья, толкали камни*, бегали наперегонки и скакали на лошадях. Ближе к заходу солнца трое юношей, двое Лаксингов и один из Дома Шильдингов, а также старый седой невольник из того же Дома стреляли из лука. Мишенью для их стрел служил круглый камышовый щит. Его сплёл и повесил на шест старый невольник. Настроение у всех было мирное и счастливое. Вечер стоял ясный и тихий. Как уже говорилось, воины готов боялись римлян не больше, чем если бы были богами и находились в своей обители. Стрелки попались проворные, и те, кто оставался в укреплении, с интересом наблюдали за ними. Для многих здесь игры были что воздух. Воины любили их, играли сами или наблюдали за ними со стороны. Так было и тогда: любопытные сидели или стояли на траве с трёх сторон от стрелков и передавали по кругу рог с мёдом. В укреплении не испытывали недостатка в пище и питье, так как родичи, жившие поблизости, приносили провиант в изобилии. Кроме того, в вагенбург приходили женщины: немало их и сейчас было видно то тут, то там среди мужчин.

Юноша из рода Шильдингов по имени Гейрбальд только что спустил тетиву и попал прямо в середину щита. Зрители громко закричали, но, едва раздавшись, этот крик смешался с другим, оповещающим, что к укреплению скачет гонец. Все сразу обернулись к лесу, потому что в вагенбурге ждали новостей от Тиодольфа, но те, кто находился ближе всего к деревьям, увидели, что гонец скачет с севера, со стороны Средней Марки. Слух об этом быстро разнёсся по толпе. Люди передавали друг другу, что этот юноша на сером коне скоро достигнет того места, где стояли соревнующиеся, и все гадали, что же за вести он несёт. Но никто не бросился ему навстречу, чтобы принять его с почестями. Когда же всадник приблизился, те, кто стоял к нему ближе всех, разглядели, что это была женщина.

Воины расступились перед серым конём, выглядевшим уставшим и измотанным, и его всадницей. Женщина сразу проехала внутрь кольца воинов и только там натянула поводья. Она медленно, будто бы с болью, слезла с коня и, оказавшись на земле, чуть не упала от изнеможения. Двое или трое парней подбежало, чтобы помочь. Они сразу же узнали в ней Хросшильду из рода Вольфингов, ведь эта отважная женщина была известна многим.

Она попросила: «Отведите меня к князю Оттеру или приведите его ко мне, что даже будет лучше, ведь здесь уже собралось много воинов. А тем временем дайте мне мёду. Я устала и сильно хочу пить».

Один из воинов побежал за Оттером, а другой протянул ей рог с мёдом. Хросшильда едва успела сделать глоток, как Оттер уже был рядом – его нашли прямо у ворот укрепления.

Он частенько бывал у Вольфингов, а потому сразу узнал гонца. Оттер произнёс: «Приветствую тебя, Хросшильда. Какие вести ты нам принесла?»

Женщина ответила: «Сегодня я принесла вам дурные вести. Скажи своим людям, чтобы они сей же час надели доспехи и оседлали лошадей, ибо римское войско уже подходит к Средней Марке».

Оттер вскричал: «Трубите в рог! Все к оружию! Будьте готовы вскочить на коней и собраться на тинг стройным порядком – род за родом. Позже вы услышите рассказ Хросшильды, то, что она поведает мне!»

Оттер отвёл гонца на покрытый травой небольшой холм, усадил её там и сам сел рядом, проговорив: «Теперь рассказывай, девушка, не бойся! У нас одна судьба: либо вместе жить, либо вместе умереть, как полагается свободным детям Тюра, земным друзьям всемогущего бога. Как же случилось, что ты встретила римлян, узнала их замыслы и при этом выжила?»

Хросшильда ответила: «Было это так: Солнце Крова решила, что по восточным тропам даже целому войску совсем не сложно пройти чрез чащу Бранибора в Среднюю Марку, поэтому она послала десять женщин да меня одиннадцатой к бражному залу Берингов и к тому пути через чащу. Мы должны были взять подходящих людей из числа тех, кто оставался у Берингов, и затем охранять лесные пути от римлян. Мне кажется, ей было видение об их уловках, хотя, возможно, и неясное.

И вот мы прибыли к поселению Берингов, и там выбрали восемь крепких женщин и двух быстроногих мальчишек, так что всего нас получилось числом двадцать один человек.

Мы всё сделали по просьбе Солнце Крова: протянули цепь дозорных по лесу и дальше. Они должны были передавать друг другу сигнал войны – трубить в рог, – пока он не дойдёт до нас, а мы ждали с лошадьми наготове на прекрасной равнине близ леса.

Рога разбудили нас посреди прошлой ночи. К нам прибежал ближайший из дозорных, который слышал рог из чащи. Он сказал, что это точно звук готского рога и именно тот сигнал, которого мы ждали. Я сразу же послала гонца в бражный зал Вольфингов, чтобы он передал им вести. Но к вам я решила скакать только тогда, когда проверила всё сама. Помедлив немного, я направилась в дикий лес. Если бы было время, я бы рассказала, как скакала и ждала, но сейчас поведаю только о том, чем всё закончилось. Осторожно сделав несколько шагов в ту сторону, где чаща редела, а дорога заканчивалась, я нашла три дозора той цепи, что мы образовали, и ещё одну побегушку. Там были шесть женщин, которые, услышав сигнал рога, сбежали со своих мест, где они стояли в дозоре (хотя было бы лучше, если бы они остались в укрытии и что-нибудь выследили), и ещё одна женщина. Она стояла со своей подругой дальше остальных и успела поговорить с самой дальней дозорной, той, что видела римское войско. Оно было очень большим и никак не могло оказаться просто отрядом, высланным на разведку или грабёж. Эта побегушка рассказала (а она так боялась, что дрожала как осиновый лист), что в то время, пока женщины разговаривали, появились римляне, заметили их и начали пробираться сквозь заросли в их сторону. Женщины побежали. Побегушка видела, как римские разведчики схватили и утащили двух её подруг. Её саму чуть было не поймали, но она сбежала и выбралась к остальным на окраину леса, по пути оцарапавшись о скалы и терновник.

Когда я слышала этот рассказ, я попросила побегушку отправиться к себе, к роду Берингов так быстро, как она только сможет, и рассказать им всё. Она побежала, дрожа и не разбирая дороги. Похоже, она всё-таки добралась до места, по крайней мере, римлян на её пути ещё не было.

Что же до остальных, то одну я отправила прямо к бражному залу Вольфингов вслед за первым гонцом. Она должна была поведать о случившемся Солнцу Крова. Остальным же пятерым приказала спрятаться в чаще, да так, чтобы никто не мог их найти и поймать.

Получив новые вести, они должны поспешить в бражный зал Вольфингов, как только представится такой случай. Сама я немедленно припустила во весь опор к вам, чтобы рассказать об этом.

И последнее, что я скажу тебе, Оттер. Солнце Крова попросила Берингов не дожидаться огня и меча в своём доме, а как только они услышат, что римляне близко, взять с собой всё, что не слишком тяжело и не слишком горячо, и направиться в бражный зал Вольфингов. Тогда вести о римлянах разойдутся по Марке, и все, кто ещё может защищаться, соберутся у Вольфингов. И даже если вы опоздаете, славен будет курган, насыпанный над нами.

Теперь я рассказала тебе всё, что должна была рассказать. Нет необходимости спрашивать меня о чём-то ещё, поскольку ты знаешь всё. Делай же теперь то, что должен!»

С этими словами Хросхильда опустила на траву на склоне кургана и заснула, ведь она сильно устала.

Пока она говорила, снова и снова слышались звуки рога. К концу разговора уже собралось множество воинов, и с каждым мгновением их приходило всё больше. Оттер попросил своего сородича привести ему коня и принести доспехи, затем взойшёл на курган, подождал немного, пока не собралось всё войско, и, призвав к тишине, произнёс следующие слова: «Сыны Тюра, войско римлян вторглось в Марку. Это могучее войско, но не настолько могучее, чтобы отказаться от встречи с ним. Не будем говорить долго. Стиринги, небольшой род, но опытный и мудрый в делах войны, останьтесь здесь вместе с невольниками. Разберите вагенбург и направьтесь к Средней Марке, только идите осторожно и без спешки. Каждую ночь выстраивайте укрепление и выставляйте часовых.

Знайте, что римляне обрушат всю свою мощь на бражный зал Вольфингов, считая, что, сделав это, они одержат победу над нами, ибо там, под крышей этого жилища, находится Солнце Крова и там проживает Тиодольф, наш князь. Поэтому все мы, кроме тех, кто останется с телегами, сядем на коней и поскачем, не мешкая, к Броду Битвы, чтобы напасть на врага ещё прежде, чем он перейдёт на западный берег реки. Ибо, как вы знаете, есть только один брод, по которому человек, идущий от Берингов, может пересечь Реку Бранибора. И, скорее всего, враг задержится у бражного зала Берингов, чтобы разграбить его и сжечь.

Постройтесь согласно вашим родам, и пусть Шильдинги идут впереди. Не мешкайте! А я отошлю гонца к Тиодольфу, чтобы передать ему вести, и выйду с вами. Гейрбальд, я вижу тебя, иди сюда!»

Гейрбальд стоял среди Шильдингов, и когда Оттер позвал его, он вышел вперёд, держа на поводу белого коня. За спиной юноши висел лук. Оттер сказал: «Гейрбальд, ты сей же час поскачешь сквозь лес, найдёшь Тиодольфа и расскажешь ему все новости. Пусть он прекратит преследование и не ищет новых римских отрядов, но пойдёт тем же путём, что и римское войско, через юго-восточные окраины Бранибора, даже если при этом за ним последуют другие римские отряды. Что бы ни случилось, пусть он ведёт готов наикратчайшей дорогой на защиту жилища Вольфингов. Вот моё кольцо, оно будет твоим знаком. Возьми его и иди скорее! Но сначала найди своего товарища Виглунда Лесника и возьми его с собой. Если один из вас погибнет, пусть второй донесёт послание. Не медли и не отдыхай, пока не передашь мои слова!»

Гейрбальд развернулся, ища глазами Виглунда, но тот уже был рядом, поэтому Гейрбальд взял кольцо, и они, не медля больше, поскакали в лес.

Вокруг вагенбурга всё пришло в движение – все готовились к походу, и вскоре войско двинулось в путь, ведь воинам оставалось только надеть доспехи да сесть на коней.

Они скакали вперёд, ко входу в Верхнюю Марку, род за родом, и гнали коней так быстро, как было возможно их гнать, не разбивая строй.

Глава XIX. К Тиодольфу приходит гонец

Сказывают, что Гейрбальд и Виглунд скакали по лесным тропам во весь опор. Они углубились в чащу, где росли грабы и падубы, а между ними очень высокий папоротник. Там Виглунду, который отличался острым слухом, показалось, что из леса доносится звук скакавшей навстречу лошади. Всадники спрятались, отведя коней за высокий куст падуба на случай, если это были римляне, спасшиеся после первой битвы. Звук приближался, и воины разобрали, что скачет лошадь крупной породы. Они решили, что это кто-нибудь из гонцов Тиодольфа – так и оказалось. Когда незнакомец подъехал ближе, воины разглядели сквозь деревья яркий шлем из тех, что носят готы, а чуть погодя по одежде всадника поняли, что он из рода Берингов, и наконец узнали в нём Асбиорна, отважного воина. Гонцы вышли вперёд, навстречу родичу. Увидев вооружённых людей, Асбиорн натянул поводья, но вглядевшись в лица, сразу же узнал их и, смеясь, произнёс: «Приветствую вас, друзья! Какие вести вы везёте?»

«А вот какие, – ответил Виглунд. – Очень хорошо, что ты нам встретился. Теперь ты развернёшься и приведёшь нас к Тиодольфу так скоро, как возможно».

Но Асбиорн, смеясь, ответил: «Нет, скорее вы развернётесь и пойдёте со мной. Что это у вас такие угрюмые лица?»

«Наши вести не из радостных, – сказал Гейрбальд. – А сам ты почему веселишься?»

«Я видел, как пали римляне, – ответил гонец. – И, возможно, вскоре увижу ещё раз. Я еду к Оттеру с поручением от Тиодольфа. Князь опросил нескольких пленных, взятых после Битвы на Холме, и узнал, что римляне отвлекали нас от своего основного войска, и теперь они нападут на Марку с юго-востока. Тиодольф сейчас спешит выйти на эту дорогу, чтобы либо догнать их, либо обогнать. Он просит Оттера немедленно скакать вдоль реки, и, если получится, присоединиться к его отряду. Может быть, римляне уже грабят жилище моего рода. Пожалуй, передав своё послание Оттеру, я поеду с ним, чтобы ещё раз взглянуть на этих поджигателей и убийц. Этому-то я и радуюсь. А какие вести у вас?»

Гейрбальд сказал: «Такие же, какие и у тебя. Наши поручения теперь бессмысленны, ибо Оттер не медлит, но уже едет со своим войском к поселению вашего рода, так что если ты поспешишь, то и в самом деле увидишь этих поджигателей и убийц – мы знаем, что римляне скоро будут в Средней Марке. Что же до нашего поручения, то оно заключалось в том, чтобы просить Тиодольфа сделать то, что он и так уже сделал. Вот ведь каких князей мы избрали! Каждый из них как будто читает мысли другого. А теперь давайте посоветуемся, что же остаётся делать нам. Поедем ли мы обратно к Оттеру с тобой или ты поедешь обратно к Тиодольфу с нами? Или каждый поедет своей дорогой?»

Асбиорн ответил: «Я поеду к Оттеру, как мне приказали, чтобы увидеть горящий бражный зал нашего рода и после отомстить за него римлянам. Прошу вас, друзья, поезжайте со мной. Ведь у Оттера мало людей, а ему придётся первым вступить в битву».

«Нет, – возразил Гейрбальд, – на меня не рассчитывай. Я послан к Тиодольфу. К нему я и поеду. Подумай, это ведь самое верное решение: Тиодольф только догадывается, какой дорогой пойдут римляне, а мы знаем наверняка. Наши вести подгонят его и не дадут повернуть назад, если с тыла зайдёт вражеский отряд. Что ты думаешь, Виглунд?»

Виглунд ответил: «То же, что и ты, Гейрбальд. Впрочем, что касается меня самого, я-то вполне могу вернуться с Асбиорном. Я бы хотел как можно скорее послужить своему роду в битве. Пожалуй, мы перебьём этих городских коршунов, и Тиодольфу нечем будет заняться, когда он присоединится к нам».

Асбиорн спросил: «Гейрбальд, ты хорошо знаешь путь через лес и пустошь на той его стороне, где находится Тиодольф? Скоро наступит ночь».

«Нет, не очень», – ответил Гейрбальд.

Асбиорн сказал: «Тогда я советую тебе взять Виглунда с собой. Он-то знает каждый ярд этих мест, где легко проехать, а где нет. К тому же, лучше найти Тиодольфа до того, как он покинет эти места. Не думаю, что он будет медлить, хотя он и осторожен, потому что не надеется на то, что Оттер отправится в путь раньше завтрашнего утра. Послушай, Виглунд, Тиодольф остановится на ночь на другом берегу реки, близ того места, где холмы обрываются отвесными утёсами, что носят название Ястребиного Гнезда. Под ними с востока течёт река. Впереди лежит восточная пустошь, по которой он и отправится в путь завтрашним утром. Идти по ней легко, и если ты поспешишь, то окажешься там ещё до того, как он выступит. Уверен, твои вести заставят его поторопиться».

«Ты прав, – согласился Гейрбальд, – не стоит медлить. Здесь наши дороги расходятся, прощай!»

«Прощай, – ответил гонец. – А тебе, Виглунд, я скажу на прощание вот что. Ты ещё успеешь увидеть римлян, сразиться с ними, а возможно, и погибнуть, ибо они и в самом деле могучие воины».

Гонцы, не медля больше, разъехались каждый своей дорогой. Гейрбальд и Виглунд мчались всю ночь, не разбирая пути, и на рассвете выехали из чащи. Виглунд хорошо знал лес, да и ехали они быстро, а потому ещё засветло добрались до Реки Бранибора. Войско уже начинало собираться, но ещё не выступило, и когда гонцы подъехали к берегу, их встретили Волчья Голова из рода Вольфингов, Хиаранди из рода Элькингов и ещё трое других, только что пришедших из долины рядом с большим холмом, где лежали раненые. Там Волчья Голова и Хиаранди ухаживали за Тоти из рода Бимингов, своим товарищем по оружию. Его сильно ранили в сражении, но он быстро поправлялся, и за его жизнь уже не опасались. Увидев гонцов, воины подъехали к ним, поприветствовали и спросили, хорошие или дурные вести они привезли.

«Ожидаемые, – ответил Гейрбальд, – и передать их можно в нескольких словах. Римляне в Средней Марке, Оттер скачет туда во весь опор. Он послал нас к Тиодольфу с просьбой зайти с юго-востока и напасть на римлян. Поэтому мы не можем задерживаться ни на минуту, а должны немедленно переговорить с Тиодольфом».

Волчья Голова сказал: «Мы отведём вас к нему. Он на восточном берегу реки со своим войском, которое вот-вот тронется в путь».

Все прошли вниз, к мелкому броду. Волчья Голова ехал за Гейрбальдом, а один из его спутников за Виглундом. Хиаранди шёл пешком – он был очень высок.

Когда они вошли в прозрачную воду, Волчья Голова возвысил голос и запел:

«Что за груз везёшь ты, конь, на своей спине?
Белый конь, что ожидает путников во тьме,
В непроглядной тьме времён? Битва или мир?
Погребальный ли курган или славный пир?
Солнце меркнет, ветер стих, на дороге пыль,
Сохнут и дрожат листья древа Иггдрасиль,
И белеет вдалеке великана кость,
Превращённая богами в дремлющий утёс».

Утро и в самом деле выдалось мрачным, серым и грозным. Где-то вдалеке гремел гром, и Ястребиное Гнездо выглядело бледным и страшным на фоне тёмного стального неба.

Редкие дождевые капли из рваного облака над головой зашлёпали по гладкой воде. Воины дошли до середины реки, до того места, где она расширялась. На восточном берегу, заметив движение маленького отряда, переходившего реку вброд, собрались люди. Голос

Волчьей Головы доносился через поток, и поэтому все с нетерпением ждали больших новостей.

Брод стал глубже, вода доходила Хиаранди до пояса и перекатывалась через седло Гейрбальда. Волчья Голова засмеялся, повернулся в седле, достав меч, взмахнул им с востока на запад и запел:

«Солнце, скрой своё лицо, спрячься, отвернись —
Ропот, крики, вопли, стоны сечи рвутся ввысь!
Там, где колосилась рожь, — там звенит клинок.
Стоптан, сломан колос, день сжался и поблёк.
О, хотя бы отблеск дай света твоего,
Чтобы видеть битвы путь там, где всё мертво.
Нам не нужен дождь с небес — ржавый дождь прольём
Мы на землю и мечом-молнией блеснём.
Мы пройдем через печаль, чрез ночную тень
И отвагой возвратим благодатный день».

Когда Волчья Голова допел, отряд уже прошёл мелководье и выбрался на берег. С людей и коней стекала вода. Все пришедшие, а также те, кто ждал на берегу, хором закричали, обрадовавшись встрече с друзьями, и подбросили вверх оружие. Тот, кто ехал за Виглундом, соскочил на землю. Волчья Голова остался сидеть на коне за спиной Гейрбальда.

Гонцы, окружённые встречавшими их воинами, двинулись вперёд. Они шли туда, где на камне под одиноким ясенем сидел Тиодольф. Позади него, на другом берегу петлявшей реки, отвесно поднималось Ястребиное Гнездо. Тиодольф сидел без шлема, но в гномьей кольчуге. Плуг Толпы лежал в ножнах на его коленях, и князь говорил о походном порядке то с одним, то с другим воином.

И вот, когда все пришли к нему, толпа расступилась, пропуская гонцов. К этому времени уже многие собрались, чтобы услышать, что их ожидает. Гонцы сидели верхом, один на белом, другой на сером коне. Волчья Голова соскочил на землю и стоял у поводка коня Гейрбальда. Чуть позади него, выше остальных на голову, остановился сухопарый Хиаранди. Рваное облако ушло на юго-восток, и дождь прекратился, но бледное солнце всё так же закрывали облака.

Тиодольф серьёзно посмотрел на прибывших и произнёс:

«Что нужно вам, сыны щита? Что вы
Хотите рассказать? Быть может, роды
В замысловатых городских силках
Запутались или петух поёт
На крыше дома, словно на насесте,
В своём кроваво-красном оперенье?
Не слишком ли мы поздно повстречались
С врагом угрюмым? Да, сдаётся мне,
Что вы сгибаетесь под грузом страшной вести».

Гейрбальд ответил:

«Зал Шильдингов стоит, омыт росой,
И руки воинов свободны от сетей,
Но точатся мечи, о, князь! Их много,

А мы несём послание – вступите
На путь, что приведёт вас к славной битве,
И не задерживайтесь в дождь или в грозу,
Чтобы потом не пожалеть. Вот слово,
Которое великомудрый Оттер
Вложил в мои уста: “Скорей спешите
Пройти той же тропой, что и чужие
Прошли, – по пустоши к прекрасным букам,
А там по незасеянной земле,
Где лисы хитрые себе находят пищу,
А там сквозь чащу по тропе, ведущей в Марку,
В жилище Берингов. Скорее, князь, скорей!”»

Тиодольф спокойно спросил: «А что же предпринял Оттер?»
Гейрбальд ответил:

«Когда в последний раз его я видел,
Он ехал по равнине вместе с войском,
И их доспехи лихо так стучали,
Как летний дождь стучит по твёрдой крыше.
Они по сторонам смотрели, но
И в сумерках, и в темноте скакали,
Одной мечтой окрылены – увидеть
Врагов прекрасной Марки. Так он ехал,
Тебе послав гонца, который молвит:
“О, князь, спеши к Медведю и не медли
Ни одного мгновенья, что б ни встретил
В пути, иначе ты придёшь к земле,
Засеянной мечами и покрытой
Багряным пламенем, союзником врагов”.

Не медли, Тиодольф, и не разворачивайся, если появится новый враг у тебя за спиной. Не задавай вопросы – мне больше нечего рассказать. Скажу только, что вести эти принесла нам женщина, которую Солнце Крова отправила вместе с другими наблюдать за дорогами. Некоторые из этих дозорных видели римлян. На нас идёт большое войско, а не мелкий отряд, пробирающийся украдкой, чтобы угнать скот».

Все собравшиеся вокруг слышали эти слова, произнесённые громким голосом, и все уже знали, какой приказ отдаст им князь, а потому, немедля разошлись осматривать оружие, чтобы вскоре собраться на месте, назначенном для их рода. Пока Гейрбальд говорил с князем, Хиаранди привёл человека с большим рогом в руках, чтобы он, когда Тиодольф вскочит на ноги и начнёт его искать, был уже рядом. Тиодольф приказал ему протрубить сбор, и все, понимая, о чём поёт рог, в спешке вооружались. Те, у кого были кони (а они были только у Берингов и Варнингов), оседлали их и вскочили в сёдла. Во время сбора из уст в уста передавались вести о том, что римляне добрались до Средней Марки и сжигают жилище Берингов. И войско быстро собралось, чтобы выступить в путь. Во главе его стояли Вольфинги. Тиодольф вышел вперёд, его подняли на большом боевом щите, который держало много мужчин, и он заговорил:

«О, сыны Тюра, раны ваши ноют,

Но в битве следует махать мечом
Не раз, не два, не три, а столько раз,
Сколько достаточно для доблестной победы.
И вас ждёт славный день, когда южан
Вы будете держать в своих руках,
Как рыбу в крепкой сети рыболова.
Вы многих победили на холме,
Но ещё больше их приходит с юга,
Из крепости приречной. Их ведут
Лишь трусы по тому пути, что мы
Должны пройти за ними, – по пустынным
Восточным землям, мимо буков в дом,
В котором пировали наши братья,
Сыны Медведя. И хотя вчера
Я знал об этом, всё же торопиться
Я не дерзал, пока спокоен Оттер.
Теперь же следует нам днём и ночью
Идти, чтоб закрутилось грозной битвы
Веретено и чтобы паутину
Могли мы доплести. И если вы
Поверите, что война глаза
Предвидят будущее, я скажу, что вижу:
Освобождённый радостный народ,
И чужаков, бегущих из земель
Прекрасной Марки, и великий зал,
Приют отцов, в который я привычно
Вхожу. Конечно, это лишь виденье,
Картинка, что перед глазами многих
Встаёт, когда враги стеной обступят,
Но верю я, что нет такой работы,
Которую мы выполнить не в силах,
И роды Марки завтра не угаснут,
И воины ещё десятки лет
Будут носить щиты, а девы в поле
Вести коров, и много раз жнецы
Успеют заточить серпы для жатвы
В те дни, когда высокая пшеница,
Как море, омывает бражный зал.
Легка наша работа на сегодня —
Мы выживем, врага преодолев,
Или умрём, разбив врага у дома».

После этих слов Тиодольф под громкий крик воинов, смешавшийся с угасающим вдали трубным гласом рога, спустился и пешком прошёл в начало отряда Вольфингов.

Всё войско выстроилось должным образом, и всего их было немногим более трёх тысяч человек. Все верные, испытанные в бою воины, которые не дрогнут, встретив в открытом поле самого опасного врага. Люди двинулись вперёд таким быстрым шагом, на который только способен пеший, но шли стройным порядком. Небо над их головами очистилось, хотя над миром всё ещё гремел далёкий гром. Гейрбальд и Виглунд присоединились к отряду

Вольфингов и шли пешком рядом с Волчьей Головой, а Хиаральди пошёл со своим родом, вторым в этом построении.

Глава XX. Оттер с отрядом приходит в Среднюю Марку

Оттер и его отряд шли вдоль Реки Бранибора, останавливаясь только для того, чтобы дать отдышаться лошадям. Наконец, ранним утром отряд прибыл к Броду Битвы. Там они пустили лошадей пастись – вода была близко, а на лугу росла сочная трава.

После недолгого отдыха, когда все перекусили тем, что было легко достать, войско пересекло по броду Реку Бранибора и направилось дальше вдоль её течения. Шли между лесом и рекой, но теперь продвигались медленнее, чтобы не утомить коней. Солнце уже стояло в зените, а готы ещё не миновали лес, разделявший Верхнюю и Среднюю Марки. День стоял жаркий и безветренный, и когда равнина Средней Марки, наконец, предстала перед ними, воины сразу заметили то, что и ожидали увидеть (ведь никто не сомневался в правдивости Хросхильды), – высоко в воздух поднимался прямой столб дыма. В сердцах воинов разгорелся сильнейший гнев, многие из них задрожали от ярости, но от страха не дрожал никто. Оттер вытянул правую руку, указывая на свидетельство опустошения и разорения. Войско не остановилось, но и не ускорило шаг. Все знали, что придут к месту* прежде, чем опустится ночь, и не хотели встречать римлян уставшими и измождёнными, а потому шли ровным шагом. Это были яростные, внушающие ужас воины.

Войску встречались и другие поселения, но все роды, жившие на восточном берегу между Берингами и лесной дорогой, кроме Гальтингов, были малыми. Чаща в этих местах подходила довольно близко к воде, почти не оставляя пространства для широких лугов. Гальтинги считались хорошими лесными охотниками, меньшие же Дома Геддингов, Эрингов и Витингов жили за счёт рыбной ловли в Реке Бранибора (как и Лаксинги Нижней Марки). Места для этого были подходящие: у речных островков часто встречались согреваемые солнцем песчаные мелководья, где метала икру форель, водившаяся здесь во множестве.

Оказавшись возле хижин Витингов, всадники готов увидели у ограды людей, по большей части женщин, возвращавшихся с лугов с животными. На холмах возле жилищ тоже собрался народ. Головы всех стоявших там были повернуты к знаку опустошения, висевшему в небе над равниной. Заметив войско, люди радостно вскинули руки, подбросив в воздух то, что держали, и до ушей всадников донёсся их пронзительный крик (по большей части там стояли всё женщины да мальчишки). Ниже по течению, на небольшом холме, собрался отряд юношей и невольников. Несколько человек из них сидели верхом на лошадях и были вооружены. Увидев приближавшееся войско, они повернулись и поскакали в его сторону, а подъезжая, закричали, радуясь встрече с сородичами. В войске и в самом деле оказались воины из их рода. В новом отряде были три старика (один совсем дряхлый с длинными седыми волосами), четыре долговязых парня лет пятнадцати да ещё четыре крепких невольника с луками и щитами, что держались позади парней. Найдя своих сородичей, они поехали вместе с ними.

Всадники скакали вперёд. Доспехи их бряцали, оружие лязгало, с высушенной солнцем, трясущейся от топота копыт земли поднималась пыль, и сердце длинноволосого старца заиграло от радости. Он вспомнил дни своей молодости, его старые ноздри почуяли аромат коней и сладковатый запах пота воинов, скачущих колено к колену по лугу, и старик громко запел:

«Сильный скачет рядом с сильным на коне,
Солнце блещет и трепещет в синеве,
И поёт лихую песню в ножнах меч,
Шлем и щит ведут беседу – скоро сечь,
Скоро битва, скоро гибель – торжество,

И слова уже не значат ничего,
Ничего уже не значит, сколько им,
Павшим будет: восемнадцать – сотня зим.

Там, у берега стремительной реки,
Нет, не девушки пололи сорняки,
Нет, не девушки сжигали лишний сор —
Полыхает там чудовищный костёр —
Бражный зал пылает Берингов, где мы,
Утомившись от охоты и войны, Пили мёд в заздравных чашах.
Ныне там
Разгуляться есть где яростным врагам.

Им особый приготовлен, страшный пир —
Дети наши, наши жёны – и весь мир,
Дорогой, любимый нами. Кони – вскачь,
Пусть не радуется пламенный палач.
На работу, словно в поле, мы идём —
Жать и сеять топором, стрелой, мечом
И тела врагов увязывать в снопы —
Будут помнить в Риме готские серпы!»

Так он пел. Когда же песня смолкла, его сородичи и те, кто ехал рядом, громко закричали. Крик этот был подхвачен всем войском, хотя большинство и не знало, почему остальные кричат. Всадники, пришпорив лошадей, теперь ехали по лугу быстрым шагом.

Время шло, и войско продвигалось вперёд, пока не достигло поселения Эрингов. Там они не встретили ни животных, ни женщин – весь скот женщины уже угнали за ограду. Все, кто не годился к войне, стояли у дверей и смотрели на Марку, туда, где поднимался дым от бражного зала Берингов. Увидев готское войско, они тоже издали приветственный крик. А вдоль реки навстречу подъезжавшим направился отряд из двух стариков, двух молодых воинов, их сыновей, и двенадцати невольников с длинными копьями. Все они были верхом. Они смешались со своими родичами, и войско, даже не остановившись, продолжило свой путь по лугу. И всё так же поднимался в небо столб дыма, широкий и чёрный сверху и слегка красноватый посередине.

Затем войско прибыло к жилищу Геддингов. Коровы и овцы там тоже были уже отведены за ограду, а вооружённые воины лежали или стояли на берегу реки. Они разговаривали и весело пели точно так же, как в мирное время. Заметив приближавшееся войско, они с криком вскочили на ноги и сразу же сели на коней. Этот отряд был больше других, да и Дом Геддингов был крупнее тех Домов, что готы проезжали ранее. Общим счётом к воинам Марки примкнули семь стариков, десять юношей и десять невольников с длинными копьями, как у Эрингов. Не успели они влиться в ряды своих сородичей, как воины увидели, что к ним приближается большой отряд – отряд Гальтингов. В их числе было даже десять воинов в расцвете сил. Оказалось, что они задержались на охоте и опоздали на сбор войска. С ними было восемь стариков, пятнадцать юношей и восемнадцать невольников. Юноши и невольники кроме мечей, которыми были подпоясаны все, имели ещё и луки. Зато свой конь был не у каждого, так что некоторые ехали за спиной у других. Этот отряд тоже с громкими криками присоединился к воинству. С собой у них был большой рог, в который они трубили всё время, пока не заняли своё место в строю. Их сородичи остались в войске Тиодольфа, и Гальтинги встали следом за Шильдингами.

Теперь все отряды ехали вместе, и после того, как они миновали жилище Гальтингов, между ними и горевшим бражным залом Берингов не осталось поселений, да войску и не нужна уже была ничья помощь. Ни скота, ни пастухов не было видно – оставшиеся дома Гальтинги готовились покинуть бражный зал и, если придёт в этом нужда, укрыться в диком лесу. Но вскоре после того, как воины миновали эти места, к ним вышли двое парней лет двадцати и крепкая девушка, их сестра. Из оружия у этих троих были только короткие копья и кинжалы. Сами они были мокрыми, с них стекала вода – они только что выбрались на берег из Реки Бранибора. Юноши эти и девушка были из Дома Вольфингов. Они пасли небольшое стадо овец на западном берегу, когда увидели приближавшееся готское войско, и, не сумев сдержаться, полезли на конях в воду, чтобы перебраться к своим сородичам и либо умереть с ними в бою, либо выжить с ними. Сказывают, что эти трое, хотя и были почти безоружными, сражались в последующих битвах, и уцелели, и ещё долго жили после, но больше о них поведать нечего.

Вскоре после того, как войско прошло бражный зал Гейрингов, воинам стали видны в клубах дыма языки пламени. Сам же дым истончился, будто огонь уже поглотил всё и теперь, свирепствуя, пожирал самого себя. Немного погодя воины поднялись на небольшую возвышенность, с которой увидели луг Берингов и расположившихся на нём врагов. Спустя ещё какое-то время они взобрались на следующий холм и разглядели сожжённые хижины и римлян, выстроившихся боевым порядком. Здесь готы остановились, чтобы дать лошадям передохнуть. Теперь они видели, что множество римлян тесным строем стоят между бродом и сгоревшим поселением, немного ближе к броду, и что до них остаётся меньше мили. Другие римляне выходили из горевших строений, видимо, закончив свою работу, но пленных готы не видели. Были и ещё римляне, которые вместе с людьми в одежде готов ходили вдоль речного берега, словно бы в поисках брода.

Оттер ждал недолго. Он махнул рукой и поскакал вперёд, и войско последовало за ним. Подъехав ближе, Оттер, очень опытный в делах войны, осмотрел римлян и решил, что перед ним большое войско, основная часть сил противника, гораздо больше его отряда. Да и римляне уже выстроились, приготовившись к бою, и теперь только ожидали врага. Оттер понял, что ему надо быть очень осторожным, чтобы понапрасну не лишить жизни всех своих людей и не умереть самому.

Оттер остановил отряд, когда до римлян оставалось около двух фарлонгов. Враги не тронулись с места, но их всадники и пращники вышли с флангов и устремились в сторону готов. Через три-четыре минуты они уже были на расстоянии выстрела. Тогда лучики готов, соскочив с коней, натянули тетиву, приставили стрелы и выстрелили, убив и ранив многих из числа всадников. Римляне сначала продолжали ехать, не обращая внимания на обстрел, но через минуту-две натянули поводья и медленно двинулись назад, к войску. Пращники слегка замешкались, когда всадники покинули их. Кроме того, их сдерживали лучники готов.

Оттер обернулся к войску и подал хорошо известный всем знак. Воины сошли с коней. Спешившихся десятиначальники и стона начальники расставили клиновидным порядком с лучниками по флангам. Оттер, глядя на это, улыбался. Римляне не стали им мешать, ведь в их глазах готы были лёгкой добычей – всего лишь кучкой дикарей.

Когда клин был выстроен, Оттер, всё ещё оставаясь в седле, вновь обратился к воинам. Речь его была отрывистой и резкой. Вначале он спросил: «Готы! Хотите ли вы вновь сесть на коней и ускакать в лес, чтобы он укрыл вас, или вы вступите в бой с этими римлянами?»

Ответом ему был дружный крик и звон оружия о щиты.

«Это хорошо, – произнёс Оттер, – ведь мы уже близко к ним. Думаю, враг пойдёт на нас, так что мы должны будем либо выдержать их удар, либо развернуться к ним спиной. Но сражайтесь осторожно: если нас разобьют, то могут разбить и Тиодольфа. Вот что мы попробуем сделать: мы вклинимся между ними и бродом, и если это у нас получится, мы

будем сражаться, пока один за другим не погибнем. Если же не получится, то мы должны сохранить свои жизни, но нанести врагу такой урон, какой сможем, не кидаясь в рукопашную, и так ждать прихода Тиодольфа. Если мы не встанем между ними и бродом, то никак не сможем помешать им перейти реку. Всё это я говорю вам, чтобы вы следовали за мной, сдерживая свой гнев и сохраняя свои жизни до того, пока не придёт время».

Сказав это, Оттер спешился, вытащил меч и, встав во главе клина, медленно повёл воинов вперёд. Невольники и юноши взяли коней под уздцы, чтобы оставить их в лесу, который был совсем близко.

Оттер вёл воинов вниз, к броду. Когда римляне увидели это, их основное войско начало боком, как краб, двигаться им наперерез. Оттер пошёл быстрее. Его люди, обученные военному делу, не разбивали строя. К этому времени римляне-поджигатели подошли к своему основному войску, и римский военачальник сразу же послал их на готов. Поджигатели, а это была большая группа людей, вооружённых луками и пращами, смело приблизились. Рассыпавшись, они начали стрелять в клин, убив и ранив многих. Но Оттер не остановил войско, хотя оно и оказалось в невыгодном положении, обнажив перед римлянами не прикрытый щитами бок. Не дерзнул Оттер и вывести своих лучников из клина, чтобы римляне, которых было больше, не атаковали их врукопашную. Он пристально смотрел на основное вражеское войско, на то, что они делали, и наконец ему стало ясно, что они раньше, чем готы, подойдут к броду. Он понял, что они нападут на готов, и тогда легковооружённые римские воины, которые сейчас обстреливали его людей, окажутся с фланга и с тыла. Это не сулило ничего хорошего – они разобьют его строй, и всё будет потеряно. Оттер замедлил шаг, а римляне двигались всё так же быстро, и их легковооружённые воины атаковали смелее, приближаясь к готам и всё плотнее смыкая строй, словно собираясь напасть. Как раз в это время Оттер передал по рядам команду и, взмахнув мечом, резко повернул направо, напав всем своим клином на сгрудившуюся толпу легковооружённых. Готские лучники вышли вперёд из-за правого фланга клина и начали быстро и метко стрелять, а лучники с левого фланга побежали, пока не оторвались от клина и не оказались с фланга римских легковооружённых воинов. Римляне, очутившись между мечами и копьями готов с одной стороны и острыми стрелами с другой, не знали, куда повернуть. Началась бойня, и только счастливицам удалось спастись бегством.

После этой атаки, когда римский отряд был разбит, Оттер не остановился, а помчался через поле к коням. На самом деле, он думал, что основное войско римлян последует за ним, но этого не произошло. Римляне стояли на месте, ожидая, пока выжившие в первой схватке не присоединятся к ним. Это было большой удачей для готов, потому что они немного разбили строй во время битвы со стрелками врага. Воины не впали в дикую ярость, но и не щадили себя. В их сердцах засела горькая злость. Они видели, как рушится крыша горящего бражного зала Берингов, разбрасывая в стороны снопы искр. Остались стоять только обгоревшие стены, которые лизали маленькие язычки пламени. Стены не загорались лишь из-за того, что пространство между брёвнами каркаса было заполнено глиной, которую огонь огибал. Они видели, что все другие постройки, вплоть до самой маленькой хижины невольников, либо горели, либо уже тлели, горели даже амбары и сараи, от малых до больших.

Так как жителей Марки было намного меньше, чем основного войска римлян, и так как это самое войско сохранило правильный порядок, можно было не сомневаться, что готы с трудом выдержали бы натиск противника, если бы тот напал. Но римский военачальник не собирался атаковать. Хотя он и отличался смелостью, это была смелость волка, что нападает, когда голоден, и старается избежать сражения, когда сыт. Он обладал властью в своём городе, был молод и очень богат и хорошо знал, что огонь жжётся. Он пошёл на войну, чтобы стяжать славу, но в его планы не входило погибать в Марке ни ради города Рима, ни ради чего-то ещё. Он охотнее бы жил ради себя самого. Он пришёл сюда, надеясь на лёгкую победу и славу. Это

принесло бы ему ещё больше богатств и владений в Риме. Он охотно принял бы в награду что-нибудь из награбленного у дикарей (какими считал готов), то, что выбрал бы сам, и одну или двух красивых женщин. Этот человек думал так: «Я пересеку брод, достигну жилища Вольфингов, заберу оттуда племенные ценности и укреплюсь там, а потом перебыю этих дикарей с малыми потерями и уйду оттуда без опаски с полными руками, даже если Мений со своим отрядом не придёт ко мне на выручку, а он наверняка придёт. А что касается этих сердитых людей, у них не занимать сил и воинского умения, но вспомним старую пословицу, которая гласит: “Облегчи отступление побитому врагу”*, так мы сохраним больше римских жизней. Пусть они возвращаются, если захотят, но лишь после того, как мы обнесём свой лагерь частоколом, превратив его в крепость. Тогда можно будет начать переговоры с их командиром».

Надо сказать, что он не знал о поражении римлян на холме, не знал он наверняка и сколько воинов могут собрать жители Марки. Он судил об этом только по рассказам предателей, и хотя он взял в плен двух женщин близ леса, но не добился от них ни слова, ведь они поступили так, как советовала им Солнце Крова. Когда они поняли, что их будут допрашивать под пытками, они пронзили себя маленькими острыми ножами, отправившись к богам.

Так римский военачальник отпустил войско Марки и повернул к броду. Готы же теперь медленно шли к своим коням. Многие, конечно, были недовольны Оттером. Они говорили, что нехорошо пройти так много, скакать во весь опор и в конце концов так мало сделать. Знай они это заранее, они бы ослушались приказа Оттера, считая, что он поступает неверно. Ведь теперь римляне переправятся через реку и пойдут к бражному залу Вольфингов, и никто их не остановит. Они сожгут все постройки, убьют стариков и невольников, уведут всех женщин и детей, а с ними и Солнце Крова, сокровище Марки. Они не знали, что небольшой отряд легковооружённых римлян уже пересёк брод и напал на поселение Вольфингов, но старики, юноши и невольники этого рода атаковали римлян, когда те запутались между холмами и оврагами, одержали над ними победу и многих убили.

Оттер и его люди добрались до того места, где паслись кони, когда солнце уже начало клониться к закату, и отвели их на возвышенность неподалёку от леса. Там они, как смогли, возвели ограду, пустив в ход брёвна и копья. Коней тоже разместили по кругу. Затем они выставили дозор и, усталые, укрылись внутри. Когда наступила ночь, огней зажигать не стали. Съев все те немногие запасы, что у них остались, воины заснули и проспали до самого утра, доверясь дозорным. Римляне не стали переходить реку в ту ночь. Они боялись идти вперёд по незнакомому броду, ведь это было опасно, и ждали на берегу реки, собираясь переправиться через неё только после рассвета.

Оттер потерял около ста двадцати убитыми и ранеными, но ему удалось унести с собой и тех, и других. Неизвестно, сколько было убитых римлян, но в том сражении пали многие легковооружённые воины, ведь атака готов была быстрой, да и стреляли они метко.

Глава XXI. Сражение у брода

Сумрачным утром Оттер, проснувшись, отправился к дозорным, а затем сел на коня и осмотрел долину. Её всё ещё скрывал туман, поэтому вначале ничего не было видно, но потом князю показалось, что он замечает какое-то движение со стороны реки чуть выше брода. Он поскакал туда и наткнулся на парня пятнадцати лет, почти голого, в одних штанах, и мокрого – он только что вылез из воды. Оттер натянул поводья, и парень спросил его: «Ты князь?» – «Да», – ответил Оттер.

Парень сказал: «Я Али, сын Серого. Меня послала Солнце Крова, чтобы я передал тебе следующие слова: “Идёшь ли ты? Идёт ли Тиодольф? Ибо я видела крышу красной в солнечном свете, словно окрашенной киноварью”».

Оттер ответил: «Ты вернёшься под кров Вольфингов, сын?»

«Сразу же, отец», – кивнул Али.

«Тогда передай ей: “Тиодольф на подходе. Когда он придёт, мы оба нападём на римлян у брода или на лугу у дома Вольфингов”. Но скажи ей также, что я недостаточно силен, чтобы преградить римлянам путь через реку».

«Отец, – проговорил Али, – Солнце Крова спрашивает: “Ты опытен в войне, скажи нам, оборонять ли бражный зал, пока вы не придёте к нам на помощь? Мы уже разбили передовой отряд римлян. У нас есть те, кто может держать оружие, но, похоже, основное римское войско разобьёт нас, прежде чем вы придёте на помощь. Не лучше ли покинуть зал и укрыться в лесу?”»

«Это верный вопрос, – ответил Оттер. – Возвращайся, сын, и передай Солнцу Крова, чтобы она не очень-то надеялась на защиту стен, потому что у римлян большое войско, и сегодня даже с приходом Тиодольфа готам будет нелегко. Пусть она поторопится, чтобы эти грабители не настигли её в скором времени. Пусть заберёт лампу, чьё имя носит, стариков, детей и женщин, и пусть те, кто может сражаться, охраняют их в лесу. Более того, слушай, быть может, пройдёт ещё около шести часов, пока придёт Тиодольф. Скажи ей, что я брошу жребий на жизнь или смерть и взбудоражу этих римлян, чтобы у них было чем заняться, кроме как сжигать стариков, женщин и детей в их домах. Тем временем она сможет беспрепятственно добраться до леса. Ты всё запомнил? Тогда ступай своей дорогой».

Но парень, покраснев, задержался и, глядя в землю, произнёс: «Отец, я переплыл реку и, достигнув этого берега, скрытый туманом, прополз сквозь камыши к тому месту, где стоят римляне. Я близко подобрался к ним и подглядел за ними. И увидел, что они уже готовы перейти реку. Теперь твоё время делать то, что ты считаешь нужным».

Сказав так, он развернулся и удалился походкой жеребёнка, никогда не знавшего узды и побоев.

Оттер быстро поехал назад, поднял нескольких человек, которым доверял, и попросил их разбудить командиров и всё войско, приказав как можно быстрее и тише седлать коней. Так они и поступили. Никто не задерживался – все спали чутко, а некоторые уже просыпались. Скоро воины сидели верхом. Туман низко стелился по лугам, утро было холодным и безветренным. Оттер приказал ехать как можно тише, чтобы застать римлян врасплох. Но в пылу сражения готам ни в коем случае нельзя было пробиваться в глубь римских рядов. Воины должны были внимательно слушать и, услышав сигнал, разворачиваться и скакать назад. Все поехали вниз, к реке. Их вели опытные проводники.

Римляне и в самом деле собирались пересечь брод, после того как рассеется туман. На берегу он уже таял, становясь всё тоньше и тоньше. С северо-востока подул лёгкий ветерок, и вскоре должно было взойти солнце. Более того, каменистое место, где стояли римляне, было чуть выше, чем луг, где туман всё ещё висел, словно белая стена.

Римляне и готы-предатели уже полностью приготовились к переправе. Они воткнули в воду колья от берега к берегу, обозначив безопасный путь, и некоторые из легковооружённых воинов, как и большинство готов были уже в воде или на лугу Вольфингов вместе с большей частью припасов и телег. Остальное войско выстроилось в правильном порядке, отряд за отрядом, и ожидало приказа войти в воду, а их военачальник стоял на берегу возле главного знамени с изображением их бога.

Внезапно один из предателей-готов, стоявший неподалёку от командира, закричал, что слышит конский топот, но кричал он на готском языке, и на него не обратили внимания. В тот же миг старый сотник закричал о том же самом на языке римлян, и все схватились за оружие, но прежде чем они успели развернуться лицом к лугу, из тумана посыпался шквал стрел, поразивший многих прямо на месте. Сразу же раздался гул рога жителей Марки, словно рёв сотен быков. Он смешался с грохотом скакавших во весь опор лошадей, и в темноте, над стеной тумана, показались плюмажи шлемов всадников Марки, хотя их коней почти не было видно до тех пор, пока весь отряд не ворвался, тёмный и сверкающий, на возвышенность, где туман уже превратился в лёгкую дымку, наискось пересечённую лучами только что взошедшего солнца.

Вновь посыпались стрелы, но теперь в сторону римлян вместе с ними летели ещё дротики и копья. На этот раз римские ряды развернулись лицом к лугу, и шквал стрел разбился об их крепкие щиты. В ответ римляне метнули копья, но из-за спешки никто не разбирал цели, и поэтому мало кто из готов погиб. Римский военачальник не хотел всерьёз сражаться с готами из-за того, что считал это бессмысленным. Он всё больше и больше верил в то, что перед ним единственный представлявший угрозу неприятельский отряд. Он приказал тем, кто стоял ближе всех к броду, не обращать внимания на атаку нескольких всадников-дикарей, а войти в воду, чтобы быстро, если это удастся, заманить врага в свои ряды и уничтожить его. Но готы не стали нападать на римлян в лоб, а пронеслись мимо, как буря, атаковав в том месте, где рядов неприятеля было меньше всего, убили нескольких римлян, других загнали в воду и нарушили римский строй.

Теперь римскому командиру пришлось выстраивать всех заново для суровой рукопашной битвы. Туман полностью рассеялся, солнце палило вовсю. Римляне сомкнули ряды, и первый ряд бросил копья, убив готов и коней под ними, когда те скакали вдоль неприятельского фронта, метая свои дротики. Второй ряд римских воинов занял место первого и в свою очередь бросил копья. Те римляне, что зашли в воду, вернулись обратно, встав позади остальных. С ними пришло и много легковооружённых воинов. Теперь всё войско потекло вперёд с таким видом, будто их строй невозможно разбить. Но Оттер не стал ждать их атаки, поскольку уже потерял нескольких своих людей и не желал биться с римлянами врукопашную. Он сделал знак, и его отряд разъехался вправо и влево, продолжая держаться от неприятеля на расстоянии пущенной из лука стрелы, чтобы лучники обстреливали римлян.

Пешие римляне не могли преследовать всадников. Их собственные кони оставались вместе с припасами на западном берегу, но если бы они и были здесь, то мало помогли бы, как прекрасно понимал римский командир. Поэтому римляне постояли немного, свирепо глядя в сторону готов, а затем медленно пошли обратно к броду под прикрытием легковооружённых воинов, стрелявших в готов, когда те проносились мимо, но не вступавших с ними в схватку.

Оттер и его армия снова последовали за римлянами, причиняя им незначительный вред. Наконец, они подошли так близко, что римляне снова бросились в атаку, но удар, как и в первый раз, пришёлся по воздуху. Готы не стали с ними сражаться, поскольку Оттер, не желавший отступать, в то же время не хотел, чтобы его люди смешались с римскими воинами. Наконец, римляне, видя, что Оттер не попадает в расставленную ловушку, и устав от боя, начали мало-помалу входить в воду, оставив для прикрытия сильный отряд. Оттер

понял, что больше не может им помешать. Он потерял уже многих людей и опасался попасть в ловушку и потерять всех. Уже наступил полдень, а значит, он дал достаточно времени оставшимся дома Вольфингам, чтобы они успели укрыться в лесу. И теперь он отъехал от врага на расстояние выстрела из лука и велел своим людям дать передышку лошадям, отдохнуть самим и перекусить, чем все с радостью и занялись, понимая, что не смогут сражаться с римлянами на жизнь или на смерть, пока не подойдёт Тиодольф или пока они не узнают, что он уже близко. В это время основное римское войско пересекало брод, и вскоре римляне уже собрались вместе на западном берегу и начали подготовку к нападению на Вольфингов. А следует сказать, что римский командир после разгрома его легковооружённых воинов окончательно утвердился в своём намерении захватить их бражный зал. Он считал, что его удерживают крепкие воины рода, а не кучка стариков, женщин и мальчишек, поэтому не боялся, что они сбегут. Более того, ему представлялось, что он встретит там сильный отряд, а потому он считал, что не стоит ожидать нападения других воинов Марки, кроме отряда Оттера и защитников бражного зала Вольфингов.

Глава XXII. Оттер атакует против своей воли

Возможно, то же самое размышление заставило римского командира не выставять охрану у брода на западном берегу Реки Бранибора. Римляне задержались там меньше, чем на час, а затем ушли. Оттер послал человека на быстром коне, чтобы тот наблюдал за ними, и когда прошло полчаса после их отъезда, а вокруг всё было спокойно, Оттер приказал воинам сесть на коней, и войско готов выступило в путь. Реку перешли все, кроме горстки юношей и стариков, оставшихся, чтобы встретить Тиодольфа и передать ему новости.

Войско Оттера пересекло реку и ровным строем поднялось на западный её берег (было примерно три часа после полудня), но там оно пробыло недолго. Вскоре Оттер заметил движение со стороны Берингов. Это были первые воины Тиодольфа, всадники Берингов и Вормингов (они оторвались от тех, кто шёл пешком). Выйдя из лесу, всадники наткнулись на оставшихся на левом берегу. Легко можно представить, как ужасна была их ярость, когда они увидели вместо своего дома лишь тлеющие угли. Даже когда воины Оттера рассказали им всё, что могли, немногие всадники захотели остаться на месте. Большинство поскакало к пожарищу, чтобы найти тела своих родственников. Но прибыв на место и не найдя посреди пепла костей, они смягчились, впрочем, ненадолго. Они совершенно потеряли голову от ярости, так что едва держались в седле. У некоторых из глаз катились крупные слёзы, со стуком, словно камни, падавшие на землю, — так сильно желали они пустить римскую кровь. Всадники вернулись туда, где оставили своих сородичей разговаривать с воинами Оттера. Хмуро смотрели они на товарищей. Тот, что вернулся от пепелища первым, махнул рукой в сторону брода, но не смог вымолвить ни слова. Вождь Берингов, седовласый великан по имени Аринбиорн, окликнул его: «Что там, Свинбиорн Чёрный? Что ты там видел?»

Воин ответил:

«Наш древний бражный зал! Сгорело всё!
Очаг холодным стал, а возвышеньё
Окрасилось в цвет крови. Не могу
Узнать отцовский дом и даже вспомнить,
Каким он был. Высокой стала крыша —
До неба, стены шириною с луг,
И солнечных лучей сверкают блики
На всём. Такой приметной не бывало,
Такой слепящей краски, как сейчас.
Везде играет пламя, кольца дыма
Взмывают ввысь. О, славно разукрашен
Для пира бражный зал! Для пира битвы!»

Аринбиорн спросил его: «Что ты видел, Свинбиорн, там, где во время пира сидел твой дед? Что там, где лежали кости твоей матери?»

Свинбиорн ответил ему:

«Мы обыскали пиршественный зал,
Но не нашли костей ни стариков,
Ни юных родичей. О, жадности врагов
Предела нет, и выпустить добычу
Они не захотели. Может быть,
Седые наши старцы ещё живы

И живы юноши, и все они бредут
В жестокую страну, на юг, и вскоре
Их в городе на рынке продадут».

Лицо Аринбиорна слегка просветлело, но прежде чем он успел что-нибудь сказать, вперёд вышел дряхлый невольник из рода Гальтингов и молвил:

«Правда, о, воины Берингов, в том, что мы вряд ли увидим готов, пленённых римлянами, что пришли сжигать дома. Скорее всего, они пересекли реку ещё до того, как сюда явились римляне, и теперь вместе с Вольфингами прячутся в диком лесу, который начинается от бражного зала ваших соседних родичей. Мы слышали, что князь не позволил Солнцу Крова вести свой отряд на врага, чтобы случайно не оказаться лицом к лицу со всем римским войском».

Свинбиорн подбросил в воздух свой меч, поймал его за рукоять и закричал: «Вперёд, вперёд, на луга, где нас ждут эти грабители!» Аринбиорн, не сказав ни слова, повернул своего коня и поскакал к броду, а все всадники последовали за ним. У Берингов была сотня воинов без одного, а у Вормингов – восемьдесят да ещё семь.

Так они проскакали через луг, добрались до брода и перешли по нему реку. Отряд Оттера стоял на противоположном берегу, ожидая их и приветственно крича, но всадники пересекали реку молча.

Когда отряды встретились, Аринбиорн прошёл в круг воинов Оттера и закричал: «Где же Оттер? Где князь? Жив он или погиб?»

Толпа расступилась перед ним, и он оказался лицом к лицу с Оттером. Аринбиорн сказал: «Ты жив и не ранен, князь, тогда как многие были ранены и убиты. Сдаётся мне, твой отряд несильно поредел, тогда как род Берингов лишился крыши над головой. Его старики, женщины и дети уведены в плен. Что же это? Может быть, совсем неважно, что эти воровобродяги могут сжечь и опустошить Среднюю Марку, а потом безнаказанно уйти, раз вы тут так спокойно стоите. На ваших мечах нет ни капли крови, и вы даже не вспотели?»

Оттер ответил ему: «Ты горюешь по потере своего рода, Аринбиорн. Но хорошо хотя бы то, что ты потерял лишь деревянные стены, а не плоть и кровь – лишился скорлупы, но сохранил ядро. Твой народ сейчас в лесу вместе с Вольфингами, и многие из них смогут при случае вступить в бой. До времени они в безопасности. Римляне не доберутся до них и не причинят им вреда».

Аринбиорн спросил: «У тебя что, было время узнать всё это, Оттер, когда вы так быстро бежали от римлян, что отец забывал о сыне, а сын об отце?»

Он говорил так громко, что многие слышали его, и некоторые считали дурным знаком то, что друзья гневались друг на друга, что между ними возникала распря. Другие же настолько рвались в бой, что слова Аринбиорна показались им верными, и они засмеялись от гордости и гнева.

Оттер был опытен и храбр, и он ответил Берингу мягко: «Мы не бежали, Аринбиорн. Разве бежит меч, когда он, отскочив от железного шлема, поражает шерстяную куртку? Разве мы сейчас не полезнее вам, люди Берингов, чем были бы наши мёртвые тела?»

Аринбиорн не отвечал, но лицо его покраснело, словно он старался поднять что-то очень тяжёлое. Оттер спросил: «Когда же к нам придёт Тиодольф с основным войском?»

Аринбиорн холодно ответил: «Возможно, менее чем через час, а возможно, и более».

Оттер сказал тогда: «Мой совет: дождёмся его здесь. А когда мы все соберёмся и построимся, то сразу нападём на римлян, ибо тогда нас будет уже больше, чем их. Ведь сейчас нас гораздо меньше, и, к тому же, они находятся в более выгодном положении».

Аринбиорн промолчал, но один старик из Берингов, некто Торбиорн, вышел вперёд и произнёс: «Воины! Мы тут всё говорим да говорим, хотя и не освящали тинг, чтобы можно

было решать, что нам следует делать, а чего не следует. Такие разговоры не подобает вести воинам, они под стать старухам, препирающимся из-за разбитого горшка. Пусть командует князь, и тогда всё будет верно и правильно. Впрочем, если бы мне дали слово, и я не боялся бы нарушить мир в стане готов, то сказал бы, что нам лучше сразу же напасть на римлян, прежде чем они успеют окружить свой лагерь рвом. Ведь Рыжий Лис говорил, что таков их обычай. Если это верно, то за час они многое успеют сделать».

Во время речи старого Беринга раздавались одобрительные выкрики. Оттер был огорчён и ответил резко: «Торбиорн, ты стар и, должно быть, лишился благоразумия. Тебе бы лучше сидеть сейчас в лесу вместе с женщинами и детьми, как и подобает твоей древней мудрости, а не подбивать тут юных воинов на неосторожный шаг. Я буду ждать Тиодольфа здесь».

Торбиорн покраснел и обиделся, а Аринбиорн не выдержал: «К чему всё это? Пусть князь правит по своему праву. Но я воин из отряда Тиодольфа, а он приказал мне поторопиться, чтобы суметь сделать то, что будет в моих силах. Делай, что хочешь, Оттер, ибо Тиодольф будет здесь через час. Даже если за этот час вы и успеете хорошо подготовиться, вы не убьёте ни одного врага, а ведь римляне прекрасно вооружены и убивают женщин и детей. А если все женщины Берингов были убиты, разве сможет Тюр сделать нам новых из лесных камней, чтобы связать нас узами брака с Гальтингами да родами рыболовов? А ведь это так просто! Гораздо проще, чем сразиться с римлянами и поразить их!»

Он впал в большой гнев и, закончив свою речь, отвернулся под шум и выкрики, слышавшиеся вокруг. Никто не сдерживался. Свинбиорн, до того тихо говоривший что-то одному из воинов помладше, теперь потряс обнажённым мечом в воздухе и громко запел:

«Медведи битвы, ждите чуда здесь,
Червя потомки, можете сидеть
Без дела! О, ползите, роды, прочь
От бури! Вы глаголите, что вскоре
Закончится она, и, выйдя к тучной пашне,
Мы будем жать мечом пшеницу. Где же, где
Тот угол, что укроет вас от молний?
Где спрячутся от бури медвежата?
От снежных гор до побережья враг
И в дикие леса проник, и в поле,
А в городах его, на юге, как быки,
Рабы ярмо неволи тянут! Знайте!
Я отправляюсь в поле сеять зёрна
Тех дней, что не настали! К делу, к делу!»

Свинбиорн размахивал над головой мечом, и казалось, что он через мгновение пришпорит коня и полетит вперёд. Но Аринбиорн пробился сквозь толпу, встал перед ним и сказал: «Никто не пойдёт прежде Аринбиорна Старого, если битва вершится на лугах его рода. За мной, сыновья Медведя, и вы, сыновья Червя! Идите и вы, все те, кто хочет увидеть, как умирают отважные воины!»

Он, не оглядываясь, поскакал вперёд, и всадники Берингов и Вормингов вышли из толпы и с топотом помчались через луг следом за ним в сторону жилища Вольфингов. С ними поехало и ещё несколько человек, впрочем, совсем немного. Воины помнили священное народное собрание, клятву князя и тот миг, когда они избирали Оттера своим предводителем. И всё же каждый смотрел на своего соседа искоса, словно стыдясь того, что остался позади.

В мгновение ока Оттер решил про себя: «Если они поедут в одиночку, то погибнут ни за что. Если же и мы отправимся с ними, то может случиться так, что мы разобьём римлян, а если будем повержены, то, как бы трудно нам ни пришлось, убьём многих из них и облегчим Тиодольфу его задачу».

Он быстро отдал приказы воинам, которые должны были остаться у брода и охранять его, а затем, обнажив свой меч, поскакал к фронту войска. Он кричал: «Наконец-то пришло время умереть и позволить тем, кто будет жить в Марке после нас, насыпать над нами курган. Вперёд, дети Тюра, постарайтесь не растратить свои жизни впустую, враг должен дорого за них заплатить!»

Все громко и радостно закричали, и радость эта была искренней. Теперь воины уже забыли всё счастье жизни, кроме счастья, которое можно испытать в бою за свой род и за грядущие дни.

Оттер повёл своих людей вперёд и, услышав, как они топчут и громяхают по земле, следуя за ним, почувствовал, что мощь их, мощь всего войска, передаётся ему. Его старческое лицо просветлело, а тревожные морщины сами собой разгладились. Он скакал вперёд и чувствовал, как душа его молодеет, и тогда он запел:

«Моё сердце пело и плясало
Каждый день и каждый летний час
Юности, и было ему мало
Песен, хороводов и проказ.
Шли лета. Унылым и угрюмым
Не был я, и всё же никогда
Радость, что доступна только юным,
Не ласкала в зрелые года
Сердце воина. Но вот под старость
Вновь она пришла – и в жизни мне
Подвиг лишь один свершить осталось —
Умереть в своей родной земле!»

Многие слышали, как он пел, и видели его воодушевление, и, хотя лишь немногие слышали слова песни, все радовались за князя.

Скакали воины быстро, чтобы нагнать Берингов и Вормингов, и вскоре приблизились к ним, а те, услышав грохот копыт, оглянулись и, увидев отряд Оттера, попридержали коней, так что вскоре все с весёлыми криками и смехом объединились, а потом, вновь выстроившись, радостные, отправились вперёд, к бражному залу Вольфингов, к римлянам. Теперь горечь их буйства и печаль ожидающего их поражения превратились в обычную радость битвы. Точно так же неприятная закваска и грубое сусло превращаются в красного цвета чистое сладкое вино.

Глава XXIII. Тиодольф сражается с римлянами на лугу Вольфингов

Не прошло и часа после этих событий, как на дороге, ведущей из леса на луг Берингов, показались пехотинцы Тиодольфа. На возвышенности они заметили собравшихся воинов и, подойдя ближе, увидели, что некоторые из них обеспокоенно смотрят на брод и на тот берег реки, а другие в сторону леса и прибывшего подкрепления. Это были те, кого Оттер попросил дожидаться Тиодольфа. Оттер дважды посылал к ним гонцов, чтобы Тиодольф мог узнать, что происходит, как только выйдет из чащи. Первый рассказал, как Оттера вынудили напасть на римлян всадники Берингов и Вормингов. Второй, который прискакал только что, рассказал, что римляне одолели готов Марки, оттеснив их от жилища Вольфингов, и те обороняются от врага на лугу между бродом и бражным залом.

Услышав эти новости, Тиодольф не стал задерживаться и задавать вопросы, а сразу же повёл войско к броду, чтобы враг не загнал остатки отряда Оттера в воду и не укрепился на всём западном берегу.

У брода не было никого, кто оказал бы сопротивление. Там совсем никого не было, так как все те, кого оставлял Оттер, услышав, что их родичи сражаются, сразу же поскакали к ним на помощь. Тиодольф перешёл реку вброд, за ним в стройном порядке следовали его пехотинцы. Князь переходил реку пешком, как и его воины. Хотя он и был в гномьей кольчуге, но не взял ни шлема, ни щита. На берег, к лугу Вольфингов он вышел с обнажённым Плугом Толпы в руке. С одежды Тиодольфа капала вода, а лицо его было суровым. Он смотрел вперёд, на место битвы, но обычной своей радости перед сражением не испытывал.

Воины не успели отойти далеко от брода, как слышали шум битвы. Ветер донёс до них гул рогов. Пройдя ещё немного, они увидели сражение своими глазами. Дело в том, что берег реки, вначале плоский, потом уходил холмом вверх, а там, прежде чем снова подняться к жилищу Вольфингов, опускался.

И, взобравшись на этот холм, воины увидели, с чем им предстоит встретиться. Внизу простирались поля, чёрные от римского войска, и в самом центре их летали копья и сверкали мечи – люди, смешавшись, сражались друг с другом.

Увидев, как бьются их сородичи, воины Тиодольфа издали громкий крик и поспешили им на помощь. Князь выстроил их клином, ведя вперёд по всем правилам боевого искусства, и стоявшие с краёв жадно впивались глазами туда, где кипела битва, наблюдая за тем, как она развивается. В тот момент ветер донёс до воинов ответный крик их сородичей – клич готов, окружённых врагами. Они увидели, как кольцо римлян распалось, а их войско отступило, и как собравшийся вместе, хотя и сильно поредевший отряд воинов Марки мужественно нападает на врага. И воины Тиодольфа поняли, что их родичи не бежали и не были рассеяны – они готовы были пасть один за другим, все вместе, и никто не пробивался в сторону брода, хотя там по лугу бегало множество коней без седоков. Теперь уже готы не сомневались в том, что освободят своих друзей от римлян и победят врага.

Но в тот самый момент случилось нечто необъяснимое. Римляне вскоре заметили, что происходит, и половина из них развернулась, чтобы встретиться с вновь пришедшими врагами, а другая половина осталась перед отрядом Оттера. Клин Тиодольфа подходил всё ближе и ближе, пока не приблизился вплотную к месту, где должен был раскрыться и броситься на врага. Готы, осаждённые римлянами, были готовы атаковать со своей стороны. Тиодольф сам вёл войско, и все ждали только его знака, но как раз в тот момент, когда он поднял Плуг Толпы, чтобы дать этот знак, туман застлал его взор, и князь больше не видел то, что было пред ним. Он отшатнулся назад, словно получив смертельный удар, и без сознания повалился на землю, хотя никто не обрушивал на него меча. Тогда клин задержался в

самый момент атаки, и сердца воинов упали – они решили, что их князь убит. Те, кто был к нему ближе всего, подняли его и быстро вынесли с поля боя. Римляне тоже увидели, как он упал и тоже подумали, что он мёртв или тяжело ранен. Они закричали от радости и, не медля ни секунды, отважно атаковали клин. Надо сказать, что римляне, которые раньше превосходили числом отряд Оттера, теперь были в меньшинстве, но в тот момент они подумали, что смогут разбить врагов, раз тех остановило падение их вождя. Отряд Оттера очень устал от тяжёлого сражения против большого войска. Но всё же его воины не видели, как пал Тиодольф, ведь римляне густой стеной стояли между ними и вторым отрядом. И они напали с такой яростью, что отогнали римлян, сражавшихся с ними, назад, прямо на тех, что повернулись лицом к клину. Клин же не отступил, ибо тот, кто стоял за Тиодольфом, громадный и отважный муж по имени Торольф, поднял гигантский топор и громко закричал: «Здесь следующий за Тиодольфом! Здесь тот, кто не падёт, пока враги не проткнут его насквозь! Здесь Торольф из рода Вольфингов! Стойте насмерть, прикройтесь щитами и бейте, пусть Тиодольф и не вовремя ушёл к богам!»

Никто не отступил ни на шаг, и завязалась яростная схватка, а люди Оттера – хотя самого князя не было среди них, как и многих других, павших в бою, и теперь Аринбиорн вёл их, – атаковали так неистово, что пробили себе путь через вражеский строй и воссоединились с родичами. Битва на лугу Вольфингов возобновилась с новой силой. У римлян было одно преимущество: войско Тиодольфа упустило возможность напасть развёрнутым строем, чтобы каждый мог использовать своё оружие. И всё же готы превосходили врагов и храбростью, и числом, и римляне не могли разбить их строй. К тому же, готов преследовало не всё римское войско, а лишь менее половины. Впрочем, когда яростная атака людей Марки была отбита, казалось, что римлянам и не требуется больше, чем половина воинов. Так много пало готов вместе с князем Оттером и Свинбиорном из рода Берингов, что оставшихся римляне посчитали слабым отрядом, который легко будет разбить.

Так шло сражение на лугу Вольфингов в пятом часу пополудни, и никто из врагов не мог одолеть другого. Тем временем воины положили Тиодольфа в стороне от поля брани, под дубом с рассечённой молнией верхушкой на расстоянии в полфарлонга от того места, где происходило сражение. С дубового ствола свисали клочья овечьей шерсти, поскольку жарким летом животные имели обыкновение, проходя мимо дерева, тереться о его кору. Земля рядом с дубом была вытоптана так, что трава там уже не росла, а совсем близко даже образовалась небольшая впадина. Туда и положили Тиодольфа, удивляясь, что с него не каплет кровь и на теле нет ни одной раны от стрелы.

Что же до него самого, то, упав, он забыл и о сражении, и обо всём прочем. Князь был окутан ласковой, приятной дремой. Он снова стал юношей, как давным-давно, ещё до того времени, когда сражался против трёх королей гуннов на ореховом поле. В этих снах он и жил, словно юноша: развлекался на лугу, ездил верхом на необъезженных жеребят, плавал в реке, охотился с теми, кто постарше. А ещё ему снилось, что рядом был один старик, учивший его жизни в лесу и тому, как держать оружие. Сначала сон казался прекрасным. Тиодольф со стариком были в кузнице, они ковали меч, украшая сталь тонкой золотой проволокой. Потом рыбачили удочками у течения Реки Бронибора, а после сидели в углу зала, и старик рассказывал ему о древнем воине рода Вольфингов, которого тоже звали Тиодольфом. Тут они внезапно оказались на лесной опушке, где отдыхали после охоты. У их ног лежала косуля, пронзённая стрелой. Старик рассказывал Тиодольфу о том, как лучше подкрасться к косуле, чтобы она не почуяла его запаха. Всё это время в лесных ветвях слышался гул сильного ветра, словно бас волынки, встречающий в прекрасную мелодию. Но вот Тиодольф встал, желая снова поохотиться. Он наклонился, чтобы поднять копьё, и как раз в этот момент речь старика прервалась. Тиодольф посмотрел на него снизу вверх и увидел, что лицо старика бело, как камень. Юноша дотронулся до него, но старик был твёрд, как

кремень. Лицо его и руки казались похожими на лицо и руки древней статуи бога, хотя ветер шевелил его волосы и одежду, как и раньше. И тогда сердце Тиодольфа во сне пронзила острая боль. Ему показалось, что он тоже отвердевает, становясь камнем. Он боролся, боролся, и вот лес куда-то исчез, а перед ним остался только белый свет и больше ничего. Он завертел головой, и постепенно свет превратился в луг Вольфингов, каким он его уже давно знал. Тихая радость проникла в сердце князя. Он снова взглянул вокруг и не увидел ни коров, ни овец, ни пастушек. Теперь на лугу царило смутение той свирепой битвы, что своим грохотом достигала небес, ведь теперь он видел всё наяву, окончательно проснувшись.

Тиодольф встал и, осмотревшись, увидел печальных воинов, кольцом обступивших его. Они считали, что он смертельно ранен, хотя так и не смогли найти на его теле ран. Гномья кольчуга лежала рядом с ним на земле – её сняли, когда осматривали его тело.

Он взглянул в их лица и спросил: «Что с вами, воины? Я жив и не ранен. Что случилось?»

Один из воинов ответил: «Ты и в самом деле жив или вернулся из мёртвых? Мы видели, как ты упал, когда вёл нас на врага, словно в тебя ударила молния. Мы уже решили, что ты мёртв или серьёзно ранен. Родичи отважно сражаются, и раз ты жив, то всё хорошо».

Тиодольф же ответил: «Дайте мне мой верный меч, и я убью себя сам, не дожидаясь, пока это сделают враги, ибо я уклонился от битвы!»

Тогда один старый воин произнёс: «Если ты сделаешь это, Тиодольф, то не получится ли, что ты дважды уклонишься? Одного раза недостаточно? Давай вернёмся в эту суровую битву, раз у нас теперь опять есть ты».

С этими словами он протянул князю Плуг Толпы, держась за лезвие. Тиодольф взял меч за рукоять, погладил его и проговорил: «Давайте поторопимся, пока на то воля богов, пока они ещё терпят, чтобы я бился за своих родичей».

С этими словами он помахал Плугом Толпы и пошёл туда, где кипело сражение. Сердце его воспламенилось, и радость пробуждавшейся жизни охватила его, та радость, что прежде была только сном.

Старик, что урезонил его, наклонился, поднял с земли кольчугу и крикнул: «Тиодольф, ты пойдёшь без брони в такую суровую битву? Ты бросишь свою прекрасную кольчугу?»

Тиодольф остановился на какое-то мгновение, но тут увидел, что римляне подались назад под натиском готов, а готы начали преследовать их, хотя без особого усердия. И в тот миг Тиодольф, забыв обо всём, кроме битвы, бросился на луг, а все кинулись за ним, и старик бежал последним, держа в руке кольчугу и бормоча:

«Там кровь горячая уйдёт в подземный мир,
И плод из дома Вольфингов исчезнет.
Пророчат, что в саду народа древо
Весною зацветёт. На месте старой,
Иссохшей ветви вырастет другая,
И всё, как прежде будет. Но старик
С годами только старше, и в идущих
За ним не верит – может быть, они,
Забудут о пророчествах отцов».

И он всё спешил вперёд, так быстро, как позволяла его старость, ещё надеясь вернуть Тиодольфу его кольчугу.

Глава XXIV. Готы разбиты римлянами

Когда Тиодольф вернулся к своим родичам, бившимся с врагами, поднялся громкий рёв голосов, ведь многие считали, что он мёртв. Воины собрались вокруг него и кричали, от всего сердца радуясь возвращению товарища. Старик, возражавший Тиодольфу (а звали его Йорундом из рода Вольфингов), подошёл к нему с кольчугой, и князь надел её, даже не заметив этого. Всем своим сердцем он был уже в битве с римлянами, внимательно наблюдая за тем, что они делают. Князь подметил, что они отходят в правильном порядке, как если бы их превзошли числом, но не опрокинули. Он собрал своих людей вместе и заново построил их, так как во время сражения и погони ряды готов смешались. Теперь готы встали уже не клином, а в ряд, где по трое, где по пятеро человек в глубину или даже больше, ведь противник был совсем близко, и готы превосходили его числом, к тому же римляне уже устали. Князь, да и все войны считали лёгким делом окончательно разбить врага, а затем ринуться к бражному залу Вольфингов и напасть на тех, кто остался там, очистив его от чужаков. Однако Тиодольф опасался, что к римлянам может подоспеть помощь от второй половины их войска, ведь с тыла им ничего не угрожало, и они могли выслать большое число людей на подмогу товарищам. Впрочем, мысль ускользала от Тиодольфа с тех пор, как он вновь надел кольчугу. Земля словно колебалась у него под ногами, и он ходил будто бы во сне. Тиодольф смотрел по сторонам, но всё было не так, как раньше, когда во время битвы он не видел ничего, кроме врага, и не надеялся ни на что, кроме победы. Теперь ему казалось, что рядом с ним Солнце Леса. Она не мешала ему, наоборот, словно бы его собственное желание привело её сюда, и он сам не позволял ей уйти. Временами ему казалось, что её красоту он видит яснее, чем воинов вокруг, и действительно, его глаза будто бы затуманил сон. Он чувствовал себя как человек, который засыпает, ещё пытаясь сделать что-то, что пора оставить. Сон сгущался вокруг него, и враг менялся на глазах. Тиодольфу уже казалось, что это не суровые смуглые гладколицые воины со стальными щитами и в железных шлемах с гребнями, а крупноголовые человечки маленького роста с длинной бородой, тёмным лицом и жутким скрюченным телом. Он смотрел вперёд и какое-то время ничего не видел, а голова его кружилась, словно ему нанесли сильный удар.

Готы немного замедлились и смутились: Тиодольф не летел на врага, словно сокол на добычу, как раньше. Римляне же остановились и снова развернулись лицом к противнику. Теперь они стояли выше, там, где склон поднимался к жилищу Вольфингов. Сердца их приободрились, ведь враги видели, что готы медлят с атакой, а солнце уже опускалось, и близился вечер.

Наконец, Тиодольф повёл войско вперёд, держа высоко в правой руке Плуг Толпы; правда, левую руку он протянул в сторону, словно вёл кого-то. Шагая, он бормотал: «Когда эти ненавистные сыны нижнего мира освободят нам путь, чтобы мы могли остаться наедине и насладиться друг другом посреди цветов и солнца?»

Но только два войска сблизилась, как снова раздался гул далёких труб, и готы поняли, что это второй отряд римлян пришёл на помощь товарищам. Враги закричали от радости, а готы, не в состоянии больше сдерживать свой пыл, яростно ринулись в атаку. Тиодольф к этому времени уже настолько был опутан сном, что скорее сам шёл вместе со своими людьми, чем вёл их. Он всё ещё держал Плуг Толпы в правой руке и на ходу бормотал себе в бороду: «Бейте спереди, бейте сзади, бейте справа, но никогда не бейте слева!»

Войска столкнулись. Как и раньше, ни готы не могли отбросить римлян, ни римляне не могли заставить готов бежать. Многие из воинов Марки волновались и беспокоились. Они знали, что вражеская подмога уже недалеко, они слышали, как ближе и радостнее трубили трубы. Наконец, когда готы уже устали от сражения, звуки труб прозвучали так громко, как

если бы они пели в ушах сражавшихся. Раздался топот бегущих пехотинцев, и готы поняли, что на них сейчас обрушится свежее войско. Тогда те римляне, перед которыми не было в тот момент врага, подались направо и налево, и свежие воины пробежали между ними, напав на воинов Марки, влившись в сражение, как речная вода выливается через открытый шлюз плотины. Они шли правильным строем, не ломая ряды, но быстро, и теснили готов, прорвавшись сквозь их строй и погнав их по склонам холмов.

Всё же воины готов сражались отважно. Они вновь и вновь останавливались, обращаясь лицом к врагу отрядами по двадцать, сорок или двести человек. Хотя многие были убиты, но перед этим они сами убили или ранили римлянина, а были и такие, самые старые из готов, что сражались, словно они и несколько человек вокруг – это всё, что осталось от войска. Они не замечали, как другие отступали, как римляне обходили их, отрезая от родичей, и продолжали сражаться до тех пор, пока не падали под многочисленными ударами врага.

И всё же строй готов был разбит. Многие погибли, а оставшиеся в живых были вынуждены податься назад. Казалось, их вот-вот загонят в реку, и тогда всё будет потеряно.

С Тиодольфом же произошло вот что. Вначале, когда напали свежие силы римлян, он будто бы вновь пришёл в себя. Издав клич Волка, князь бросился в гущу сражения, многих убил и не был ранен, так что через мгновение вокруг него образовалась пустота – такой страх он вселил в отважные сердца врага, но те воины, которые стояли рядом с ним и видели его, заметили, что он был бледен, как смерть, а взгляд его был отрешен. Внезапно, пока Тиодольф стоял, устрояя сомневавшихся врагов, что окружили его, на него обрушилась слабость, Плуг Толпы выпал из его рук, и он сам упал на землю, как подкошенный.

Тогда некоторые из тех, кто видел его, решили, что он боролся с какой-то тайной болью, пока, наконец, не мог уже больше терпеть. Другие решили, что на него и на все роды Марки свалилось какое-то проклятие, третьи подумали, что он мёртв, а четвёртые, что он потерял сознание. Но жив он был или мёртв, готы не могли оставить своего князя в гуще врагов. Они подняли его и собрали вокруг смелых воинов, крепко державшихся пред лицом врага, защищая поверженного князя и не сгибаясь под бурным натиском римлян. Так получилось небольшое войско, и противник не мог рассеять его.

Готы прорывались сквозь римский строй, и теперь их вёл Аринбиорн из рода Берингов. Он собирался достичь какой-нибудь возвышенности и сражаться там не на жизнь, а на смерть. Часто отражая атаки врага и собирая по пути новых воинов, готы достигли холма, который одним склоном уходил к броду, а другим к месту, где происходило сражение. Там они остановились лицом к врагу, как люди, которых можно убить, но не победить. Собранные ими по дороге лучники выбежали из-за флангов и стали обстреливать римлян, у которых не было пращников или лучников (они остались у поселения Вольфингов). Римляне некоторое время стояли, не атакуя, и тем самым дали войску Марки отдышаться, и это стало спасением для сынов Тюра. Напади на них римляне со всем жаром и упорством, готы пали бы все до единого, ведь они потеряли своего предводителя либо мёртвым, как думали одни, либо, как думали другие, проклятым богами. На сердце готских воинов было тяжело. Они крепко стояли бы на холме, пока не свалились бы замертво, почти не надеясь ни на что и понимая: умри они там, никто и ничто не встанет между готским народом и римскими захватчиками, и вся Марка будет разорена.

Но снова малодушие римского командира спасло его врагов, поскольку если раньше он думал, что вся сила Марки в отряде Оттера, и считал, что их слишком мало, чтобы уделять им внимание, то теперь он резко поменял своё мнение и решил, что отряд Тиодольфа только часть того войска, которую послали готы для поддержки своих родичей, и ему казалось, что их на самом деле слишком много, чтобы продолжать сражение.

А теперь ещё наступала ночь, и места были незнакомы римлянам, ведь они не могли до конца доверять готским предателям, водившим их. Кроме того, поблизости был лес, а что

в нём — неизвестно. К тому же скажем, что на них напал ужас какого-то неизвестного рока. Лесные поселения были так же ненавистны и страшны им, как дороги готам, боги которых, казалось, ждали падения римлян, и оно было неминуемо, даже если бы южане перебили всех жителей Марки.

И вот римляне отогнали готов на ту возвышенность над бродом, которую, конечно, нельзя назвать ни укреплением, ни горой, ни даже холмом, но всё же римляне остановили атаку и, издав победный клич, отступили, подбирая своих убитых и раненых и убивая раненых жителей Марки. Взяли они и нескольких пленных, но совсем немного, ведь в тот день на лугу Вольфингов воин сражался с воином не на жизнь, а на смерть.

Глава XXV. Войско Марки укрывается в диком лесу

Хотя римляне ушли, готам было нелегко. Их разбили, и если бы они пришли в чужую землю и могли в любой момент покинуть её, то это было бы не так страшно, но они находились на своей земле, и враг засел в их доме, и они должны были либо прогнать его оттуда, либо погибнуть. Многим казалось, что настали злые времена и боги сражаются против них. В эти минуты и Вольфинги, и другие роды вспоминали мудрую Солнце Крова и с нетерпением ждали от неё вестей.

Но по войску разнеслась только весть о том, что Тиодольф не был убит. Он медленно пришёл в себя, правда, всё ещё не был самим собой. Князь, мрачный и тихий, сидел в окружении своих воинов – совсем не похожий на того, каким он был обычно, ведь обычно он был весёлым человеком и радушным другом.

И вот посередине холма, где закрепились воины Марки, собрались в круг опытные воины и командиры, которые не были убиты или серьёзно ранены в битве. Среди них на земле сидел и Тиодольф. Половину его лица закрывала борода, и он больше походил на пленного, чем на вождя в рядах своего воинства. К тому же, ножны его были пусты, потому что когда Плуг Толпы упал на землю, он был затоптан ногами и затерялся в суматохе сражения. Тиодольф сидел, а остальные грустно смотрели на него. Там были Аринбиорн из рода Берингов, Волчья Голова и Торольф из рода Вольфингов, Хиаранди из рода Элькингов, Гейрбальд из рода Шильдингов, который служил гонцом в лесу, Рыжий Лис, видевший римское укрепление, и многие другие. Наступила ночь, и в стане разожгли костры, приговаривая, что римляне и без того знают, где их искать. Вокруг этих костров люди ели и пили то, что смогли раздобыть. Там, где собрались командиры, горел самый большой костёр, и взгляды, выражавшие просьбу о помощи или совете, были обращены к нему, ведь никто больше не мог ответить на вопрос, кто они теперь. На сердце у всех было тяжело, и ни один воин не знал, что им теперь делать. Боги вырвали победу из их рук, когда она уже казалась такой близкой.

Но вот кто-то приблизился к костру. Воины расступились, и к вождям подошёл юноша. Он спросил: «Кто может указать мне нашего князя?»

Тиодольф сидел близко к нему, но ничего не сказал. Вместо него ответил Аринбиорн: «Этот человек, сидящий здесь, наш князь. Ты можешь сказать ему, что нужно, ибо он, возможно, слышит тебя. Но сначала скажи, кто ты сам?»

Юноша ответил: «Моё имя Али, сын Серого. Я гонец от Солнца Крова и всех тех, кто сейчас укрывается в лесу».

Когда юноша произнёс имя Солнца Крова, Тиодольф вздрогнул, взглянул на него, а потом повернулся влево и спросил: «Что говорит твоя дочь?»

Никто не обратил внимания на то, что он сказал «твоя дочь». Все подумали, что он говорил «моя дочь», ведь считали, что он её приёмный отец, да и он всегда называл её так.

Али ответил: «Князь и вожди, Солнце Крова говорит так: “Я знаю, что Оттер уже убит, а с ним и многие другие. Знаю и то, что вы сами были разбиты, и римляне преследовали вас. Знаю, что нет у вас теперь других мыслей, кроме как ждать врага там, где вы сейчас, и там же храбро погибнуть. Поэтому я прошу вас исполнить мою просьбу и сделать именно так, как я скажу. Неважно, кто умрёт, а кто останется в живых, роды Марки преодолеют опасность, и жизнь продолжится и расцветёт. Сделайте следующее. Римляне не догадываются, что могут не найти вас завтра здесь или на другом берегу реки. Вы разбиты, и они нападут, обрушив на вас всю свою мощь. После этого они укрепятся по своему обычаю в землях Вольфингов, и из этого укрепления огонь, меч и цепи неволи проникнут в каждый дом Марки. Вы же теперь должны обмануть их и уйти в лес, на северо-запад от построек. Идите к тингу Средней Марки. Кто знает, может быть, завтра мы вновь нападём на этих раз-

бойников. Это прояснится, когда мы посоветуемся с вами, находясь лицом к лицу, ибо мы, что остались дома, знаем о судьбах этих римлян больше вас. Поторопитесь, и пусть ваши ноги не порастут травой!

Что касается тебя, Тиодольф, у меня есть что сказать тебе при встрече, ибо я знаю, что сейчас ты не услышишь меня”. Так сказала Солнце Крова».

«Ты скажешь что-нибудь в ответ, князь?» – спросил Аринбиорн. Тиодольф покачал головой. Аринбиорн спросил ещё раз: «Мне ответить за тебя?» Тиодольф кивнул. Тогда Аринбиорн произнёс: «Али, сын Серого, ты сейчас вернёшься к той, что послала тебя?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.